

**Российская Академия Наук
Институт философии**

**"ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ"
(философско-политический анализ)**

**Москва ·
1995**

ББК 66.01
Т 38

Ответственный редактор - канд. филос. наук
Р.И.Соколова
Редактор - канд. филос. наук В.И.Спиридонова

Рецензенты:
д.ф.н. *В.А.Подорога*
д.ф.н. *В.Н.Шевченко*
к.ф.н. *Е.А.Самарская*

Т 38

"Технология власти" (философско-политический анализ). - М., 1995. - 163 с.

Предлагаемая читателю монография посвящена рассмотрению различных исследовательских подходов и теорий, пытающихся ответить на вопрос о генезисе, сущности, формах властных отношений в обществе. В работе дается анализ соотносительности категорий власти и влияния и их трансформации в рамках демократического общества; раскрываются сущностные основания политической и социальной утопии; анализируется ценностная легитимация политической власти; рассматривается становление новой политологической категории "политический человек" в сопряжении с проблемой власти. Большое внимание уделяется практическим средствам и методам реализации власти.

Монография предназначена для специалистов в области политической философии и политологии, но представляет интерес также для профессиональных политиков.

ISBN 5-201-01871-8

© ИФРАН, 1995

Предисловие

Проблема власти во всех ее аспектах продолжает занимать умы как профессиональных политиков, так и теоретиков - философов, социологов, политологов, ученых самых разных специальностей. Без преувеличения можно сказать, что любая социально-политическая доктрина отводит проблеме власти и механизмам ее реализации центральное место. Это одна из основных категорий и одна из самых дискуссионных проблем политической философии и политической науки. "Тайна власти" порождает небывалое многообразие подходов и теорий, пытающихся ответить на вопрос о генезисе, сущности, формах властных отношений в обществе. Концепции власти простираются от проблем рассмотрения этого феномена в рамках коллективного социального действия до акцентирования отдельных сторон "неравного обмена" санкциями и ресурсами в условиях классического двухстороннего взаимодействия между двумя индивидами в обществе.

Кризисная ситуация в России со всей остротой поставила вопрос о необходимости продолжить анализ не только общеконцептуальных основ такого фундаментального проявления общественной жизни как власть, но и механизмов ее реализации, затрагивающих как общенациональные интересы, так и оказывающих свое влияние на каждого гражданина в отдельности.

Предлагаемая читателю работа представляет дальнейшее исследование проблемы власти, которой был посвящен первый выпуск этой серии "Власть. Философско-политические аспекты" (М., 1989). Задача данного труда состоит в том, чтобы привлечь внимание не только к чисто теоретическим аспектам, но и к прагматической, практической перспективе исследования.

В соответствии с этим намерением одна часть работы посвящена рассмотрению различных исследовательских подходов к феномену власти, анализу соотносительности категорий влияния и власти и их трансформации в рамках демократического общества, раскрытию сущностных оснований политической и социальной утопии и т.д. Другая - сосредоточена на практических средствах и методах реализации власти: раскрывается деятельность политических партий, анализируется роль приобретающих все больший вес посреднических образований - так называемых

групп давления. Большое внимание уделяется также анализу различных форм манипулирования общественным сознанием, имеющему место в современной практике демократических обществ. Манипулирование лишает общество возможности выработки оптимального варианта демократического устройства, главной и вечной целью которого является всевластие народа, а главным благом, ради которого и задумывалась сама демократия - благо нации, а не отдельных ее представителей.

Все эти вопросы рассматриваются главным образом на основе западных общественно-политических теорий и политической практики, однако полученные выводы вполне применимы к сегодняшним условиям нашей страны, пытающейся опереться на западный политико-правовой опыт.

В качестве приложения предлагаются два материала, каждый из которых - только фрагмент и заявка на дальнейшую разработку темы власти: один - в историко-философском аспекте, другой - в свете изучения довольно успешного опыта Китая, который у нас пока еще остается невостребованным.

Р.И.Соколова (Предисловие, перевод гл. 1, 1, гл. 2, 1, гл. 3),
У.Матц (гл. 1, 1), *В.И.Спиридонова* (гл. 1, 3, гл. 2, 4, гл.3),
Е.В.Осипова (гл. 1, 2), *И.И.Кравченко* (гл. 2, 3), *К.А.Зуев* (гл. 2, 2),
О.Л.Безручкин (Приложение 1), *В.Г.Буров* (Приложение 2).

Глава 1. Понятие власти

В политической науке и политической философии не существует единого теоретико-методологического подхода к анализу феномена власти, интерпретации этого понятия, определению его объема и т.п. Тем не менее категория власти широко применяется в исследованиях любого рода политических отношений - международных, национальных или локальных. Многие авторы утверждают, что отношения власти являются важнейшей, если не главной и определяющей чертой политических отношений. Различия между политическими системами или глубокие изменения в обществе воспринимаются в первую очередь как различия в распределении власти между индивидами, группами и другими социальными единицами. Констатируется, что власть может быть относительно концентрированной или диффузной, ее носителями могут быть индивиды, страты, классы, профессиональные, этнические, расовые или религиозные группы, наконец, власть может быть относительно большой или малой.

Исследования отношений власти в рамках различных организаций составляют еще более обширную группу. Уже не политическая, а бюрократическая (организационная) власть становится в этих случаях объектом рассмотрения. Весь широкий спектр организационных отношений - отношения управления, предполагающие подчинение, влияние, убеждение и т.д., - также исследуются как своего рода властные отношения. Понятие власти, таким образом, применяется ко многим сферам межличностных взаимодействий, создавая возможность для незаметной подмены плоскостей рассмотрения, а следовательно, перенесения выводов, сделанных, например, в организационной области, на политическую, и наоборот. Вследствие этого исследователи, занимающиеся проблемой власти, часто вынуждены признавать зыбкость, теоретическую ненадежность результатов исследований власти, а также "смутность" самого этого понятия.

Вполне естественно поэтому на первое место выдвигается проблема определения власти, связанная с наличием той или иной концепции властных отношений, создаваемой на базе определенной философской или общесоциологической теории.

1. О трудностях определения понятия власти

Классическое понятие власти так называемого политического реализма во многих отношениях сходно с понятием бога у схоластов: власть раскрывается как *ens realissimum*¹ политики и в качестве таковой есть одновременно высшая цель политического действия и его первая причина. С другой стороны, власть видится как материальное благо, а значит, она может быть завоевана, утрачена, увеличена или уменьшена; она характеризуется даже как "деньги политики". Таким образом, она проявляется как количественно измеряемая величина, которая может быть передана, поделена, а также приведена в "равновесие". И наконец, если власть асимметрично разделена, то ее части могут друг друга компенсировать. При этом большая власть одной стороны есть такая власть, к которой в результате приходит кто-то один, в то время как малая власть другой стороны может остаться без внимания. Следовательно, власть в итоге есть сверхвласть. Это положение сводится к принципиальной предпосылке: власть в конечном счете существует только в поле потенциального конфликта и проявляется в одностороннем отношении - от причины (власть) к действию (вынужденное изменение поведения слабой стороны). Таким образом констатируется, что анализ власти может привести к выявлению ее четкой структуры.

Этот подход принимает во внимание в лучшем случае только незначительную часть феномена, обозначаемого словом "власть". Более того, сам феномен в конце концов даже полностью исчезает из виду - точка зрения консенсусной теории власти², согласно которой власть соответствует человеческой способности не только действовать и что-то предпринимать, но и объединяться с другими, действовать в согласии с ними. Властью никогда не располагает кто-то один: она принадлежит всей группе и существует до тех пор, пока группа держится вместе. Если мы о ком-нибудь говорим: он "имеет власть", то фактически это означает, что этот человек уполномочен определенным числом людей действовать от их имени. Если группа, которая уполномочила обладателя власти и передала ему свою власть, распадается, то прекращается и "его власть". Луман это довольно смелое выведение власти "из группы" переформулировал и значительно дифференцировал в духе теории систем.

---

¹ Реальнейшее сущее (бог) - лат.

² Ее известной представительницей является Х. Арендт (*Arendt H. Macht und Gewalt. München, 1970*).

Находим ли мы здесь предпосылки для фундаментальной критики политического реализма?

На первый взгляд, консенсусная теория власти прямо противоположна классическому пониманию. Друг другу противостоят не только относительные величины - конфликт/консенсус, но противоположным образом может пониматься также позиция обладателя власти и само качество власти. В первом случае обладатель власти фактически ее имеет, и она является его достоянием; во втором случае обладатель власти кажется безвластным, зависимым от границ и продолжительности предоставленных группой полномочий (Х.Арендт) или структуры социальной системы (Н.Луман). Продолжая эту мысль, можно сказать, что в первом случае власть порождает систему - соответственно сохраняет ее, во втором - система порождает власть. Оба теоретических положения могут быть поняты как абстракции двух различных архетипов политической ситуации: с точки зрения политического реализма здесь всегда действует образец макиавеллевского *principio nuovo*, предполагающего ситуацию создания государства - соответственно нестабильных политических отношений; с точки зрения консенсусной теории - вырисовывается ситуация консолидирующей политической системы. При сравнении бросается в глаза, что понимание власти с точки зрения политического реализма раскрывается на примере исключительной ситуации и, кроме того, нереалистично исходит из тотальной изоляции обладателя власти.

В остальном же при внимательном рассмотрении обеих позиций обнаруживается их существенное совпадение: если в теории конфликта власть в конце концов определяется только на основе отношений между обладателем власти и адресатом власти, то консенсусная теория властных отношений придает значение асимметрии с элементом принуждения.

Далее, альтернативные позиции фактически не могут быть сравнимыми, ибо они проявляют себя в различных плоскостях: теория конфликта акцентирует внимание на осуществлении власти, в противоположность этому консенсусная теория выявляет генезис власти. Из-за этого разногласия нельзя согласиться с тем, что социальные теории получают свой особый профиль благодаря всеохватывающей редукции реальной сложности. Возникает закономерный вопрос: действительно ли власть должна проистекать только из консенсуса и проявить себя только в виде вынужденного изменения поведения? Во всяком случае очевидно, что обе теории мало или совсем ничего не говорят о власти. Тогда следует спросить: не приквет ли это удивительное по-

ложение дел к тому, что никто "точно не знает, о чем, собственно, идет речь"³. Или к тому, что о феномене нельзя сказать больше того, что уже сказал М.Вебер в своей знаменитой дефиниции?

В связи с этим следует внимательно проанализировать веберовское понятие власти, которое странным образом оказалось вне поля зрения социальных наук.

Прежде всего надо отметить, что в концепции немецкого ученого проводится четкое различие между основаниями властных отношений и сферой реализации власти. Вопрос об основаниях власти остается совершенно открытым, феноменология осуществления власти также строго не определяется, однако в конечном счете она дается в духе политического реализма, т.е. исходя из ситуации конфликта. Из первого признака понятия власти - основания власти - вытекает вывод о том, что средства принуждения, применяемые во время конфликта, не представляют, по Веберу, единственного базиса власти.

В самом деле, сегодня можно считать бесспорным, что мы имеем дело с бесчисленным множеством гетерогенных ресурсов власти (информация, авторитет, деньги, шансы отказать в кооперации и т.д.), благодаря чему снимается проблема однообразия власти, односторонности властных отношений и однозначности властных структур. Вопрос оказывается даже глубже: на какой вообще плоскости две власти могут встречаться, граничить друг с другом или превалировать друг над другом, ибо, опираясь на два различных ресурса власти, они фактически представляют различные виды власти.

На фоне современных исследований многообразия ресурсов власти образ романского одинокого стратега власти, выведенного в работах Макиавелли, предстает как одно из главных действующих лиц, который свою власть черпает прежде всего из социального контекста. Игнорируя схематичность собственного описания взаимодействия конкурирующих сторон и подданных государя, Макиавелли, например, обсуждая аморальность государей, ясно показывает, как могут имеющиеся в обществе представления о добродетелях как границах власти функционировать в качестве ресурсов власти.

Второй признак дефиниции Вебера, согласно которому феноменология осуществления власти зависит от ресурсов власти и ситуации, остается открытым и нуждается в четком анализе. Предъявленное им требование к власти, которая должна уметь

---

³ Luhman N. Klassische Theorie der Macht. Kritik ihrer Prämissen // Zeitschrift für Politik. 1969. Jg. 16. S. 149.

осуществляться "и осуществляться вопреки сопротивлению", дабы проявить себя в качестве так вой, недостаточно ясно. Если его понимать так, как это имеет место в теории конфликта, то это должно было бы означать, что власть может быть независимой от своих оснований только в (потенциальном) конфликтном отношении. Однако это находится в определенном противоречии с первым признаком дефиниции - многообразием возможных ресурсов власти.

Что в таком случае представляет собой основанная на авторитете (харизме, компетентности или должности) власть над свитой, членами общины, гражданами? Сопротивление авторитету есть признак крушения базиса власти или ее границ, а также признак того, что для обладателя власти больше нет шансов ее осуществить. Можно ли на этом основании сделать вывод о том, что из-за этого она была ранее не-властью?

"Донауное" понимание, которое мы, верные аристотелевской научной традиции, не хотим игнорировать, несомненно, исходит из того, что обладатель власти имеет власть также и над своей свитой, невзирая на то, что эта власть может быть сведена к фактам консенсуса, доверия и т.д. Это говорит о том, что власть покоится "в группе" (Арендт), которая проявляет себя в сопротивлении. Но соглашаясь с утверждением Арендт о том, что власть в конечном счете коренится исключительно в группе, нельзя постичь сущности авторитета: он как раз не безразличен к индивидуальной настрою своего окружения, иначе бы он не был таковым. Это сопряжение двух взаимодействующих властей внутри одного и того же социального отношения, их взаимная зависимость и возможность их реализации не исчерпываются описанием в рамках примитивной конфликтной модели и, видимо, затрагивает серьезные теоретические проблемы.

Таким образом, мы подходим к третьему пункту, являющемуся ядром веберовской дефиниции - определению самой власти. Вебер использует здесь непривычное для нас выражение "шанс" и тем самым придает власти онтологически высокий статус. Переведем в этой связи термин "шанс" как "возможность действовать" и дополним его смысл, принимая во внимание другие признаки дефиниции, словосочетанием "вероятное действие против других". Тогда станет очевидным, что если власть есть только возможность, а, следовательно, не действительность, то перед политическим реализмом возникает проблема: каким образом категория власти вообще может быть доступной для эмпирическо-научного анализа. Очевидно, эмпирические высказывания относительно власти возможны

только в том случае, если власть была успешно осуществлена и, следовательно, если реализация действия и его результат подтверждают то, что власть действительно имела место. Понятно, что это относится только к реализовавшимся действиям, а не к проектируемым, про которые мы никогда не можем знать наверняка, осуществляется ли они фактически или нет. Высказывания относительно власти, т.е. относительно свободы действий, возможностей ее реализации, имеют характер только прогнозов, ценность которых сомнительна.

На это могут возразить, заявив, что существуют многочисленные социологические и политологические исследования власти, которые к тому же сопровождаются бурными дискуссиями относительно адекватности самих методов исследования. Эта литература, однако, может служить скорее для подтверждения, чем для опровержения нашего понимания власти. Героическое время борьбы между разным отношением к репутации властителя, его роли в процессе принятия решения давало в этом смысле информацию, которая недостаточно принималась во внимание в дискуссии о правильных методах анализа власти. Кратко обобщая сказанное, можно утверждать, что метод оценки репутации властителя, с помощью которого власть должна измеряться на основании опросов (надо надеяться - компетентных) его окружения, анализирует как раз не саму эту власть, а мнение третьей стороны относительно непосредственного предмета исследования; что позиционный метод представляет нормативно определяемую структуру распределения власти как реальную - это соответствует общему донаучному суждению как эмпирическому и вероятностному суждению, но именно поэтому претензии самонадеянной социально-научной методологии едва ли правомерны; и, наконец, что метод процесса принятия решения видится явно и вполне в духе выдвинутой здесь предпосылки, согласно которой власть может определяться в крайнем случае ex post, и результаты тогда должны использоваться в прогностическом плане. Власть сама попадает здесь в поле зрения только (а) частично и (б) гипотетически.

Дальнейшее исследование проблем власти в направлении усовершенствования методов и комбинаций различных подходов или в направлении ее дифференциации по сферам действия ничего не может изменить в сущности вывода о том, что мы в принципе не вышли за пределы предполагаемого политического решения.

Проблема, состоящая в том, чтобы понять власть по образцу отношений реальных предметов, конечно, еще не проанализиро-

вана. Независимо от методологического подхода к решению проблемы можно задать также вопросом: каким образом хотя бы теоретически, можно определить власть как реальную возможность действия?

Если мы понимаем власть как "свободу действий", то целесообразно определять власть в соответствии с ее величиной и относительно ее границ. Другими словами, должны быть указаны по крайней мере условия, при которых власть может осуществляться.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что общественно-политическое устройство есть реальная системная структура, которая определяет разделение ресурсов власти, свободу действия и ее границы. Следовательно, система есть условие возможности действия и одновременно границ действия. Каким образом каждый обладатель власти включен в это, лучше всего можно продемонстрировать с помощью модели абсолютного властелина, монополиста всякой власти. Если бы такой властелин в какой-то момент попытался один реализовать всю номинальную полноту власти, то из-за огромного количества задач и полного вакуума информации он был бы неспособен к действию. Фактически ни одна автократическая власть не пытается осуществить господство в соответствии с номинальной идеологией власти; все реальные актеры осуществляют свою власть в системе с разделением труда, т.е. в системе кооперации, в которой действующие лица дополняют друг друга. Даже если такая система кооперации функционирует как иерархическая, управляемая из центра, то автоматически по мере функциональной и структурной дифференциации политической системы появляются побочные сферы действия власти с собственными ресурсами (информацией, знаниями, определенной сферой компетенции). Эти побочные ветви власти могут действовать также как анти-власть соразмерно своим ресурсам, но в первую очередь они являются условием осуществления высшей власти. Возникает мнимый парадокс: только "разделение" упомянутой тотальной власти вообще создает власть в высшей инстанции. Заканчивая мысль, можно сказать, что власть становится реальной возможностью только благодаря ограничению.

Если эта констатация правильна, то все же остается вопрос: а не являются ли "разделение власти" и "ограничение власти" скорее метафорой, чем понятием, отражающим действительность? Если мы возьмем простой случай - правительство, то выясняется, что оно, чтобы осуществлять власть, предписанную ему конституцией, или власть, на которую оно претендует само, дол-

жно обслуживаться бюрократией, созданной внутри иерархической правительственной системы. Отношения власти с позиционной точки зрения ясны: бюрократия, соответственно классической модели бюрократии, инструментально управляется правительством. Путаницу вносит, однако, противоположная точка зрения, согласно которой именно правительственная бюрократия управляет правительством. Разумное разрешение проблемы видится в предположении, что оба мнения правильны или, наоборот, оба ошибочны.

Выделяя различные виды власти на основе различных ресурсов, мы сразу же обнаружим, что власть бюрократии иная, чем власть правительства. Если правительственная власть опирается на партийно-политическое большинство, общественное одобрение (через доступ к средствам массовой информации), конституционно-правовые полномочия и т.д., то власть бюрократии - на информацию, селекцию информации, ограничение компетенции; и, наконец, поскольку право принимать решения были делегированы ей правительством, - она имеет также часть непосредственной правительственной власти. Последнее - вообще уже эвфемизм, так как само правительство, вероятно, делегированную власть никогда не могло ощутить. Это означает, что она была делегирована формально, т.е. реально не была дана правительству. Власть как реальная возможность действия есть только в руках бюрократии; таким образом, разделение власти здесь по меньшей мере только метафора.

Если мы далее обратимся к изучению модели взаимодействия между правительством и бюрократией, т.е. взаимного использования возможностей их воздействия друг на друга, то ни в коем случае не обнаружим ясно определенных границ власти. Это зависит не от неудовлетворительной методики или каких-то конкретных трудностей, а от структуры самого поля исследования. Каждое воздействие ограничивает свободу действия другой стороны, но может и заново открыть или развить возможности ее действий. Так как оба часто являются следствием одного и того же акта (например, представления информации в качестве основы для принятия решения правительством), то поиски ясной линии, отделяющей друг от друга две сферы власти, априорно безнадежны.

Полученный вывод не зависит от того, что понятие власти применяется здесь в широком смысле, допускающем между "влиянием" и "господством" наличие целой шкалы форм осуществления власти. Даже если о власти говорить иначе, чем здесь говорилось - т.е. только в том смысле, что воля может осуществ-

вляться вопреки сопротивлению, - познавательная ситуация принципиально не изменится. Факт осуществившейся воли руководства (правительства), который был обеспечен адресатом власти (бюрократией), предлагает модель ситуации, в которой воля осуществляется вопреки противостоящей ей воле. Остаются нерешенными также вопросы: подходит ли эта модель к тому случаю, когда бюрократия, например, благодаря своей компетенции осуществляет "сопротивление" планам политического руководства? Оказывается ли сильнее бюрократия в том случае, когда она "реализует себя" благодаря убеждениям, или же сильнее оказывается нежелающее обучаться правительство, когда оно одерживает верх над бюрократией, предпочитающей долг политической лояльности? Еще более принципиально нужно поставить следующий вопрос: не является ли представление о ясной воле слишком узким для воплощения того, что не очень ясно определяется, чтобы соответствовать реальности процесса управления? "Президент способен к действию. Предполагается, что он знает, чего он вообще хочет. Однако последнее само по себе представляет иногда очень большую проблему". (Г.Киссинджер). Мы знаем, что бюрократия часто работает или должна работать с обоснованным предположением относительно определенной правительственной воли, так как правительство никогда не может охватить все части правительственной системы. В таком случае где и чья власть здесь кончается?

Если границы власти в процессе взаимодействия не будут ясными, то произойдет то же самое, как в случае, если мы будем рассматривать обладателя власти как лицо, действующее только ради своей выгоды. При данных обстоятельствах предоставление "постоянной" свободы действия уменьшается, если мы замечаем, что "употребление" власти может привести к увеличению власти. Так, например, политик, используя свои ресурсы в общественной деятельности, может спускать широкое одобрение и, следовательно, получить определенную свободу действий. С другой стороны, если мы натолкнемся на границы власти там, где их ожидали меньше всего - во "всевластии" римского императора, например, или в "непреодолимости" современной государственной власти, - то именно вследствие использования силы этой, казалось бы, явно преобладающей власти в конфликте с "безвластными", ее носители сами могут внезапно оказаться "безвластными", как римский император в борьбе с раним христианством или как современное государство в конфликте с "борцами за мир", подорвавшими правовое государство. И даже там, где мы, наконец, ожидаем найти объективные границы сво-

боды действий, нас ждет разочарование: когда, например, Римский клуб знакомит нас с границами роста и показывает насколько серьезно положение вещей в этой области, тогда мы вместе с Римским клубом должны с удивлением констатировать, что неприступные на первый взгляд границы могут сделаться проницаемыми благодаря инновационным действиям - таким как экономия энергии, применение новых ресурсов или безотходное производство.

Пропагандистская форма власти "безвластных", произрастающая из их глубоких убеждений и могущая, в конце концов, даже покорить чувствительного к ценностям обладателя власти; цивилизованное самоограничение из-за государственно-правовых обязательств государственной власти; то обстоятельство, что при одинаковых условиях "воля к власти" *per se*⁴ придает силу, ибо может использовать решительность, свободу действий, новые возможности, достигнутые без всякого принуждения из-за изменившихся установок окружения, внутреннего самоослабления; быстрый крах внезапно окрепнувшего веймарского либерализма за два года до конца Веймарской республики - все эти субъективные детерминанты показывают что мы должны отказаться от модели властелина, который обладает объективированной свободой действий в отношении других.

2. Современные концепции власти

На современные исследования власти, включающие как определение этого понятия, так и последующую концептуализацию, сильно влияние оказал М.Вебер. Многочисленные последователи продолжили и развили в свете новых эмпирических и теоретических изысканий основные линии признанного "классическим" веберовского анализа.

Вебер не ограничивал формы проявления власти исключительно принуждением и насилием, признавая роль убеждения, влияния, авторитета и т.п. Феномен власти анализируется им с различных точек зрения: психологической, социологической, экономической, политической, этической. Этот многосторонний подход в дальнейшем распался в западной политической науке и философии на множество дивергирующих подходов, сконцентрированных на каком-либо одном аспекте власти - психологическом, социальном или политическом.

---

⁴ Благодаря себе, самостоятельно - лат.

Одни исследователи рассматривают власть прежде всего как политическую категорию, которая не может быть применена к индивидуальным отношениям. Власть есть "функция организации ассоциаций, создания и упорядочивания групп или функция самой структуры общества"⁵.

Сторонники более "широкого" подхода к изучению власти предлагают одновременно признать также существование индивидуальной формы власти, отличной от политической власти, но имеющей с ней определенное сходство. Т.Парсонс, например, усматривает суть индивидуальной власти в том, что она выражает отношение господства одного индивида над другим посредством манипулирования позитивными и негативными санкциями. Это отношение, по Парсонсу, может быть сравнимо с обменом в экономической области, посредством которого стороны взаимно предоставляют друг другу материальные блага или инструментальные услуги. Политическая же власть в отличие от индивидуальной - символическое и интернализированное средство господства, цель которого - организация коллективного действия. Парсонс проводил параллель между природой и ролью власти в политической сфере и властью денег в экономике⁶.

Наконец, третья категория политологов и политических философов полагает, что власть во всех ее формах представляет единый феномен. Так, согласно Г.Лассвеллу и А.Капелану, уделявшим большое внимание проблеме соотношения политики и психологии, "политическая наука занимается властью в целом, во всех ее существующих формах"⁷.

Основной тенденцией рассмотрения властных отношений является их психологизация. Власть определяют чаще всего как межличностное отношение, позволяющее одному индивиду изменять поведение другого. Фокусирование внимания на том, что власть есть отношение, т.е. на реляционном аспекте - характерная черта веберовской традиции, подразумевающей возможность волшебного воздействия одних индивидов и групп на другие. Согласно обобщенному "реляционному" определению, власть - это такие "отношения между социальными единицами, когда поведение одной или более единиц (ответственные единицы) зависит при некоторых обстоятельствах от поведения других

---

⁵ Bierstedt R. An Analysis of Social Power // American Sociological Review. 1950. № 15. P. 733.

⁶ Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society. 1963. № 107. P. 248.

⁷ Lasswell H.D., Kaplan A. Power and Society. New Haven, 1950. P. 75.

(контролирующие единицы)⁸. Для более смягченного варианта этого определения власть есть "потенциальная способность, которой располагает группа или индивид, чтобы с его помощью влиять на другого"⁹. Сохраняя момент принудительности, характерный для Вебера, некоторые авторы определяют власть как "способность одного индивида или группы осуществлять свою волю в отношении других - либо через страх, либо отказывая в обычных вознаграждениях, либо в форме наказания и вопреки неизбежному сопротивлению; все эти способы воздействия представляют собой негативные санкции"¹⁰.

Общим моментом этих определений является то, что властные отношения интерпретируются в них прежде всего как отношения двух партнеров, воздействующих друг на друга в процессе взаимодействия. В литературе выделяются три главных варианта "реляционного" подхода: теории сопротивления, обмена ресурсами и раздела зон влияния¹¹.

В теориях сопротивления (Д.Картрайт, Ж.Френч, Б.Рейвен и др.) исследуются такие властные отношения, в которых субъект власти подавляет сопротивление ее объекта. Соответственно разрабатываются классификации различных степеней и форм сопротивления. В теориях обмена ресурсами (П.Блау, Д.Хиксон, К.Хайнингс и др.) на первый план выдвигаются ситуации, когда имеет место неравное распределение ресурсов между участниками социального отношения и вследствие этого возникает острая потребность в них у тех, кто их лишен. В этом случае индивиды, располагающие "дефицитными ресурсами", могут трансформировать их излишки во власть, уступая часть ресурсов тем, кто их лишен, в обмен на желаемое поведение.

Теории раздела зон влияния (Д.Ронг и др.) концентрируют внимание не столько на отдельных ситуациях социального взаимодействия индивидов, сколько на их совокупности. При этом подчеркивается момент изменяемости ролей участников: если в одной ситуации властью обладает один индивид по отношению к другому, то с трансформацией сферы влияния позиции участников меняются.

---

⁸ Dahl R.A. Power // International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 12. P. 407.

⁹ French J.R., Raven B. The Bases of Social Power // Cartwright D., Zander A. Group Dynamics: Research and Theory. L., 1960. P. 609.

¹⁰ Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964. P. 117.

¹¹ Goetschy J. Les theories du pouvoir // Sociologie du travail P., 1984. № 4. P. 447-448.

В теориях сопротивления Веберовская идея о том, что власть по своему существу является отношением, выражающемся в применении принуждения и насилия, продолжает оказывать определенное влияние, хотя "пересаживается" на иную теоретическую почву. Ж.Френч и Б.Рейвен трактуют основания власти значительно шире, чем Вебер, предлагая следующий их набор: вознаграждение или принуждение со стороны субъекта власти; признание объектом власти законного права ее субъекта предписывать ему определенное поведение; идентификация объекта власти с ее субъектом; наконец, основанием власти может быть знание, которым обладает ее субъект¹². Соответственно выделяются пять типов власти. Власть, основанная на вознаграждении, возрастает с размером ожидаемого вознаграждения. Пример этого типа власти - повышение производительности труда вследствие ожидаемого вознаграждения, когда параллельно с ростом производительности возрастает конформность по отношению к вознаграждающему, следовательно, и его власть. Власть как принуждение основана на ожидании наказания за неконформное поведение. Сила власти в этом случае зависит от угрозы наказания. Например, основой принудительной власти может являться вероятность увольнения, если уровень производительности труда рабочего окажется ниже требуемого. Власть, основанная на позитивных санкциях (вознаграждение), имеет тенденцию возрастать и эволюционировать во власть, основанную на идентификации подчиненного с начальником, власть же, основанная на негативных санкциях, ведет к тому, что подчиненный стремится уйти из поля влияния своего начальника. Законная или легитимизированная власть основана на признании права начальника предписывать подчиненным их поведение. Это признание основывается на традициях, интернализованных ценностях культуры, принятии данной структуры социальных отношений. Все это предполагает границы, за которые не может выйти субъект власти. Чувство "долженствования" воспитывается родителями, учителями, религией, этической системой, причем в разных культурно-этических системах могут быть приняты разные ценности. В некоторых из них, например, право предписывать другим поведение гарантируется старшим по возрасту. В других - представители одного пола имеют право предписывать поведение лицам другого пола. Основанием власти может быть и принятие правомочности социальной иерархии в группе, организации или обществе. Всеми

---

¹² French J.R., Raven B. The Bases of Social Power // Studies in Social Power. Baltimore, 1959. P. 155-156.

признается, что судья, например, имеет право взимать штрафы, прораб - раздавать работу, священник - давать религиозные предписания.

Власть как идентификация или референтная власть основана на чувстве единения одного индивида с другим, поэтому чем сильнее идентификация объекта власти с ее субъектом, тем сильнее власть последнего. Частным случаем референтной власти является власть "референтной группы", т.е. группы, к которой индивид мысленно себя причисляет, членом которой он мечтал бы стать и т.д.

Сила экспертной власти зависит от степени знаний, которые ценятся в данной области. Общим примером экспертного влияния, имеющего, как правило, ограниченный объем, является принятие советов поверенного адвоката в юридических делах или следование в направлении, указанном дорожным знаком.

Несомненно, приведенная Френчем и Рейвеном классификация оснований власти как межличностного отношения позволяет рационализировать последние, способствуя тем самым их прояснению. Однако нельзя не заметить, что предложенная авторами классификация строится не по единому основанию. В первых двух случаях - это санкции (позитивные и негативные), очевидно, имеющие внеиндивидуальное происхождение, хотя и применяемые индивидуально. Традиции и культурные ценности, регулирующие властные отношения, также имеют внеиндивидуальную социокультурную природу, тогда как знание в качестве источника власти является личным качеством самого субъекта власти. Наконец, власть как идентификация покоится на позитивной эмоциональной оценке субъекта власти ее объектом, т.е. также имеет личностный источник. Объединяя столь разные по своей природе психологические, социально-психологические и социокультурные критерии, подобная концепция, цель которой истолковать власть как межличностное отношение, предстает как гибридное образование, само по себе несколько не проясняющее природу власти. Роль различных оснований власти не дифференцирована и не взвешена, субординация критериев не произведена. Например, организационная и политическая власть, которую можно подвести под первый и второй случаи, где речь идет о применении санкций, ставится на один уровень с моральным авторитетом и психологическим влиянием (четвертый и пятый случаи).

В концепции Френча и Рейвена типы власти трактуются как социальное благо, обладание которым обеспечивает властвующему получение от подвластного определенных ценностей, будь

то повышение производительности труда, уплата налогов, помощь, желаемое поведение и т.д. Подобные теории можно отнести к утилитаристским теориям социальных феноменов, основывающимся на том постулате, что человеческим поведением руководит поиск максимальной выгоды или максимального удовлетворения. Однако наряду с этим существуют теории, отрицающие утилитарный мотив власти. Например, М.Мальдер главным психологическим механизмом власти считает не те блага, которые она предоставляет, а стремление к ней как таковой. Эта идея также восходит к Веберу и трансформируется Мальдером в теорию "редукции иерархических дистанций"¹³. Ее суть состоит в следующем.

Власть - это такой феномен, следствия которого варьируются в зависимости от степени, а не от природы власти. При равной степени власти следствия будут равными, сколь бы различными ни были основания власти.

Поскольку власть приносит удовлетворение сама по себе, индивиды страстно стремятся к высоким позициям в иерархии власти, встречая на своем пути сопротивление со стороны вышестоящих. При отсутствии эффективного продвижения нижестоящие удовлетворяются кажущимся сближением с вышестоящими, а иногда даже простым воображением, что дистанция, их разделяющая, меньше, чем она есть в действительности. Эта возможность ложного удовлетворения (через психологический механизм замещения) создаст у подчиненных позитивное отношение к вышестоящим. Оно тем больше, чем меньше дистанция, действительная или кажущаяся. Вышестоящие стремятся оттолкнуть нижестоящих проявлениями своей антипатии, которая тем сильнее, чем ближе приближаются к ним нижестоящие. Происходит конфликт, из которого следует, что на тенденцию к сближению воздействуют негативные моменты отталкивания в зависимости от иерархической дистанции. Чем больше дистанция - тем сильнее антипатия вышестоящих к нижестоящим. Поэтому индивид будет иметь больший шанс сблизиться с непосредственным и меньший - с отдаленным начальством. Точно также индивид будет испытывать сильные позитивные чувства к начальству тем больше, чем последнее ближе к нему.

Нельзя отрицать наличия психологических черт личности, обуславливающих "жажду власти". Но, во-первых, известно, что

---

¹³ Mulder M. Power and Satisfaction in Task Oriented Groups // Acta Psychologica. 1959. Vol. 16. P. 192; Mulder M., Van Dijk R., Soutendijks S., Stelwagen T., Verhagen J. Non-instrumental liking tendencies toward powerful groupmembers // Acta Psychologica. 1964. Vol. 22. P. 370.

эти черты присущи далеко не всем. Во-вторых, с позиций одного только психологического подхода необъяснимо сопротивление вышестоящих притязаниям новых претендентов на власть. Ведь властью, особенно когда она наследуется или передается членам семейного клана, зачастую наделяются индивиды, не имеющие ни желания, ни способности к ее отправлению, а активная защита ими своих позиций имеет не личный, а сугубо социальный источник. Интересы семьи, рода, клана, наконец, больших социальных групп обуславливают в этом случае стремление удержать власть, а вовсе не удовольствие от обладания властью "самой по себе" или "как таковой".

Властвующая элита получает власть и стремится ее удержать прежде всего и главным образом благодаря социальным, а не личным мотивам, которые тем сильнее, чем более влиятельны поддерживающие ее силы.

Малдер и другие сторонники индивидуалистических концепций не предполагали, что обладание необходимыми для управления личностными качествами, как и само стремление к власти - лишь одно из условий возникновения института господства, притом не главное и не решающее. Борьба за власть и выдвижение на пост регулируются прежде всего институтом частной собственности. Индивиды вступают в борьбу, уже будучи включенными в определенную систему общественных отношений, обладая преимуществами, обусловленными положением, занимаемым ими в обществе. Главный фактор политического успеха и отбора "лучших" из числа претендентов на власть - сила тех политических группировок, которые стоят за ними.

"Недостаточность" психологической трактовки власти признается и некоторыми западными учеными. Так, например, Ж.Пуату, ссылаясь на результаты исследовательских экспериментов, цель которых определить природу (утилитарную или не-утилитарную) властных отношений между индивидами, приходит к, казалось бы, парадоксальному выводу об их двойственности. Это свидетельствует, по его мнению, о том, что изучение власти выходит за рамки социальной, а тем более индивидуальной психологии и перерастает в социополитическое исследование. Нельзя, подчеркивает он, определять власть только как межличностное отношение. В полном смысле слова - это политическое понятие, обретающее свое значение в зависимости от различных социальных институтов. Более того, ему кажется плодот-

вогным сближение понятия власти с понятием "идеологического аппарата государства"¹⁴ (Л.Альтюссер и Н.Пулантзас).

Этот вывод вытекает из констатации того факта, что современная власть использует в целях успешного функционирования не какой-либо один вид средств, а весь арсенал политических и идеологических воздействий, не исключая, разумеется, средств психологического манипулирования массовым сознанием.

Если теории, ставящие в центр внимания сопротивление, оказываемое субъекту власти со стороны ее объекта, можно отнести к социально-психологическим, то теория "обмена ресурсами" носит социологический характер.

П.Блау разработал классификацию обменов в ситуации социального взаимодействия и выделил власть как частный вид обмена. Он различает 6 категорий обмена, варьирующих в соответствии с двумя характеристиками, а именно: инструментальность (неинструментальность) и симметрия (асимметрия). Отношения власти определяются им как отношения обмена инструментального и асимметричного типа. Иными словами, один индивид имеет власть над другим, когда тот от него постоянно зависит, нуждаясь в определенных благах, которые он не может получить где-то еще.

Подход Блау пользуется признанием среди западных социологов по ряду причин. Во-первых, в основании власти согласно Блау лежит действительный факт неравного распределения ресурсов, что позволяет угрожать подчиненному или даже наказывать его, применяя негативные санкции. Во-вторых, признается ценным выявление смысла обмена как обмена ресурсами различной природы. Если бы обмениваемые элементы принадлежали к одной категории, существовала бы симметрия обменов, однако именно потому, что ресурсы -разного порядка, обмен становится возможным и необходимым. В-третьих, признается рациональным и положение о том, что власть является функцией зависимости индивида от распределения дефицитных ресурсов, а также положение о зависимости власти от степени заменяемости дефицитного ресурса, т.е. от возможности, имеющейся у субъекта власти найти необходимые ему ресурсы в другом месте¹⁵.

Теоретики обмена справедливо отмечают, что одного контроля над ресурсами внутри системы недостаточно для возникновения феномена власти. Ресурсы, которыми располагает один индивид, должны быть желательными и необходимыми для дру-

¹⁴ *Poitou J.P. Le pouvoir et l'exercice du pouvoir // Introduction a la psychologie sociale. P., 1973. Vol. 2. P. 78.*

¹⁵ *Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964. P. 97.*

гого. Кроме того, возможность распределения ресурсов - только приблизительный показатель отношений власти в организации: ведь индивид, располагая ресурсами, нужными для другого, может вовсе не использовать их.

Западные теоретики, помещая теорию социального обмена в акционистские рамки, отдают предпочтение изучению поведения актеров в зависимости от распределения ресурсов, толкуемого, с нашей точки зрения, недостаточно корректно. Внимание обычно обращается на три момента: существенность ресурсов, осведомленность об их наличии и ожидаемых последствиях их использования, а также способ, с помощью которого происходит переход к эффективной мобилизации ресурсов.

Все три момента хотя и изучаются в определенных заданных условиях функционирования власти, однако без учета тенденций общественного развития, динамики реальных социальных сил, основных закономерностей и особенностей социально-экономического строя. Участники социального взаимодействия получают характеристики только в плане их отношения к распределяемым в данный момент, в данной ситуации ресурсам, абстрагируясь от источников их получения, их реального веса и значения для общества. В силу этого обмен ресурсами предстает как формальная, совершающаяся в социально-политическом вакууме процедура, лишенная конкретно-исторического содержания.

Перечисление и классификация ресурсов - задача, которую ставят перед собой многие исследователи феномена власти. Наиболее характерным определением ресурса является следующее: "Ресурс - это атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает способность влияния его обладателя на других индивидов или группы"¹⁶. М.Роджерс, которому принадлежит вышеприведенное определение, различает два типа ресурсов, а именно: "инфра-ресурсы" и "инструментальные ресурсы". Первые - это атрибуты, обстоятельства или блага, которые должны быть в наличии до того, как "инструментальные ресурсы" будут приведены в действие. Это как бы предварительные условия, без которых "инструментальные" ресурсы остаются незадействованными. "Инструментальные" же ресурсы истолковываются как средства осуществления влияния: они могут использоваться для поощрения, наказания или убеждения. Таким образом, понятие "инфра-ресурсы" вводится для того, чтобы выяснить, почему

---

¹⁶ *Rogers M. The Bases of Power // American Journal of Sociology. N.Y., 1976. Vol. 79. № 6. P. 1425.*

в различных ситуациях те индивиды, которые осуществляют власть, мобилизуют (или нет) свои "инструментальные ресурсы".

Существуют и другие попытки классификации ресурсов. Например, А.Этиони предлагает разделить ресурсы на 3 категории: утилитарные, принудительные и нормативные. Цель его классификации - сопоставить отдельные типы ресурсов со специфическими способами господства. Использование утилитарных ресурсов (материальных вознаграждений прежде всего) позволяет преодолеть сопротивление таким образом, что объект соглашается подчиниться воле субъекта власти в обмен на ресурсы, которые ему необходимы. Следствием такой ситуации может быть, в частности, "инструментальная ориентация" рабочих, исключаяющая отношение к труду как к творчеству и усматривающая в нем только источник существования.

К принудительным ресурсам индивид прибегает тогда, когда старается изыскать дополнительные средства, чтобы еще более ограничить свободу другого. Например, это может быть угроза увольнения, заставляющая подчиненных против их воли все же последовать требованиям начальства. Необходимость прибегать к принуждению в организационном плане истолковывается как средство крайней угрозы, применяемой в период экономического кризиса.

Наконец, через посредство нормативных ресурсов индивид старается блокировать сопротивление другого с помощью убеждения. В этом случае он старается вызвать одобрение другого скорее путем изменения его намерений и предпочтений, чем объективной ситуации¹⁷.

Нормативные ресурсы могут также воздействовать скрытым образом, заставляя подчиненных принимать "менеджеральные" требования в отношении своего собственного поведения и уменьшая тем самым число ситуаций, которые они могли бы расценить как противоречащие их интересам. Нормативные ресурсы могут привести подчиненных в такое состояние, когда они больше не осознают своего зависимого положения и когда у них в то же время не оказывается обычных средств сопротивления¹⁸.

Таким образом, две первые категории ресурсов позволяют противодействовать сопротивлению подчиненных, воздействуя главным образом на объективную ситуацию, в которой они находятся, тогда как третья категория влияет в основном на форми-

---

17 Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations. N.Y., 1961.

18 Ibid.

рование восприятия подчиненными своего положения и восходит к уровню идеологического манипулирования.

Известно, что Вебер понимал власть преимущественно как асимметричное отношение, при котором есть господствующие и подчиненные, но иногда и как отношение обратной связи, поскольку подчиненный также обладает некой долей власти. Отношение власти формируется в борьбе, на основе двустороннего обмена шансами на получение власти. Характер средств власти и их распределение между участниками конфликта определяют и характер данного отношения власти. Отсюда проистекает возможность трактовать властные отношения не только как асимметричные отношения двух партнеров, но и как отношения, охватывающие нескольких участников, каждый из которых - субъект власти. Таковы, например, отношения между государствами.

Эта мысль Вебера нашла развитие в теории раздела зон влияния, разработанной Д. Ронгом. Обеспокоенный чрезмерным, по его мнению, акцентированием асимметричного характера властных отношений некоторыми социологами, рискующими приглушить реляционный аспект власти, он предложил принимать во внимание не каждое действие в отдельности, а совокупность их.

Ронг утверждает, что властные отношения как социальные отношения особого рода асимметричны, поскольку обладатель власти осуществляет больший контроль над поведением объекта власти, а не наоборот. Однако взаимность влияния - как определяющий критерий самого социального отношения - никогда не должна полностью исчезнуть из сферы внимания исследователя за исключением, может быть, форм физического насилия. В противоположность Блау, утверждавшему, что "взаимозависимость и взаимное влияние равных сил указывают на отсутствие власти"¹⁹, а также Герту и Миллсу, полагавшим, что "когда все равны, то нет политики, ибо политика требует подчиненных и начальника"²⁰, Ронг акцентирует внимание на "корнях" власти - социальном взаимодействии как ее генетической форме. Не отрицая того, что асимметрия существует в каждом индивидуальном эпизоде действия, он подчеркивает факт постоянного обмена ролями между обладателем власти и ее объектом. Один контролирует другого в одних ситуациях, другой - в других. Например, профсоюз контролирует найм рабочей силы, а наниматель дик-

---

¹⁹ *Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964. P. 118.*

²⁰ *Gerth H., Mills C.W. Characters and Social Structure. N.Y., 1959. P. 193.*

тует время и место работы. Если трактовать властные отношения исключительно как иерархические и односторонние, подчеркивает Ронг, мы упускаем из виду целый класс отношений между людьми или группами, в которых контроль одного вида или группы над другими в одной сфере уравновешивается контролем другого в иной сфере. Разделение сфер между сторонами часто является результатом переговорного процесса, который может повлечь за собой открытую борьбу за власть (например, забастовка против нанимателя, тижба в коммерческой конкуренции, война между государствами и т.п.). Таким образом, интегральной власти, при которой принятие решений и инициатива к действию монополизированы только одной стороной, противопоставляется интеркурсивная власть, характеризующаяся балансом отношений власти и разделением сфер влияния между сторонами. Интеркурсивная власть существует там, где власти одной из сторон противопоставит власть другой, где налицо процедуры переговоров и совместного принятия решений.

В современных государствах, согласно Ронгу, функционирование интегральной власти может быть ограничено разными мерами, например, периодической проверкой действий власти держащих, пересмотром их властвующего статуса или их перемещением и заменой, установлением границ компетенции. Если подобные меры действительно реально осуществляются, а не являются обычными выхлопными клапанами подобно конституциям во многих современных государствах, то должны возникать источники власти, независимые от интегральной власти. Другими словами, в обществе должны существовать центры, реально противостоящие интегральной власти, ограничивающие ее. В результате стирается абсолютное различие между интеркурсивной и интегральной властью.

Ронг указывает четыре главных способа сопротивления интегральной власти. Объекты власти могут: 1) бороться за установление противостоящей власти, чтобы трансформировать интегральную власть в систему интеркурсивной власти; 2) ограничить экстенсивность (число субъектов власти), всеобщность (число сфер влияния) и интенсивность (радиусы воздействия внутри отдельных сфер влияния) власти; 3) разрушить интегральную власть целиком, выйти из сферы ее действия; 4) попытаться заменить ее своей интегральной властью.

Если иметь в виду интегральную власть современных государств, то первые три альтернативы, согласно Ронгу, в общем соответствуют усилиям по учреждению демократического конституционного правления или же ликвидации всякого правления,

анархии. Четвертая альтернатива соответствует различным формам политического смещения властвующих, таким как путчи, революции или законодательно урегулированная конкуренция и избирательное соперничество.

Механизмами утверждения противостоящей власти являются инициатива, референдум, привлечение к суду и т.п. Однако в современных государствах, констатирует Ронг, интегральная власть не может быть полностью трансформирована в интеркурсивную из-за существования юридических механизмов самосохранения интегральной власти. В противоположность Герту и Миллсу, как, впрочем, и многим другим политологам и политическим философам, Ронг считает, что политика - это не только сфера борьбы за власть. Она включает также и борьбу за ее ограничение, сопротивление ей, бегство от власти²¹.

Попытка Ронга выделить и систематизировать способы сопротивления интегральной власти безусловно заслуживает внимания, как и общедемократический пафос его рассуждений. Однако основа его рассуждений - констатация плюрализма властей в современном обществе - учитывает только одну из тенденций общественного развития, оставляя в стороне другую - тенденцию к поляризации и усилению государственной власти, характерную для целого ряда развитых западных стран во главе с США.

Реляционный подход, таким образом, охватывает множество концепций, которые имеют некоторые общие черты. Все они принадлежат к теории социального действия, в основе которого лежит рациональная мотивация: рационально действующие актеры, обладая специфическими преимуществами (ресурсами), будучи помещенными в организационную сеть принуждений и возможностей их избежать, стремятся по мере сил достичь своих целей. Заметим, что авторы этих концепций базируются только на одном типе социального действия, заимствованного из классификации Вебера, а именно: рационально-целевом, оставляя без внимания не менее продуктивные с точки зрения типологии власти - ценностно-рациональное, эффективное и традиционное действия. Эти концепции своим рационализмом выгодно отличаются от теолого-нормативного подхода, приверженцы которого ставили в центр внимания государство и право, трактуемые как самостоятельные абстрактные сущности, оторванные от общественной действительности. Политика в этом случае истолковы-

---

²¹ *Wrong D.H. Some Problems in Defining Social Power // American Journal of Sociology. N.Y., 1968. Vol. 73. № 6. P. 681.*

валась как реализация "всеобщего блага", а власть как внесоциальная всеобщая моральная сила, исполненная сознания своей высокой роли, обязанностей и ответственности. Преимущество этих концепций по сравнению с субъективно-психологическими объяснениями несомненно. Оно заключается в переносе акцента на социально-политические факторы власти, на поиски ее оснований в особенностях социального положения субъекта власти, в закономерностях политической деятельности и т.п.

Вместе с тем концепции обмена не являются адекватным выражением социальной природы власти, а лишь одной из попыток выйти за пределы психологизма. Утилитаристский характер теорий обмена придает трактовке властных отношений вульгарно-экономический оттенок, не объясняя сам механизм обмена, не вскрывая ни его истоков, ни движущих сил и основ - экономических, социальных, политических, определяющих сам характер обмена и его специфику. Кроме того, реляционистские определения власти упускают из виду власть, которая возникает на базе сознательного сокрытия некоторых важных аспектов принятия решений, когда, например, властвующие индивиды ограничивают обсуждение решений только теми областями, которые не могут поставить под угрозу их собственные интересы и ценности. Факторов, заставляющих людей вступать в отношения господства и подчинения, в действительности великое множество. Например, в производственной группе - это и производственная квалификация, и стаж работы, дающий опыт, и личные качества и т.п. В семье - это возраст, семейная роль и др. В политической организации - социальное положение, опыт, авторитет, личные качества и т.п.

3. Власть и влияние

Чтобы разобраться в хитросплетениях политической жизни, необходимо обратиться и к такому ключевому вопросу как соотношение власти и влияния. Это соотношение отражает важнейшие характеристики политического взаимодействия и при этом оказывается наиболее запутанным. Одни авторы полагают, что термины "власть" и "влияние" практически являются синонимами в политической науке, другие рассматривают влияние как категорию более узкую и подчиненную по отношению к понятию власти, третьи же считают, что значимость этого соотношения совершенно обратная, четвертые без лишних слов исключают вопрос о влиянии из проблемы власти.

Проблема соотношения власти и влияния, однако, помимо чисто теоретического интереса, представляет собой и совершенно прагматическую, практическую перспективу исследования. Речь идет о реализации власти, о механизмах ее социального воплощения. В такой проекции проблема соотношения власти и влияния становится, бесспорно, центральной. Более того, в условиях развития социально-политического процесса демократизации возникает проблема качественного перехода от понятий и ситуаций принудительного властвования к относительно добровольному принятию решения индивидом, основанному на убеждении извне или самоубеждении.

Близкой к этой и весьма существенной становится проблема различения влияния и манипуляции, проблема воздействия на личность в условиях ликвидации внешнего, откровенно принудительного воздействия и использования "мягких", косвенных форм принуждения со стороны властных структур в обществах с развитыми парламентскими системами.

Что же такое политическое влияние? В самом общем виде влияние можно определить как такой фактор, который при прочих равных условиях может изменить поведение индивида в желаемом направлении. Главное сущностное различие в понимании влияния и власти состоит в том, что в понятии влияния подчеркивается момент неопределенности в отношении вероятности желаемых последствий в случае, когда один субъект осуществляет влияние на другого, в отличие от власти, которая предполагает намного большую степень вероятности в достижении желаемых эффектов.

Однако такая характеристика различий власти и влияния носит самый общий характер. Существуют и другие черты, которые позволяют яснее увидеть различие между этими двумя категориями. Власть и влияние отличаются с точки зрения самого социального действия. Для власти характерна асимметричность человеческих отношений; влияние же можно рассматривать как тенденцию к установлению симметричности в отношениях взаимодействующих сторон.

Влияние - это по возможности максимально уравновешенный, двухсторонний процесс отношений людей. Переход от власти к влиянию, таким образом, означает стремление устранить ту асимметрию взаимоотношений, которая в наибольшей степени присуща властному типу отношений. Самым ярким и крайним выражением власти в этом смысле является власть тирана, диктатора - человека, который по общепринятому пониманию присвоил себе все средства власти. Недаром одним из главных тре-

бований существования тирании является необходимость независимости, отдаленности и отделенности таких людей власти от масс. Чем ближе стоят они к массам, тем больше опасность того, что из боязни потерять свою власть, они начнут подчиняться массам в большей степени, чем массы подчиняются им.

Там, где уменьшается односторонность отношений между людьми и увеличивается их двусторонность, происходит переход от власти к влиянию. Императивный характер тенденции выравнивания асимметричной природы власти сказывается и в социальных системах, которые в определенной степени искусственно пытаются "задержать" этот процесс - имеются в виду системы с жесткими административно-командными функциями власти. В таких системах характер "перераспределения" власти принимает болезненный, искаженный вид. Увещевания, подкуп - вот наиболее распространенные средства приобрести свою "долю власти" в таких социальных системах.

Различие между властью и влиянием можно проследить и с точки зрения психологического восприятия воздействия. Это различие проявляется главным образом на уровне принятия решений. Когда речь идет о власти, область принятия решений выносится за пределы индивида. Решение принимается не им, а начальником. Суть властного воздействия состоит в том, что реализация принятого начальником решения, его исполнение должно быть осуществлено подчиненным. Возникает ощущение несвободы, зависимости. Когда речь идет о влиянии, индивиду предлагается ряд аргументов, из которых он делает выбор и на его основе принимает решение. Главными последствиями этого являются: во-первых, возрастание чувства ответственности со стороны социального субъекта, во-вторых, слияние областей принятия решения и самого социального действия, что ведет к повышению действенности принимаемых решений.

Различие между властью и влиянием необходимо проводить и с точки зрения мер воздействия. Власть может использовать для устранения любого сопротивления имеющиеся в ее распоряжении либо негативное принуждение - репрессивные механизмы, основанные на угрозе наказания, либо позитивное принуждение, основанное на перспективе значительного вознаграждения, различных выгод. Влияние подразумевает самовоздействие, самоконтроль, сопряженный с самовознаграждением или несением убытков, поскольку конечной инстанцией принятия решений в этом случае становится сам индивид.

Говоря о различиях между властью и влиянием, можно отметить их различие и с точки зрения внешней функции, и с

точки зрения институциональной структуры общества. Власть характеризуется тем, что она иерархична, предполагает обязательное разделение по уровням властвования. Это относится к любой ветви власти. Влияние же есть выражение тенденции к выравниванию пирамидальности строения властных отношений в обществе, и здесь оно имеет непосредственную связь с тенденцией общества к демократизации. Различные политические партии, союзы и объединения граждан как раз и выполняют эту функцию.

Предпосылками усиления значения влияния в обществе явилось само развитие механизма демократической структуры власти. Известно, что абсолютизм характеризовался соединением всех видов власти - исполнительной, законодательной и судебной в одних руках. Эта формула правления лучше всего была выражена в известном высказывании Людовика XIV "Государство - это я".

Абсолютный характер власти, как правило, сопровождался распространением личной власти, которая предполагала наличие ярко выраженной индивидуальности властителя. Предпосылки такой индивидуальности были заложены либо в самой личности (которой сопутствовали такие характеристики, как ораторский дар, слава, часто - военная, динамизм и т.д.), либо - при их отсутствии - замещалась пышностью придворных ритуалов, призванных сконцентрировать внимание подданных на верхней точке властной пирамиды. Другими словами, в системах с абсолютистским типом власти в широком смысле слова (сюда относятся и монархические, и деспотические, и авторитарные, и тоталитарные режимы) общество управлялось отдельными людьми, личностями. Государство как институциональная структура "принадлежало", было подвластно правителю, государю. В демократических же структурах, которые исторически начали развиваться с наступлением эпохи Просвещения, центр тяжести переместился от личности правящего к принципам. И это очень важно с точки зрения характера властвования, которое стало объективно исторически преобразовываться от диктатуры к влиянию. Абсолютный, личный, персональный тип властвования можно в общем и целом определить как диктатуру. Демократический тип властвования можно определить как влияние.

Переход от власти к влиянию заложен и в самом механизме реализации власти. Власть стремится перейти от прямого воздействия к опосредованному. Первоначально власть была слита воедино с авторитетом властвующего - монарха, власть которому

была "дарована Богом". Слово монарха воспринималось как окончательный и безусловный приговор, как последняя и высшая инстанция принятия решений. Власть монарха, таким образом, всегда имела тенденцию развития в сторону деспотии. Усложнение организационной и институциональной структуры общества привело к распылению власти. Появились такие средства воздействия на подчиненного как санкции (позитивные и негативные, т.е. поощрения и наказания), как воздействие через ресурсы, области влияния и т.д. Властное воздействие, в результате, стало перерастать, по существу, во влияние.

Следующей важной чертой влияния по сравнению с властью является ориентация на многообразие развития социальных структур и субъектов действия. Если власть всегда стремится к единоначалию и в конечном счете к деспотизму, то влияние органически связано с множественностью субъектов реализации социального действия, с выбором всегда возможных способов поведения, иными словами, с разнохарактерностью объединений и групп людей. С точки зрения строения властной структуры особенно важным стал процесс образования партий как социальных группировок, объединяющих людей на основе каких-либо принципов. Именно принципы оформляются в программы и становятся главными характеристиками партий. Граждане во время избирательной кампании выбирают не столько личности, сколько принципы и установки, содержащиеся в их программах. Власть все явственнее осуществляется через влияние принципов. Одновременно с усилением власти принципов повсеместным становится "усреднение" личностей, возглавляющих отдельные партии. Особенно заметным этот процесс стал на руководящих постах всех уровней исполнительной власти. Требованием, предъявляемым к руководителям, становится не столько наличие ярких личностных качеств, сколько умение улаживать конфликты, находить компромиссы, т.е. фактически манипулировать разного рода принципами, которые должны повлиять на принятие людьми решений и на их поведение. На место правителей, монархов приходят ответственные лица, которые по самой этимологии слова должны уметь держать "ответ" перед другими, т.е. фактически предполагается наличие диалога, а, значит, влияния.

Можно сказать, что в определенном отношении "влияние" - скорее атрибут демократического типа государства, тогда как "власть" - авторитарного. Влияние подразумевает более равноправный процесс в переговорах двух сторон, оно всегда несет отзвук взаимности, в то время как власть требует нажима, насилия,

более очевидно выраженного воздействия со стороны лица, облеченного властью. Это приводит к мысли о том, что по мере выхода на историческую арену масс в эпоху наступления и развития массового индустриального общества, когда происходит переоценка понятий "народ" и "демократия", влияние как элемент социального взаимодействия приобретает все большее значение по сравнению с властью, которая наделяется отрицательным эмоционально-психологическим смыслом в глазах общественности и отдельных людей. Власть воспринимается и представляется как насилие над личностью и обществом, структуры власти связываются в массовом сознании с необходимостью постоянного контроля над ними, устойчивыми становятся понятия "злоупотребление властью", "бюрократическая власть", "власть над народом" и т.д., каждое из которых несет в себе негативную оценку власти как социального явления. Влияние, напротив, имеет смягченное по сравнению с властью звучание и выглядит, хотя бы внешне, более демократично и справедливо.

Демократический принцип устройства общества имеет в качестве идеала "прямую демократию", т.е. выражаясь в терминах влияния - прямое взаимовлияние, прямое взаимодействие граждан и официальных институтов. Наиболее радикальная интерпретация понятия "прямой демократии" подразумевает в конечном счете возможность каждого гражданина оказывать воздействие на принятие государственных решений. Реализация принципа прямой демократии должна была бы привести к "размыванию" авторитарного типа властвования и переходу к модели "коллективного принятия решений и управления государством".

Однако на практике такой принцип оказался несуществующим и вряд ли станет когда-либо реальностью, несмотря на все мечты о компьютерном рае, который по некоторым представлениям мог бы позволить осуществить прямую демократию, т.е. предоставить каждому гражданину возможность передать свой голос в электронный мозг. Если принять во внимание то количество постановлений, которое ежедневно принимается в политической практике, то каждому гражданину пришлось бы выражать свое мнение путем голосования почти ежедневно. Такой избыток политического участия, вероятно, привел бы к пресыщенности политикой и породил бы политическую апатию.

В реальности единственной формой ныне действующей демократии является представительная демократия, которая сохраняет принцип конкурентности в формировании властных струк-

тур, а следовательно, является основой развития процессов влияния, а не жесткой власти авторитарно-диктаторского типа. И все же отсутствие "прямой демократии", замещаемой конкуренцией за власть между отдельными группами в обществе, кроме "видимого" влияния порождает и существование невидимой власти в форме мафиозных групп экономического и политического толка. Именно наличие таких групп, реализующих принцип "властвуй тайно", характерный для абсолютистских государств, и вносит оттенок отрицательной оценки в понимание влияния в современных демократических обществах. Это обстоятельство порождает двойственность аксиологического восприятия понятия влияния в современном обществе. С одной стороны, влияние - позитивное явление, если иметь в виду выравнивание асимметричности властных отношений в демократических обществах по сравнению с авторитарно-диктаторскими властными структурами. С другой стороны, невозможность в современных демократических системах утвердить полностью принцип видимой власти делает реальным существование влияния как принципа реализации власти отдельных групп давления, что возвращает нас к пониманию власти как чего-то скрытого, "грязного", связанного с тайными интригами и тайным влиянием.

Замена лозунга "Государство - это я", являвшегося символом абсолютизма, лозунгом "Государство - это вы", который по замыслу должен выражать суть демократии, в действительности реализуется со многими издержками. Зависимость от электората на деле создает тенденцию "заигрывания" с ним, а если удастся, то идеологического манипулирования общественным мнением.

Глава 2. Некоторые особенности функционирования власти

1. Ценностная легитимация власти

Любая политическая власть стремится обеспечить себе лояльность и поддержку со стороны граждан. В случае отсутствия такой поддержки она может использовать для устранения любого сопротивления имеющиеся в ее распоряжении репрессивные механизмы, но практически этот путь оказывается слишком дорогим и малоэффективным. Кроме того, для политической власти недостаточно и простого безразличия со стороны народных масс. Отсутствие широкой поддержки ослабляет ее, приводит к общему снижению эффективности во всех сферах общественной деятельности, а также создает благоприятные условия для действий ее потенциальных политических противников. Напротив, наличие в обществе всеми разделяемых ценностей позволяет сравнительно безболезненно переживать возникающие временные трудности.

Исключительная роль ценностей в политической жизни общества обусловлена тем, что ценности в их предельно широком значении отражают способ видения в мире, принятие или отрицание действительности и одновременно общую ориентацию для практического действия. Ценности - это те концентрированные формы, в которые отливаются идеологические и мировоззренческие представления человека. При этом они выходят далеко за пределы какой-либо определенной идеологии.

Именно ценности обеспечивают легитимацию политической власти, помогая осуществить связь между индивидом и властью, создавая иллюзию их общности, необходимости и естественности, неизбежности и правильности. И как это ни парадоксально, ценностное измерение политики, вопреки ее нередко апологетическому назначению, привлекает большое внимание к гуманистическим аспектам самой политики. Оно требует признания потребности человека быть субъектом, а не только объектом политических решений. Назначение ценностей как раз в том и состоит, чтобы заполнить ими все политико-мотивационное пространство в обществе, ибо в политике действует конкретный че-

ловек, который ведет себя в соответствии со своим особым складом ума и ценностными представлениями. Своим участием в политике он пытается что-то изменить в мире, выдвигая те или иные требования, так как считает то или иное явление справедливым или, напротив, несправедливым. Для политической практики существенно то, что ценности связаны с чувствами и настроениями индивида таким образом, что они всегда могут быть регулятивами его мышления и его действия, и потому никакая политическая сила не может быть исключительно материальной. Если же по каким-то причинам роль политических ценностей¹ снижается или утрачивается, то утрачивается и ощущение общности с системой политической власти, возникают настроения неодобрения, недовольства, несогласия с ней и как следствие - противостояние. Эта ситуация создает основу для резких политических потрясений, а затем и для смены власти или политического режима.

В социально-политическом развитии современного мира постоянно прослеживаются фазы, которые знаменуются попытками организовать политическую жизнь с помощью централизованных лозунгов или концепций, в основе которых лежат те или иные ценности (например, "американская мечта"). Важность для государственной политики ценностных ориентаций обосновывает, в частности, канцлер ФРГ Г.Коль. Политика, лишенная ценностей и перспектив, по его мнению, неизбежно ведет к размыванию основ стабильности государства и общества, искажает социальные ориентации индивида, лишает людей уверенности в их социальном и личном существовании. В общем и целом идейное руководство, в котором нуждается страна, должно опираться на прочное и искреннее одобрение граждан. Такой основополагающий консенсус не может быть обеспечен законными и судебными решениями, его достижение предполагает обращение к огромному моральному капиталу нации².

Эта идеализация ценностей, служащая средством сохранения верноподданнических настроений, возможна потому, что ценности, по существу, являются модернизированной формой мифа, их содержание относится не к настоящему, реальному, общественно-политическому бытию, а к будущему, потенциальному.

---

¹ Политические ценности в отличие от иных ценностей, затрагивающих сферу труда, семейной жизни, досуг и т.п., имеют в основном политическую направленность. Этим и объясняется особый интерес к ним со стороны различных политических сил.

² См.: Kohl H. Der Weg zur Wende: Von der Wohlfahrtsgesellschaft zur Leitungsgemeinschaft, Hunsrück: Geist und Politik. 1983. S. 27.

В современную эпоху происходит активная мифологизация, а, точнее, ремифологизация общественного сознания, имеющая всеохватывающий и глубокий характер, распространяющаяся на все сферы и уровни общественного сознания, в том числе и высший уровень, где происходит продуцирование ценностей. Ремифологизация со свойственным ей сакрально-метафорическим методом мышления, для которого дискурсивно-логический аппарат в принципе чужд, накладывает свой отпечаток и на характер политических ценностей, представляющих собой не столько рациональное, сколько иррациональное осознание социальной и политической жизни, значимых для человека условий его бытия.

Если "миф - это образец оптимальной организации духовной сферы, орудие совместного общественного выживания"³, то понятно и то значение, которое власть поддерживающие придают ценностям. Они имеют многие черты, свойственные мифу - это и абстрагирование от дискурсивно-рационального начала, и преднамеренное сохранение неосмысленного духовного остатка, который воспринимается скорее интуитивно, и сохранение неведомого смысла. Смысловая размытость ценностей дает то преимущество, что они всегда остаются открытыми для любой интерпретации смысловых квантов.

В то же время ценности прекрасно адаптированы к обыденному сознанию, включающему мифологическое начало, как через свое небрежное отношение к каузальности, так и ко времени. Ни причинно-следственная схема, ни привязка к какому-то конкретному времени немислимы для ценностей, иначе мираж может полностью рассеяться. Но это не значит, что ценности не рационалистичны в своей интенции. Работы на этот счет свидетельствуют о намерениях построить систему рассуждений, рационально обосновывающих иерархию ценностей.

Обостренное и всеобщее внимание к проблеме ценностей проявляется, как правило, в периоды социально-политических кризисов, дискредитации идеологических основ общества, нарушения социальной мобильности. Тогда формулы обращения к идеалам добра, справедливости, свободы, солидарности и т.д. широко моделируют ситуацию поиска утраченного консенсуса, благополучия в сфере общественно-политической жизни. В усло-

---

³ Насонова Л.И. Мифотворчество обыденного сознания // Филос. исследования. 1993. № 1. С. 54.

виях социальной нестабильности человек никогда не знает, реализуемы ли желаемые цели. Поэтому ценности кажутся точками опоры, ориентирами для определения смысла и содержания жизни, выражением непрерывности. Сохраняя свое нормативно-обязующее значение, ценности служат не столько конкретным предписанием для непосредственной практической деятельности, сколько идеальным образцом, отдаленным от каждодневной ситуационной ситуации, от реальных возможностей их исполнения. Они принимаются во внимание, так как кажутся символом порядка в хаосе жизни и сложной сети общественных отношений. Однако результаты и следствия ценностной ориентации в значительной степени определяются теми условиями, которые задаются общей политической ситуацией.

Исходя из практики употребления понятия ценности в литературе, можно отметить, что вопрос о ценностях в той особенно острой форме, в какой он ставится в современной политической дискуссии, является, по существу, вопросом о цели. Содержание социальной цели, взятой в самом общем виде, охватывает установки, ориентиры, программы, интересы, представляющиеся жизненно важными на данном этапе развития общественной системы. Наиболее глубокой внутренней основой социальной цели является система ценностей. Более того, сама категория цели определяется через ценности. Ценности имманентно содержатся в структуре цели, являясь ее высшими регулятивами. В качестве такого регулятора они выражают субъективную сторону цели, т.е. определенную значимость какого-то объекта, социального процесса и т.д. Вместе с тем цель имеет объективную природу, выражая и объективные потребности, и объективные возможности деятельности.

Если цель выступает как всесторонне и рационально обоснованная программа, то ценности, имманентно ей присущие, приобретают характер субъектно-объектного отношения, т.е. выражают реальную связь желаний, устремлений субъекта с объективными предпосылками; ценности неизбежно теряют объективную сторону, становятся субъективными, идеальными, априорными, если такая программа отсутствует. Тогда они представляют собой не что иное, как результат мифологизации и идеологизации, порождающие, как правило, безответственное политиканство. Объективная трудность, состоящая в невозможности подвергнуть суждения о ценностях рациональному доказательству, поощряет склонность к бездоказательным суждениям о правильном и неправильном, о добре и зле. Политические ценности в этом смысле предоставляют самые многообещающие возмож-

ности для демагогии и манипулирования общественным сознанием, которое с удивительной легкостью подпадает под их гипноз, особенно под гипноз такой ценности, как свобода.

Если политиканство - одна сторона медали, то другая - спекуляция на благонамеренных пожеланиях таких, как свобода, справедливость, равенство, которые нигде еще в полной мере не претворились в действительность и в принципе не способны претвориться. Причина в том, что сами эти понятия являются довольно абстрактными, субъективными и исторически детерминированными. Имеющиеся в политической науке попытки придать универсальный и объективный статус ценностям оказываются неубедительными и не проясняют сущность дела. Одной из таких попыток является следующая классификация, которую приводит известный американский политолог Р.Даль:

- Политические ценности определяются волей Бога. Божественное вмешательство проявляет себя либо непосредственно, либо посредством интуитивного познания его человеком. Различные варианты этой идеи обосновываются многими христианскими теологами, философами, в основном католическими.

- Политические ценности основываются исключительно на законах природы. Эти законы можно познать либо с помощью нашего разума (Кант), либо с помощью интуиции (Ж.Мэритен).

- Политические ценности, как и всякие другие ценности, основаны исключительно на индивидуальном предпочтении. Эта позиция часто связывается со взглядами школы логического позитивизма.

Представители первых трех точек зрения претендуют на "универсальность" ценностей. Четвертая точка зрения отрицает эту универсальность.

- Ряд мыслителей полагает, что, хотя ценности основаны просто на личном предпочтении, некоторые виды ценностей тем не менее универсальны. Некоторые предпочтения являются врожденными привычками человека. Поэтому эти универсальные предпочтения можно раскрыть и создать соответствующие им политические системы⁴.

Неудовлетворительность этой и тому подобных интерпретаций ценностей можно объяснить по крайней мере тремя обстоятельствами: 1. Главная трудность обусловлена онтологической неопределенностью ценности вообще и вытекающей отсюда не-

---

⁴ См.: Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 4. М., 1991. С. 94.

яности отношения ценности к действительности. Как можно объяснить онтологически то, что идеальная сущность ценности может быть реальной, и как идеальная сущность может иметь отношение к воле реальных людей, проникать в нее, способствовать ее осуществлению? Источник данной онтологической трудности и противоречия лежит в "отколе" ценности от реального бытия - наглядно-конкретного, изменчивого, преходящего и превращения ее в абстракцию - нечувственную, универсальную, вечную, неизменную. 2. Свойственная ценностям ориентация на идеальный предел нередко маскирует наличие в обществе социальной дифференциации, идеологических и политических разногласий, ограниченных возможностей для социальной справедливости. 3. Сложность проблемы ценностей в политике состоит в том, что она (политика) может быть как никакая другая сфера человеческой деятельности очень чутко реагирует на конкретное содержание ценностей; здесь они постоянно "просвечиваются", и в итоге быстро обнаруживается, что ценности - даже "вечные", универсальные общечеловеческие - не есть нечто, не подверженное историческим изменениям и переосмыслению.

В самом деле, свобода или справедливость, например, никогда в своей всеобщности не очевидны, не познаваемы, не мыслимы. Они не имеют четко фиксированного содержания: многие мировоззренческие и политические вопросы часто преломляются под этим углом зрения. Что касается свободы, то Ш.Монтескье, например, считал, что нет другого такого слова, которое имело бы столь разнообразное значение. Одни принимают ее за возможность низложить тирана, другие - за право избирать того, кому они должны повиноваться, третьи - за право быть вооруженным и совершать разные насилия. Четвертые связывают это понятие с определенной формой правления, противопоставляя ее другим формам. Некоторые называют свободой правление, согласие с их специфическими обычаями и склонностями. Невозможно вечное начало - свободу, как утверждал Н.Бердяев, связывать с преходящими политическими формами, например, с либерализмом и демократией. Проблема свободы, считал он, безмерно глубже и в либерализме она не имеет прочного обоснования.

Политические ценности функционируют прежде всего как указатели пути, но не как сама цель. И как таковые они описывают не цель, а только направление, являясь не чем иным, как давней мечтой человечества. Очевидно, речь идет о неточном масштабе, которым мы измеряем конкретное. Объективного кри-

терия для общего положения, определяемого как "это хорошо", в этой сфере не существует.

Поскольку содержание и происхождение ценностей не столько сознается, сколько угадывается, они часто характеризуются как пустые формы. Но даже пустые формы имеют свою функцию: они должны снова и снова обсуждаться и применяться к конкретным ситуациям. Когда мы говорим о ценностях, то скорее всего находимся в сфере конвенции, коллективных привычек и традиции. Любая попытка выхода за эти пределы почти неизбежно приводит к односторонней партийности, которая оспаривает за инакомыслием право на собственное мнение и собственное действие.

Теоретически можно предположить, что ценности могут иметь много разных форм выражения и способов проявления. Отсюда следовало бы сделать вывод, что многие люди единокорны в признании тех или иных ценностей, но расходятся лишь в их трактовках. Примечательный пример приводит в своей книге польский ученый М.Оссовская, показывая, что расхождения могут быть гораздо более глубокими: "Известный этнограф и социолог Г.Малиновский в 30-е годы рассказывал студентам о своем разговоре с жителем одного из островов Тихого океана. Он поведал ему о разыгравшейся в Европе первой мировой войне, которая привела к многочисленным жертвам. На что островитянин скептически заметил, что такого количества мяса съесть невозможно. В Европе нет каннибализма, - сказал Малиновский. Но тогда вообще бессмысленно убивать так много людей, - воскликнул островитянин"⁵.

В обеих культурах, представленных здесь собеседниками, жизнь одинаково предстает как ценность. Но основания, по которым в том и другом случае совершаются убийства, настолько далеки друг от друга, что едва ли можно предположить, чтобы оба способа поведения могли сосуществовать в рамках одной культуры. Таким образом, общие ценности требуют постоянной конкретизации и интерпретации применительно к исторически определенной ситуации. В своем конкретном изложении они ни в коем случае не встречают того единодушного одобрения, которое вызывают их общие формулировки. Все выступают за торжество справедливости, но как только справедливость получает реальный шанс на осуществление благодаря конкретным политическим мероприятиям, начинаются разногласия. Процесс регулирования

---

⁵ *Ossowska M. Gesellschaft und Moral. Die historische und soziale Bedingtheit sittlicher Grundhaltungen. Dusseldorf, 1972. S. 142.*

ценностей определяется в конечном счете тем, носители каких социальных отношений выступают в качестве субъекта этой деятельности. Заинтересованы ли они в том, чтобы поощрять расширение ценностного пространства или, наоборот, сдерживать его.

Ядро политических ценностей - свобода, справедливость, солидарность, называемые в западной партийной терминологии "основными ценностями", составляют идеологический базис политических программ таких, например, крупных партий, как СДПГ и ХДС/ХСС в Германии. Они зафиксированы там в виде абстрактных понятий, оторванных от реальной социально-структурной дифференциации и могут обслуживать в принципе любую идейно-политическую платформу, что на деле и происходит в политической практике ФРГ. Их безнадёжная дискредитация произошла еще в ходе буржуазной революции, когда они превратились в пустые и формальные лозунги. И до сегодняшнего дня они не имеют четко фиксированного содержания: многие мировоззренческие и политические вопросы преподносятся под этим углом зрения.

Предельно широкое значение основных ценностей, а также их функциональная роль - быть единой цементирующей основой общества - обусловили интерес к ним не только со стороны социал-демократов, но и консерваторов. Они, по мнению консервативных идеологов, есть идеальный интеграционный элемент, который в особой степени способствует тому, чтобы установить общественную идентичность государства.

Аксиологическая форма позволяет, с одной стороны, создать видимость бурной теоретической деятельности, а с другой - увести общественное сознание от прямых ответов, касающихся решения таких проблем, как безработица, инфляция, кризисные явления в экономике и другие. Постулируя "основные ценности", консерваторы не только не разъясняют их сущностное содержание, но отнюдь и не идеализируют их, допуская, что они могут даже противоречить друг другу.

Но какие бы разногласия не возникали вокруг основных ценностей между сторонниками тех или иных политических ориентаций, они касаются лишь деталей, частных, не затрагивая сущности. Возникающая на поверхности поляризация мнений между социал-демократами и консерваторами отражалась не столько в политическом содержании, сколько в форме, так как между ними существовало определенное согласие в экономической, финансовой политике. Всем крупным политикам надлежало осознать тот факт, что основные ценности должны служить всему

обществу, а не только приверженцам какой-либо группы или партии. Благодаря основным ценностям и была найдена подходящая идейно-теоретическая платформа, позволявшая при соответствующей интерпретации придать консерватизму новые теоретические опоры, представить его ответственным за все общество и превратиться из "технократического" в нормативно-этический.

Во главу ценностной концепции консервативные политики ставят "свободу" и выступают против ее приравнивания к каким-либо другим ценностям. Она имеет заметное преимущество в ценностной системе и вообще является высшей ценностью. Свобода представляется вечным, всеобщим, вырастающим из человеческой сущности естественным правом, которое присуще всем людям без исключения. При этом наблюдается большая абстрактность, если даже не пустота применяемого понятия "свобода". Свобода отождествляется с образом Запада, является его символом, хотя при этом не определяются социальные, политические, юридические и другие параметры реального положения людей, характеризующие различные степени свободы.

Выведив в качестве центральной политической ценности "свободу", консерваторы имеют совершенно разные мнения по поводу того, в чем, собственно, состоит "свобода". Например, так называемые "старые либералы" (Х.Шельски, Г.Люббе, Б.Хеннис) условия свободы усматривают прежде всего в частной сфере, не подлежащей контролю со стороны государства и общества, т.е. понимают их в смысле старой немецкой "буржуазной свободы" XIX в. Представители социал-биологического направления (Г.-К.Кальтенбруннер, А.Молер) видят свободу в указании на субисторическое и трансисторическое в человеке, которое не подлежит историческому преобразованию и не находится в распоряжении общества.

Выведение "свободы" в качестве главной ценности приобрело порой опасные черты, как это было в том случае, когда, например, утверждалось, что "свобода" важнее, чем мир.

Если "свобода" в рамках консервативной идеологии предполагает принципиальную независимость личности, то "солидарность" в отличие от этого должна обосновывать обязательную соотношенность человека с другими людьми. Однако "солидарность" еще в большей степени, чем "свобода" означает явную спекуляцию на ценностных представлениях, истоки которых лежат в основе совершенно противоположной традиции. Согласно реальному историческому содержанию, "солидарность" под именем "братства" была ведущей идеей Французской револю-

ции и в этом качестве встречала негативную реакцию со стороны консерваторов того времени. Активизация этой ценности, ее возвышение являлось прямым ответом на духовно-политический кризис современного западно-германского общества.

Определение понятия "справедливость" и ее обоснование представляют для консерватизма, несомненно, труднейшую проблему, так как ведут к отвлечению от материальных детерминант жизни в обществе. Представлять многообразие существующих в обществе противоречий, особенно таких, как противоречие между богатством и бедностью, силой и бессилием и т.д. как "справедливые" действительно нелегко. Не случайно "справедливость" занимает последнее место в иерархии "основных ценностей".

В целом же, наделяя ценности атрибутом высшего блага, но не раскрывая предпосылок и условий их реализации, идеологи помогают стабилизировать и укреплять господствующие структуры власти. В своей абстрактности, неопределенности и размытости такие ценности либо маскируют, либо приукрашивают действительность, а в конечном счете затрудняют понимание действительности и существующих отношений власти.

2. Власть и информация

Информация всегда являлась одним из ключевых ресурсов для успешной реализации властных функций. Поскольку носители власти в тех или иных формах навязывают свою волю подвластным (управляемым), вступают во взаимодействия, в том числе конфликтные, с противостоящими силами, то особое значение приобретает наличие именно такой информации, которая позволяет наметить адекватные и реалистичные цели, выбрать оптимальные стратегию и тактику их достижения. И наоборот, отсутствие необходимой информации, ее неадекватность, как, впрочем, и неспособность власти осознать значимость и ценность доступной адекватной информации, неумение извлечь из нее соответствующие выводы нередко были одной из основных причин ошибок и провалов власти в политике, государственном управлении, военных действиях и т.д. В межгосударственных отношениях особые преимущества получает та сторона, которая имеет доступ к информации, рассматриваемой в качестве секретной для противников (а нередко и для союзников) и относящейся к различным сторонам жизни государства, механизмам выработки важнейших политических решений, его

военному потенциалу и пр. Отсюда важное значение специальных служб, задача которых - максимальный доступ к секретной информации других государств и защита собственной секретной информации. Конечно, само понятие секретности вполне конкретно и обусловлено множеством факторов, включая и характер политической власти. В частности, можно говорить о том, что отсутствие или слабость демократических институтов прямо связаны с расширением сферы секретности во внутригосударственной жизни, поскольку информационная открытость общества расширяет возможности критики, упреждает позиции оппозиционных сил и т.д.

До относительно недавнего времени характер существенной для жизни общества информации был относительно невелик и ее основной объем был сосредоточен именно в структурах государственной власти. Но уже после 2-й мировой войны произошел качественный скачок в возможностях преобразования, обработки и хранения информации, связанный с быстрым развитием компьютерной техники. Появление и исключительно быстрое развитие компьютерной техники и современных средств передачи данных не является случайным. Они отразили назревшую общественную потребность управления растущими объемами и потоками информации, эффективного ее использования для решения многообразных задач. Воздействие современных информационных технологий на политические и идеологические процессы, на механизмы реализации власти порождает новые проблемы, которые весьма многообразны и недостаточно изучены. Рассмотрим некоторые из них.

Проблемы глобального информационного обмена

До недавнего времени потоки информации замыкались в основном в границах национальных государств и лишь относительно небольшие объемы информации, контролируемые соответствующими структурами власти, пересекали эти границы. Развитие современных средств коммуникации, прежде всего телекоммуникации, вызвало в последние годы быстрый рост трансграничных потоков информации. Это было связано, в частности, с появлением глобальных спутниковых организаций, начало которым положила "Интелсат" (1964 г.), владеющая системами спутниковой связи и эксплуатирующая их. Деятельность "Интелсат" регулируется специальным соглашением стран-участниц, окончательный вариант которого был принят в 1973 г.

Помимо экономических целей преследовались и политико-идеологические, так как речь шла о распространении информационных потоков по всему миру. Созданная по американской инициативе и работающая на американском оборудовании "Интелсат" рассматривалась американскими федеральными службами как естественное средство укрепления американских позиций в мире. Однако стремление осуществлять контроль за деятельностью "Интелсата" не всегда в полной мере реализовывалось. Поэтому с середины 80-х годов американская политика в отношении систем спутниковой связи начинает меняться. Приоритетным направлением становится формирование конкурентного рынка международных спутниковых систем, который явился бы эффективным средством против монополизма, более быстрого роста качества и снижения стоимости предоставляемых услуг. Такой выбор был вполне понятен, поскольку базировался на предположении, что технологическое превосходство и преимущество в количестве производимой информации позволит естественным путем, без административного давления занять в них ведущее место. Информационный обмен, в котором все большее место занимают радио, телевизионные программы и потоки данных, становится все интенсивнее. Ключевые позиции в таком обмене занимают страны, лидирующие как в производстве информации, так и в производстве соответствующего оборудования. Расширяется сеть спутникового и кабельного телевидения, устанавливается все больше индивидуальных параболических антенн, обеспечивающих прием очень широкого круга программ, в том числе жителями удаленных от крупных центров небольших поселков и изолированных домовладений. Привычной, в том числе для нашего телезрителя, стала такая форма телевизионного общения, как прямые телемосты.

Определенная информационная политика, проводимая с использованием самых современных технических средств, может эффективно стандартизировать массовое сознание, ориентировать его на конкретный набор политико-идеологических и иных ценностей, в том числе далеких от конкретных национальных интересов и традиций. Поэтому в понятии суверенитета все более важное место занимает его информационный компонент. Не случайным является все более пристальное внимание как в научных, так и общественно-политических кругах к проблеме "информационного империализма" или "информационного колониализма", опасность которых вполне реальна, причем не только в отношении стран, слабо развитых в технологическом плане, но

и применительно ко многим развитым странам, не обладающим мощными средствами информации.

В этих условиях усложняется и приобретает новые аспекты задача поддержки и защиты собственных культурных и моральных ценностей, передачи их новым поколениям наряду с максимально полной и достоверной информацией о важнейших событиях, проблемах, тенденциях развития в других странах. Решение этой задачи достижимо при условии проведения реалистичной и современной информационной политики, в отношении которой позиции структур власти, экспертов, общественного мнения нередко варьируют от обоснования необходимости полной информационной открытости до жесткого государственного контроля.

В то же время следует полностью осознать тот факт, что в ситуации быстрого распространения современных информационных технологий административные способы защиты тех или иных ценностей становятся все менее эффективными, а нередко вообще невозможными. Поэтому сегодня международное сообщество постепенно вырабатывает основные принципы регулирования информационно-культурного обмена. Уже сформулированы и согласованы общие, признаваемые большинством стран, принципы, включающие, в частности, запрет на разглашение сведений, представляющих военную и государственную тайну, порочащих честь и достоинство граждан, хотя многое определяется национальным законодательством. Конечно, конкретная трактовка и законодательное оформление этих принципов еще содержат немало спорных моментов, связанных с различиями в истории, культуре, менталитете различных народов. Подход к решению этих проблем основан на широко распространенном убеждении, что форма и содержание радио- и особенно телевизионных программ представляет важный компонент национального суверенитета. Более того, он определяет информационный суверенитет государства, который государственная власть обязана охранять. Однако общая тенденция такова, что в связи с развитием спутникового вещания и становлением системы глобального телевидения, интерпретация понятия "информационный суверенитет" будет становиться все более "мягкой" за счет признания прав граждан на свободу выбора программ.

Все большее место в трансграничных потоках информации занимают потоки данных для компьютерных систем. К ним относятся, в частности: оперативные сообщения, необходимые для принятия решений или выполнения административных функций филиалами транснациональных корпораций; финансовые данные, представляющие собой сведения о кредитах, задолженно-

стях, платежах и т.п.; данные о личности, включая сведения о кредитоспособности, здоровье, квалификации и т.д., разнообразные научно-технические данные, метео- и экологическая информация, библиографические данные. Основная часть трансграничного потока данных приходится на США, страны Западной Европы и Японию, при этом лидирующее место прочно удерживают США. Россия в этом плане, как и многие другие страны, представлена пока слабо. Многие технологически менее развитые страны вынуждены хранить, обрабатывать и получать жизненно важную для себя информацию в иностранных банках данных и компьютерных сетях. Неожиданное прекращение потока информации из-за технических или политических причин может привести к существенному иностранному воздействию на страну - потребителя информации. Иными словами, возникает новый тип информационно-технологической зависимости. В то же время различные меры по защите национального информационного суверенитета, оправданные с точки зрения соответствующих государственных структур, нередко снижают эффективность функционирования и рост целых отраслей промышленности, банковского дела, торговли, особенно существенно зависящих от современных информационных технологий.

Национальному суверенитету угрожают и информационные потоки, обслуживающие деятельность транснациональных корпораций. В частности, ряд исследований свидетельствует о том, что государства уже в значительной мере не контролируют международный поток платежей и кредитов, распределяемых через специальные коммуникационные сети. Вообще само появление и все более широкое распространение в последние годы "электронных денег" следует признать одним из важнейших технологических результатов процесса информатизации общества. О.Тоффлер, например, описывая в своей последней крупной работе особенности их функционирования, приходит к выводу о том, что это не просто очередное технологическое новшество. В условиях, когда "электронные деньги" свободно пересекают национальные границы, все более трудной оказывается задача проведения последовательной финансовой политики тем или иным национальным правительством. Поскольку процесс принятия решений в области телекоммуникаций постепенно смещается с национального на международный уровень, все большую часть внутренних проблем приходится решать с учетом внешних по отношению к данной стране факторов. Поэтому в международном сообществе растет понимание необходимости согласования информационной политики отдельными странами и группами

стран, транснациональными корпорациями, особенно когда эта политика прямо или косвенно затрагивает интересы третьих стран или мирового сообщества в целом.

Новые информационные технологии и демократия

Обилие информации, быстрота доступа к ней, казалось, создают новые благоприятные возможности для развития демократии.

Как отмечают американские исследователи, "теоретически компьютер является мощным средством уравнивания возможностей граждан в отношении информации. Любая информация сегодня доступна среднему гражданину. Однако на практике компьютер способствует расширению информационного разрыва между различными социальными классами"⁶. Имеются в виду как далеко не полная обеспеченность семей даже в США современными персональными компьютерами, так и большое различие в качестве компьютерной грамотности. Современная же демократия предполагает не только возможность доступа к максимально разнообразной информации, но и достаточно высокий уровень образования и культуры, позволяющих адекватно воспринимать и оценивать ее, принимать на этой основе самостоятельные решения, в том числе осуществлять ответственный политический выбор. При этом для нормального функционирования общества, особенно демократического, особое значение имеет наличие эффективных прямых и обратных информационных связей, а развитие современных компьютерных и коммуникационных технологий создает здесь новые возможности. Так при любой политической реформе, в особенности когда политические и социальные процессы чрезвычайно динамичны и во многом непредсказуемы, принципиальное значение имеет информационная открытость в деятельности государственных органов, повышение информированности населения об основаниях и механизмах принимаемых решений, ходе их реализации. Хотя решение этой задачи зависит в первую очередь от политических и правовых факторов, все более существенное значение приобретают телевидение, космические системы связи, современная полиграфия.

---

⁶ *Abranson I.B., Arterton G.R., Orren G.R. The Electronic Commonwealth. N.Y., 1988. P. 189.*

Еще более широкие возможности открывает массовое распространение персональных ЭВМ, подключенных к компьютерным сетям массового пользования. Это позволяет достичь качественно нового уровня осведомленности граждан, открытости функционирования различных властных структур. Благодаря этому радикально расширяются возможности самостоятельного и активного поиска нужной, интересующей человека социальной информации. Вплоть до настоящего времени основным способом ее получения являются письма, запросы, встречи с должностными лицами и т.д. Создание компьютерных банков данных общего пользования, содержащих сведения о деятельности различных уровней власти, позволит гражданам автономно получать необходимую информацию и сознательно определять свое отношение к эффективности этой деятельности.

Подобные информационные системы технически возможны и реализованы в ряде стран (хотя основное место в них, скажем, системах "Prestel" в Великобритании или "Minitel" во Франции, занимают разнообразные сведения, связанные с повседневной жизнью - торговля, услуги, транспорт, досуг и т.п.). В обозримом будущем, по мере создания необходимой инфраструктуры, решения экономико-организационных проблем, компьютерные сети будут расширяться. С их помощью будет возможно проводить моментальные опросы, голосования (референдумы) по конкретным социально-экономическим и политическим проблемам. Таким образом, создаются принципиально новые возможности для развития прямой демократии. Хотя конкретные методы удовлетворения информационных потребностей, конечно, будут и дальше развиваться и совершенствоваться, представляется вероятным, что «общие идеи доступа к информации в "электронных хранилищах" с помощью телевизора, установленного на службе или дома, сохраняются и станут таким же достижением цивилизации, каким стал в свое время водопроводный кран»⁷.

В то же время возможности расширения прямой демократии с помощью мгновенных электронных опросов, референдумов и т.п. содержат в себе и определенные минусы. Выигрыш в скорости обработки информации, ускорении информационной обратной связи, в принципе полезной и необходимой гражданам и власти, может иметь в качестве обратной стороны быстрые колебания общественного мнения, его нестабильность, поскольку люди будут все больше ориентироваться на то, чтобы быстрее

---

⁷ Мартин Дж. Видеотекс и информационное обслуживание общества. М., 1987. С. 20.

выразить свое отношение к тем или иным проблемам, а не на то, чтобы сформировать его в процессе всестороннего обсуждения, учета различных точек зрения и т.д. Однако электронные средства информации создают все больше предпосылок и для реализации другого направления развития и совершенствования демократии, связанного "с использованием новых технологий для замедления ритма демократии, вовлечения значительно большего количества граждан в дискуссию, диалог для выявления различных позиций. Это политика "электронной республики" и "телевизионного города". Современные технические возможности допускают воплощение в жизнь такой политики, если выбор будет сделан именно в этом направлении"⁸.

Среди специалистов дискутируется вопрос о соотношении бюрократических и информационных типов организации общественной жизни. При этом одни считают, что эти типы несомнестимы. Другие доказывают, что бюрократия успешно сохраняет и даже усиливает свое влияние в обществе, все шире использующем информационные технологии. По мнению одного из теоретиков информационного общества Дж.Мартина, "возможно, наихудшим злом, которое может исходить от компьютеров, является их способность многократно усиливать мощь бюрократии"⁹. Речь идет, в частности, о том, что неоптимальные бюрократически вырабатываемые политические и социально-экономические решения представляются общественному мнению в качестве оптимальных и эффективных, поскольку при их выработке широко применялись компьютерные средства обработки информации. Однако этот аргумент является далеко не бесспорным. Напомним, что в нашей стране использование таких средств не повлияло на бюрократические, административные методы деятельности аппарата управления, сложившиеся еще в 30-е годы. Скорее наоборот, вычислительные возможности ЭВМ позволили ему расширить утверждаемые, рассчитываемые и контролируемые показатели, усиливая тем самым иллюзию точной планируемости и "научного управления" чуть ли не всеми сторонами общественной жизни в условиях почти полного отчуждения граждан от процедур выработки и принятия решений.

Исследование воздействия информационных технологий на механизмы политической власти содержится в уже упомянутой работе О.Тоффлера. Он обращает внимание, в частности, на роль "фактов", на которые опираются в своей деятельности политики,

---

⁸ *Abramson I.B. Op. cit. P. 215.*

⁹ *Martin I. Technology's Crucible. Englewood Cliffs. 1987. P. 88.*

особенно в случае принятия важных решений. Казалось бы, современные системы обработки и хранения информации дают возможность оперировать значительно более точными и богатыми по содержанию фактами, чем в докомпьютерную эпоху. Однако это верно лишь отчасти, поскольку та информация, которая в итоге оказывается доступной политикам, чаще всего есть результат сложного взаимодействия алгоритмического и программного обеспечения с массивами первичных данных, что самими политиками обычно не осознается. В итоге, по мнению О.Тоффлера, "политическая информация достигает лицо, принимающее решения, лишь пройдя через лабиринт вносящих искажения зеркал"¹⁰. Здесь намечена существенная проблема, с которой сталкивается современное, все более информатизированное общество. С одной стороны, эффективная деятельность в политике, сфере управления, бизнесе требует оценки, анализа, интерпретации быстро растущего объема данных, что и делается с помощью информационных технологий. С другой - для политика, бизнесмена и т.д., "погруженного" в эти данные, весьма трудной задачей становится независимая проверка и оценка получаемой информации, и он вынужден считать ее истинной. Возникает парадокс: обилие информации сопровождается растущим отчуждением от нее человека, принимающего на ее основе социально значимые решения. О.Тоффлер рассматривает и вопрос о соотношении принципа свободы информации с необходимостью сохранения различных видов секретности, закрытости информации, вопрос о принципах деятельности секретных служб. Он приходит к выводу: "Несмотря на гласность (*glasnost*), законодательство о свободе информации, сегодняшние правительства успешно сохраняют завесу секретности. Реальные мотивы действий тех, кто обладает властью, становятся менее прозрачными. В этом заключен метасекрет власти"¹¹. Таким образом, вопрос о том, в какой мере широкое применение информационных технологий действительно ведет к большей информационной открытости общества (включая и существенную для граждан информацию о деятельности структур власти), какие новые перспективы открываются и какие новые проблемы возникают в функционировании и развитии демократии, является во многом дискуссионным, требующим дальнейших исследований.

---

¹⁰ Toffler A. Powershift. N.Y., 1990. P. 281.

¹¹ Ibid. P. 293.

Современные информационные технологии позволяют накапливать, эффективно обрабатывать, передавать и использовать огромные массивы информации о гражданах: их финансовом положении, политических предпочтениях, социальной активности, здоровье и т.д. Такое накопление может идти естественным путем, на основе "информационных следов", оставляемых человеком в процессе жизни. Компьютерное хранение, обработка и использование такой информации могут иметь положительные социальные следствия, представляя, например, новые возможности борьбы с преступностью, облегчая тем самым структурам власти реализацию их функций, но могут приводить и к незаконному ее использованию, нарушению тайны личной жизни, другим прав личности. Не случайно некоторые западные специалисты подчеркивают опасность (реальные или потенциальные), связанные с накоплением информации о гражданах. Так Д.Бэрнхэм отмечает: "Компьютерное государство - это налоговая система, полиция, служба социального обеспечения, банки, телефонная сеть, служба безопасности и кредитные фирмы, тихо и непрерывно инвентаризирующие каждое наше действие и каждый шаг"¹². Речь идет об опасности чрезмерной "информационной прозрачности" граждан для власти как следствия широкого применения информационных технологий.

Новая ситуация привела к широкому обсуждению проблемы защиты прав личности, создание гарантий от вторжения в частную жизнь. В этом обсуждении участвуют юристы, социологи, политологи. В ряде стран приняты законодательные акты, обеспечивающие более или менее надежные гарантии информационных прав граждан, защиту от возможности формирования без их ведома обширных "электронных досье". В США, например, принято два основных закона - о свободе информации (1966 г.) и закон об информации о гражданах - The Privacy Act (1974 г.). Этими законами обеспечивается предоставление права гражданам, средствам информации, общественным объединениям знакомиться с информацией федеральных правительственных учреждений. По закону 1966 г. все министерства и ведомства должны публиковать для всеобщего сведения или содержать в открытом доступе описание структуры учреждения, формы деятельности, адрес, инструкции для сотрудников, затрагивающие права и интересы граждан и т.д. Закон 1974 г. регламентирует

---

¹² Burnham D. The Rise of the Computer State. L., 1983. P. VIII.

порядок доступа к личным досье граждан, обязывает публиковать данные о структуре таких досье, категориях лиц, на которых собираются данные, о должностных лицах, допущенных к ним и т.п. В принципе эти законы гарантируют выполнение следующих требований: не должно быть строго засекреченных информационных систем, накапливающих сведения о гражданах; гражданин имеет право проверить, какая информация о нем имеется и каким образом она используется, уточнить или исправить информацию; информация не должна храниться дольше, чем это необходимо для четко определенных целей; каждая организация, собирающая, использующая или распространяющая информацию о личности, должна гарантировать точность этой информации и принимать все необходимые меры против ее незаконного использования. Конечно, при этом возникает проблема разумных ограничений и оправданной секретности, без которых невозможны охрана государственной безопасности и борьба с преступностью, защита внешнеполитических интересов и т.д. Поэтому указанные законы и другие акты содержат соответствующие статьи. Но даже удачно составленные законы не могут охватить всего многообразия возникающих ситуаций.

Таким образом, традиционная проблема оптимизации взаимодействия интересов и прав личности, а также общественных и государственных интересов в условиях широкого применения информационных технологий приобретает новые стороны и аспекты, требующие как теоретического анализа, опирающегося, в частности, на уже накопленный в различных странах опыт, так и конкретных решений и действий различных структур и ветвей власти.

3. Власть и утопия

Реалистической властью можно считать власть, осуществляющую программу: а) основанную на фундаментальной концепции общества и построенную, исходя из теории данного общественного процесса; б) адекватно отображающую действительность, законы и тенденции ее изменения, реально возможное в политике; в) исходящую из представления о данном политическом процессе как о системе, способной развиваться и активно взаимодействовать с другими процессами - экономическими, культурными, правовыми и т.п.; г) преследующую соответствующую возможностям цель; д) обладающую средствами полной

реализации своих собственных возможностей; е) способную критически оценивать результаты выполнения программы.

Таким образом, ключевой вопрос власти - это адекватность власти ее целям, задачам, возможностям, стратегиям, т.е. это всегда вопрос ее эффективности, ее правоты или заблуждений. Когда такой адекватности нет, возникает утопия. Просчеты и ошибки, естественные для власти, еще не утопия, а лишь ее предпосылки. Утопия начинается тогда, когда дефекты власти и политики не распознаны или замечены поздно, либо замечены, но не признаны и не исправлены. Тогда произвольно возникают или намеренно создаются по каким-либо причинам иллюзии относительно целесообразности нереального на деле политического курса.

В связи с особенностями политического процесса, когда рациональное знание обращено к таким объектам, как "возможность", "вероятность", "предпочтение" и т.п., оно по необходимости ограничено анализом и упорядочиванием логики вероятностных событий, логики гипотез. За пределами этого рационализма может оказаться действительность, которую он не охватывает. Помимо значительной роли случайных, субъективных, эмотивных, непознанных или ложно интерпретированных факторов политики, которые делают ее уязвимой для иллюзорных представлений о ее рациональности, приходится признать, что и объективная рациональность политического процесса (знание законов, тенденций развития, фактов) также не застрахована от иррациональных восприятий. Данные особенности политического процесса способствуют возникновению утопии.

Сложность и специфика утопии в политике, ее, так сказать, коварство - в глубоком и неприметном проникновении в политическое мышление, в ее рационализации - свойстве приобретать все признаки логически правильно построенной, целенаправленной мыслительной и практической деятельности (рациональная утопия) и в ее конкретизации, имитирующей действительные явления, реальные события (конкретная утопия). Эти свойства обеспечивают утопии устойчивое бытие в политическом сознании и политической практике.

Знание условий, при которых возникают действительно утопические тенденции в политике, дает возможность корректировать политический процесс и направлять его, освобождаясь от утопии во всех ее формах. Это особенно важно в современную эпоху, когда масштабы политических решений, их значение и ответственность неизмеримо возросли.

Распознавание политической утопии осложняется, однако, в том случае, когда утопическое начало возникает в политике не преднамеренно, не как цель той или иной политической теории или практики, а как невольный результат достаточно сложного взаимодействия объективных и субъективных причин. Примером такого рода является утопия, возникающая на основе принципа предельности.

В политике обнаруживаются два вида пределов. Первый определяет общие предельные возможности политики в том простом смысле, который может быть выражен словами: политика не может беспредельно воздействовать на общество, разрушать или пересоздавать его, преобразовывать организующие его системы. Гиперполитизация экономики, права, культуры, науки, идеологии, морали не проходит безнаказанно и карается утопическими иллюзиями и тяжелыми общественными последствиями. Существуют границы рационального проникновения одних общественных систем в другие, за которыми начинается их общее разрушение. Отсюда возникает, в частности, хорошо теперь известная проблема этатизма - усиления государства, вмешательства государственной власти в экономику и в иные сферы жизни человека и общества. Отсюда и способность власти порождать общественные кризисы и сомнения в возможности выходить из них политическими средствами, сопровождаемые массовыми иллюзиями и утопическими ожиданиями. В этой связи следует заметить, что утопия в политике - удел отнюдь не одних только носителей и творцов политики. Если утопия зарождается в центрах власти, она распространяется и в обществе и тем шире, чем значительнее политический процесс. Утопия, таким образом, - это массовое явление. Второй тип пределов - предельность, возникающая в конкретном политическом процессе. Так или иначе начавшееся и продолжающееся политическое действие может не завершиться, не дойти до обозначенных в проекте целей или привести к непредвиденным результатам, столкнувшись с теми или иными препятствиями: дефектами самой политики или/и внешними факторами. Эта ситуация означает, что процесс вошел в пограничную зону ("зону насыщения"), где его рациональный потенциал исчерпывается и возникает коррелятивный ему утопический потенциал иллюзии успешно продолжающейся политики. Исчерпанность политики означает не ее конец и, конечно, не отказ от политики вообще, а необходимость ее смены, необходимость новой политики. Отсюда вечность политики и власти, вечная проблема их изменения, перемены курса, стратегии и тактики, т.е. проблема выхода из критической пограничной зоны.

Но утопия может быть и одним из альтернативных результатов вероятностного процесса. Она и сама представляет собой вероятностный процесс, исходом которого становится изживание утопии - реализация, казалось бы, неосуществимого события или подтверждение несбыточности его ожидания. Признавая критерием утопии неосуществимость замысла, мы вправе говорить о границах и принципах такой оценки, поскольку то, что неосуществимо в одних условиях и в данное время, может оказаться осуществимым при других обстоятельствах и в иное время.

Политическая утопия может анализироваться и классифицироваться по характеру ее образования как объективно и субъективно обусловленная; а также по месту образования в политическом процессе - на его исходном этапе, при формировании проекта, при определении общей или частных целей, в период осуществления проекта и т.д.

Особое значение имеет объективно и субъективно обусловленная типология политической утопии. С этой точки зрения политическая утопия может быть подразделена на следующие типы:

1) непреднамеренную, возникающую на стадии идеального замысла в качестве максималистского проекта. Она связана с формированием модели проектируемого объекта, его идеального состояния. Такая утопия может быть преодолена при детальной разработке плана и его реализации;

2) непреднамеренную, возникшую в процессе осуществления проекта вследствие незнания закономерностей данного явления, неполноты информации, неопределенности будущих состояний объекта и т.п. Она может быть отражена и закреплена в прогнозе, в проекте и плане его реализации и способна сделать этот проект неосуществимым. Такая утопия устойчива, имеет тенденцию определять идеологию и методологию целеполагания и разработки проекта. Она чрезвычайно распространена в политике, в социально-политическом прогнозировании и проектировании, особенно там, где имеют место субъективизация входной информации и ее объективная неполнота, ошибки в определении целей, методов, задач и т.д.;

3) преднамеренную, но идеологически санкционированную и сознательно примененную утопию. Такая утопия признается основой отношения к действительности, исходя из представлений об идеальном образе действительности и ее конструктивном, с точки зрения этого идеала, преобразовании. Она сопоставляет существующее и желаемое, воображаемое, в котором как бы преодолеваются начала неопределенности и вероятности. Таков опыт

реализации идеалов свободы, равенства, справедливости, права в политической и социальной истории современной цивилизации.

Преднамеренная утопия, отвергающая рациональное начало в политике, проектировании и прогнозировании, порывающая с объективными законами функционирования и развития общества - крайняя форма проявления утопического сознания и весьма распространенное явление политического авантюризма.

Утопические явления могут проистекать из основных рассогласований, возникающих как дисфункции между следующими отношениями:

1. Между политическими и общественными отношениями. Время истории и время политики могут не совпадать. Ускорение развития одних частей общественного целого неизбежно приводит к отставанию других его частей и потому может привести к негативным последствиям для этого целого, каким бы закономерным ни был феномен неравномерности исторического развития. Так процесс индустриализации обычно опережает процесс культурного, профессионального, этического развития человека и общества, формирование гуманистического сознания, без чего индустриализм может получить - и реально получает - антигуманную направленность, выражающуюся в разрушении природы, использовании знания и технико-производственного потенциала общества для создания средств массового уничтожения. Наконец, политическое и общественное развитие могут расходиться друг с другом в целом и в отдельных отношениях и даже противоречить друг другу. Политика колониализма, например, всегда противостояла процессу интегрального исторического развития народов, принудительно включенных в колониальные империи. Отсюда и утопии "вечных", "могущественных" имперских государств-конгломератов.

2. Между политическими и другими общественными процессами, осуществляющими в обществе организационные и регулятивно-контрольные функции.

Это рассогласование связано с первым, наиболее общим рассогласованием политического и общественного, когда политика может не отвечать нуждам общества, его сознанию, интересам, уровню развития и возможностям. Но такое рассогласование образует более определенные и конкретные ситуации, например, несоответствие политического регулирования правовому. Все развитые европейские общества прошли этап развития, на котором позиция политической власти (возможность деспотического, самодержавного, абсолютистского правления разных уровней - от местного до центрального, королевского) порождала потребность

в создании правового общества. Тогда право (судебная власть и конституционный суд) становилось чем-то внешним по отношению к государственной власти и должно было быть независимым от нее, и призванным ее контролировать.

3. Внутри самого политического процесса: как несоответствие между уровнями теоретической и практической политической деятельности; между конкретными действиями власти и интересами и целями политического процесса; несоответствие между целями политики и средствами, а также методами власти.

Осуществление власти включает ряд процессуальных этапов, на которых возможно появление утопических представлений. Главными из них являются: 1) определение целей; 2) разработка политического проекта.

Стадия целеполагания и организации управляющих и контрольных функций власти - одна из самых сложных и противоречивых. Здесь необходимо остановиться на проблеме анализа политических норм, на основании которых осуществляется управление и определяется должное поведение граждан и власти.

Существует абстрактная возможность превращения нормы в утопию. Такого исхода, естественно, избегает любое государство. Это стремление проявляется как желание добиваться реализации процесса органического усвоения политических норм, идеологии и т.п. Положительная, правильно понятая и усвоенная норма не должна порождать негативных утопических явлений.

Иной эффект нормативности порождается сферой "государственного формализма" - бюрократией, создающей свои нормы, согласно которым осуществляется деятельность власти и управляется общество. "Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Бюрократия делает свои "формальные" цели своим содержанием, поэтому она всюду вступает в конфликт с "реальными" целями. Она выжуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи - в государственные"¹³.

Средство превращается в самоцель, цель - в средство. Но утопия целей не иррациональна, она рациональна. Это показал еще Маркс: "Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания

---

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 271.

всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение¹⁴.

Это взаимное заблуждение относительно целей и средств проекта и его истинных результатов основано на нежелании открывать их подлинное соотношение: "Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство"¹⁵. В утопии подлинного смысла власти, которая скрыта в тайне, иллюзии, заинтересована власть и прежде всего бюрократия. Тайна вообще может придавать значительность политическим нормам и всем политическим отношениям в обществе, порождать обманчивые представления о подлинных целях и о самой природе власти, внушать убеждение в объективности ее решений, ее средств, ее методов, приемов и норм. Иллюзии такого рода проникают не только в массовое политическое сознание, но и в политическую теорию.

Глубоко преобразается в этой утопической ситуации и весь процесс усвоения обществом политических норм, которые тоже оказываются утопическими. Между тем нормативная политика призвана служить антиутопической мерой, повышающей эффективность управления.

Важное свойство политического процесса - его дискретность. Значительные цели достигаются последовательно через ряд этапов, на которых преследуются частные конкретные (или промежуточные) цели. Если экстремальные (универсальные или высшие) цели постоянны, то частные - временны. Их достижение приближает к общей цели. Это цели конкретной деятельности, хотя и они могут быть общезначимыми: оборона, сохранение мира, достижение могущества и т.п. Кроме того, частные цели, интересы, проект и средства ближе друг к другу во времени и пространстве, что помогает обеспечивать их взаимную адекватность. В принципе норма должна быть равнозначна закону, разработанному данной политической системой. Так и бывает в политической действительности, если она не трансформирована утопией. Но обычно на промежуточных этапах осуществления политики часто возникают несоответствия элементов политического процесса и накапливаются отклонения от избранных целей. В результате и вообще направление политики может удалиться от намеченной цели. Этот же эффект может возникнуть при несогласованности общей и частных целей.

К идеальной, абстрактно-общей цели приближает такая частная цель, которая соотносится с общей как особенное, во-

---

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271-272.

¹⁵ Там же. С. 272.

площающее всеобщее, и потому способная стать самоцелью, как и сама общая цель. Иными словами, частная цель выступает как отчуждение идеальной цели, становится формальной по отношению к ней.

Таким образом, в цепочке частных целей таится возможность утопических иллюзий. Политический процесс - это цепь последовательно решаемых задач и соответствующих действий. Утопические явления возникают в конкретных звеньях этой цепи, прежде чем превратиться в ложное представление о процессе в целом. Дисфункции процесса сами по себе конкретны, а следовательно, и иллюзии, которые возникают в связи с ними, также конкретны. Политический процесс таит в себе альтернативы, равенство или неравенство шансов благоприятного и неблагоприятного исхода событий. Иллюзорными могут быть и расчеты на успех, и сомнения в нем. Оттого так навязчива в политике (и не только в ней) логика вероятностного процесса: еще одно усилие, еще одно устраненное препятствие, новый шанс, может быть, счастливая случайность и цель будет достигнута. Логика надежд нередко побуждает продолжать и затягивать самые безнадежные политические предприятия, добиваться решения "любой ценой", что особенно предрасполагает к иллюзиям¹⁶.

Политическая цель возникает на грани объективного и субъективного, естественного (т.е. сущего, данного), реального и желаемого, ожидаемого, рационально сконструированного или воображаемого. Политическому расчету, реальному проекту на стадии целеполагания присуще то мысленное преобразование мира, которое свойственно и мифологии, и утопии. В этом свойстве кроется возможность ограничить преобразование мира мыслительной деятельностью, поскольку и "всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения"¹⁷. Для перехода от воображаемого к практике необходимо преобразование самого воображаемого. Цель как абстрактно общее - это идеализированный объект, мысленное образование. Его появление закономерно в политическом процессе на ранней стадии проектирования. На начальном этапе формирования проект неизбежно выглядит как теоретическое утверждение, соотносимое с идеализированным объектом. Но в этом утверждении идеальный образ мира уже дается средствами рационального познания как его объяснение, как не-

16 Такова, например, логика вооруженной борьбы, которая вынуждает бороться за победу в ситуации крайней неопределенности и непредсказуемости событий.

17 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 47.

обходимость, неизбежный результат выполнения плана (в который перерабатывается проект). Как желаемое будущее событие, модель будущего, политическая цель может оцениваться качественно. Идеализованный объект в конкретном проекте предстает как система, поддающаяся предварительной оценке, вероятности его реализации. Сама идеализация конкретного проекта при этом состоит не в превращении цели в абсолют, а в принципе целеполагания - одушевлении исполнения необходимыми стимулами. Реально она состоит не только из образов, схем, операций (мысленный эксперимент, разработка теоретических моделей и т.п.), необходимых для выбора стратегии данного политического процесса.

Выбор цели, принятие политических решений, призванных обеспечить реализацию политической цели и рационализировать политический проект, обращены к сложному миру человеческой субъективности. В этом его действительность и потенциальная двойственность.

Большую роль в выборе цели играет убежденность, которая может оказаться в определенном смысле автономной по отношению к проекту, способной эволюционировать иными темпами и в другое время, чем сам проект и исполняющая его власть. Они могут перестать совпадать и по содержанию. Если проект осуществляется без внутренних стимулов, становясь от этого неэффективным, то внутренняя убежденность в ложности проекта есть уже свидетельство его утопичности.

Убежденность вообще означает доверие к политическому замыслу исполняющей его власти, ее методам, возможностям и к самой цели. Неконтролируемое, безотчетное доверие переходит в веру. Возникновение веры само по себе создает условие для формирования утопического сознания. Вера в высший идеал - цель иная, нежели вера в конкретные частные цели и в средства их достижения. Вера в конечную идеальную цель допускает представление об ее отдаленности. Вера в частную, ближайшую и конкретную цель сразу же вынуждает ставить вопрос о том, насколько оправдана эта вера и насколько реальна такая цель. Такое различие вынуждает вновь обратиться к анализу диалектики отношений в цепи политического проектирования. Она может быть сведена к следующим положениям. Основное нарушение согласования между элементами политического процесса связано именно с утратой внутренних импульсов, исходящих от формирующей политику инстанции власти. Нарушения могут возникать уже в самом начале процесса идеализации, если определение политики и ее целей совершается ошибочно (идеальный аналог

не адекватен действительности, а идеальная модель мыслимого будущего не может быть выведена из действительности и ее теории). Это относится, например, к моделям построения послевоенного общества: неизвестен исход войны и не может быть даных о послевоенном мире, хотя война и начинается с определенными целями, а послевоенное устройство общества заранее в какой-то мере предполагается. Далее, формирующая и исполняющая политический проект власть не отвечает по каким-либо признакам характеру задачи - это обычная в политике ситуация (неэффективность власти). Такой была, например, власть Временного правительства в России после февральской революции 1917 г. Власть может вообще не получить идеального импульса или не воспринять его (например, при несогласованных действиях проектирующих и исполняющих органов политической управления). Тогда происходит разобщение теоретической и практической политической деятельности. Осуществление политики без значительных внутренних общественных побуждений становится формальным актом. Такая политика обычно имеет целью поддержание статус-кво и собственных интересов конкретной власти.

Аналогичные нарушения могут происходить и в сфере отношений "средство - цель". Если даже исключить из них выбор цели без надлежащих средств для ее достижения (явная утопическая ситуация - проектирование цели при отсутствии ресурсов или самой власти, способной ее реализовать), рассогласование средств и цели - наиболее частое в реальной политике явление. При всей простоте этой привычной ситуации она нуждается в некотором разъяснении, которое может прояснить действительную природу ее утопического потенциала.

Отношения, связывающие средство (действия власти) и цель (объект целеполагания), их взаимная зависимость и необходимость объясняются общностью их содержания. Оно структурно: в средстве есть содержание, которое соотносится с целью. Средство и цель связаны общим для них содержанием (скажем, политика разрядки, заключение соответствующих соглашений и установление мирных отношений между государствами). Но само средство (политическая деятельность) выступает причиной цели, результатом политической практики. Цель, как показал Гегель, определяется средством. Гегель не случайно обратил внимание на эту специфику отношений средства и цели¹⁸. Она имеет прямое отношение к образованию

---

¹⁸ Гегель Г.Ф. Соч. Т. 6. М., 1939. С. 202.

утопических явлений в политике. Суть ее в том, что средства осуществления политики - это реальность, которой обладает власть, тогда как целью она не владеет. Цель не существует иначе, чем идеал, замысел (в этом смысле она и "субъективна"). Но это "преимущество" средств, если продолжать анализ в том направлении, оказывается условием того, что власть, утрачивающая связи с целью, с ее идеальным содержанием, иначе говоря, политическая деятельность, лишенная идеальных установок, становится самоцелью политики. Сам же идеальный замысел утрачивает самоцельный характер и выступает лишь как повод политической деятельности - в этом состоит "тайна" бюрократической политики. Конкретные частные цели становятся ее непосредственной причиной. Общая идеальная цель оказывается утопической, поскольку приближение к ней делается невозможным и перестает быть задачей политики, либо остается лишь формальным обозначением этой задачи. Средство функционирует так, как если бы оно соответствовало замыслу, в действительности же оно обособилось от него. Вместо реализации цели политического проекта осуществляются цели самосохранения власти и воспроизводства ее средств при сохранении внешних признаков целесообразного и целенаправленного политического процесса.

Разработка политического проекта

Серьезные затруднения вызывает наличие большого количества различных явлений (из-за масштабности задачи), возникающих в ходе осуществления политического проекта разными его участниками или его антагонистами. Соответственно значительно возрастает количество и сложность задач, шагов и процедур расчета проекта, а также альтернатив решения этих задач (наборов средств достижения цели) и, следовательно, оценок.

Политическое проектирование осуществляется, как правило, в условиях принципиально неустранимой неполноты и нетождественности информации, относительного знания об объекте и о большой системе, в которую он входит, не говоря уж об очевидной ограниченности представлений о будущих состояниях этого объекта. Неполным, относительным будет также знание систем

отчета при анализе развивающихся систем, разрешающей способности анализа различий между их элементами¹⁹ и т.д.

Проблема неполноты и нетождественности информации в управлении - одна из наиболее известных в политике, хотя она может быть обусловлена потерей информации в пространстве, поскольку с увеличением расстояния между ее источником и приемником полнота и достоверность сведений уменьшаются; во времени - с удалением события во времени информация также становится все менее полной и надежной.

Существуют еще и иные причины: языковые (семантические), порождаемые обилием и разночтениями информационно-лексической лексики, препятствующие обмену информацией между людьми, работающими в разных областях знания; психологические, вызывающие задержку или искажение информации из-за особенностей восприятия, памяти, убеждений передающих и воспринимающих ее людей; резонансные, обусловленные соответствием информации потребностям, отчего она может восприниматься выборочно и односторонне, а также экономические и организационные, связанные с распределением финансовых и материальных средств сбора, организации и передачи информации; технические, связанные с особенностями техники, обеспечивающей эффективность информационных процессов и т.д.

При расчете политического действия или процесса возникает проблема учета зависимых переменных, или, иначе говоря, факторов, которые должны быть учтены при принятии соответствующих решений. Число таких переменных определяется пределами возможности выявить их и, что не менее важно, реагировать на них. Всегда остается некоторое число неизвестных и неучтенных переменных, поэтому возникает вопрос: не оказались ли в их числе существенно важные факторы²⁰? Наконец, число

---

19 Для разработки и анализа политического проекта и выявления в нем возможных утопических тенденций представляют интерес применяемые в прогностике системные дихотомии: деление элементов на подвижные и статичные, необусловленные и обусловленные, независимые и зависимые, внутренние и внешние и т.п., в оценке отношений между которыми возможны теоретические и методологические ошибки. Характерен и показан для политики подход к отношениям между элементами в закрытой системе политического объекта и эндогенными изменениями в ней, между элементами окружения и между окружением и объектом, которые рассматриваются в этом случае как открытые системы.

20 Так случилось, в частности, с концепцией экономической (но на деле редуцированной к финансовой) реформы 1992 г. в России: за пределами расчетов оказались такие факторы, как товарный дефицит, неуправляемое состояние торговли, коррупция чиновничества, менеджмент и изъятия директо-

отобранных для анализа данных может оказаться либо недостаточным, либо чрезмерным, а сами они - неравноценными. Поэтому естественно возникает задача сокращения и отбора наиболее существенных из них, что уже чревато иллюзорной уверенностью в безошибочности этой операции. Один из источников таких иллюзий и их последующего превращения в утопию - редукция переменных к некоторому ограниченному числу факторов, признанных основными, и вычет остальных, которыми, может быть, можно пренебречь²¹.

Политика как прогностический проект вынуждена считаться с вероятностным характером параметров политического процесса. Это особенно относится к ненаблюдаемому событию в будущем, которое расценивается как пространственно-временная область неопределенности, где осуществляется ожидаемое событие и объект приходит в предполагаемое состояние. Эту область составляет широкий спектр факторов: осуществление воли, реализации целенаправленного и т.д. Поэтому политическое проектирование включает в таких случаях прогноз желаемых состояний объекта, эволюцию сложной системы в результате целенаправленной деятельности активной части носителей власти, учет применяемых средств, используемых ресурсов и т.п.

В политическом проекте важную роль играет также учет возможного и вероятного в оценке событий. В таких проектах с точки зрения возможности приходится рассматривать все их элементы и фазы: время событий и этапов процесса, пространство, в котором он осуществляется; состояние изменяющегося объекта, направление его изменения, цель проекта, его предполагаемый или произвольный результат и т.д.

Вероятность, которая характеризует возможность изменения этих параметров, в прогностике оценивается с точки зрения нарастания неопределенности по мере удаления от исходного состояния. В неуправляемых процессах, или, точнее, в процессах, которые политическое руководство не охватывает, такой динамике противопоставить нечего. Цель власти поэтому и состоит в противодействии как раз такому неуправляемому развитию. На деле же приходится признавать неразрешимость тех или иных проблем или их разрешимость лишь на основе некоторого компромисса (так называемые оптимальные или субоптимальные

рата, культура и исторические традиции страны и проч., которые из зависимых (управляемых) переменных стали независимыми и неуправляемыми со всеми вытекающими отсюда хорошо известными последствиями, в том числе и явными утопическими ожиданиями.

21 Что и обнаружилось в только что приведенном примере.

решения чрезвычайно часты и характерны для политики). Отсюда и потенциальные утопические решения проблем, подлинное решение которых не найдено.

Институциональный политический процесс совершается как взаимодействие двух систем - управляющей и управляемой. Однако сложившиеся стихийно механизмы культурной, социальной, профессиональной организации управляемой системы находится, как правило, в неоднозначных, порой противоречивых отношениях с управляющей системой (властью, ее аппаратами и органами и т.д.).

Способность эффективно управлять обеспечивается соответствием системных свойств управления и его объекта. Но управляющая система по своей информационной емкости должна соответствовать многообразию возможных состояний управляемой системы, в которых последние могут оказаться в процессе развития или в результате воздействия на нее внешних факторов. Разнообразие состояний управляемой системы требует соответствующего разнообразия и развитой организации управляющей системы. Если это соответствие нарушено, управление невозможно или малоэффективно, оно испытывает нарастающий недостаток информации. Уменьшается мера его организации. Возрастает возможность утопических решений и результатов политического процесса.

В плане информационной емкости управляющая система всегда беднее управляемой, однако различие это не должно быть ниже определенного предела (предела необходимого разнообразия по Эшби). Разнообразие, а следовательно, и неопределенность поведения управляемого объекта могут быть уменьшены за счет соответствующего увеличения разнообразия, которым располагает субъект управления. Поэтому к свойствам управляющей системы предъявляется ряд требований - более высокая степень упорядоченности и организации, специфическая структура, созданная для выполнения целевых функций системы (включая механизмы прямой и обратной связи с окружением, обмена информацией со средой, регулирования и т.д.), развитое целеполагание, развитая субъективность - моральный, культурный, профессиональный, идейный уровни участников политического процесса и т.д. Если управляемая система по всем этим или некоторым иным характеристикам превосходит управляющую, возникновение утопической ситуации - если истоки ее своевременно не распознаны и не устранены - неизбежно. Тогда управляющие действия власти не окажут регулирующего влияния на управляемые объекты политики, возможность управления будет иллю-

зией, политические цели власти на деле окажутся неосуществимыми. Так экономическое планирование в период застоя перестало охватывать систему общественного производства и распределения, несмотря на расширение и совершенствование аппарата и методов планирования. Развилась поэтому сфера второй или параллельной ("теневой") экономики, существующей по своим законам - частного предпринимательства, подпольной экономической деятельности и т.п.

Если же несоответствие систем своевременно обнаружено, их взаимодействие реорганизуется: устраняются утопические тенденции политического проекта, дефекты управления, повышается его качество, либо изменяется сам проект. Происходит перестройка отношений власти и управления.

Возможна и иная реорганизация, когда производится изменение не управляющей системы, а управляемой с целью понизить ее уровень упорядоченности и самоуправления. Но этот путь ведет либо к самообману и наиболее примитивной утопии принуждения, иллюзии управления, либо к социальной дезорганизации. Примером такого рода могут служить политические стратегии деспотических, террористических режимов, замещающие управление насилием и диктатом. Реакция управляемой части общества в таком случае сводится к безоговорочному повиновению. Не случайно личная диктатура как тип власти оказалась возможной лишь в упрощенных политических системах, исключающих самоуправление (национал-социализм, террористические режимы в некоторых слаборазвитых странах таких, как Сальвадор, Гаити и т.п.).

Мифологический компонент утопии

Утопия генетически и функционально связана с политической мифологией, которая так же многолика, всепроникающая, навязчива и многозначна, как и утопия. Будучи эмоционально окрашенным, чувственным представлением о действительности, миф замещает подлинный причинно-следственный содержательный анализ подобием ее объяснения или оправдания. Он отождествляет вещь и ее образ, созданный коллективным воображением или навязанный ему. Миф подменяет объективное субъективным, внутреннее, содержательное - внешним, существенное - его подобием. В отличие от мифа архаического, религиозного мифа преданий, современный миф актуален и конкретен, особенно политический, хотя в нем могут быть отражены вековеч-

ные надежды и верования. Он может быть соотнесен с современностью, с действительностью. Политический миф соотносится, в частности, с конкретными политическими явлениями и персонажами. Он характерен для своего времени и для своего места и обычно исчезает ("развевается") со временем и в связи с изменением породивших его обстоятельств, как, например, уже забытый "миф о непобедимости германской армии". Поскольку миф - порождение и достояние коллективного сознания, он формирует определенное мироощущение, психологические и идеологические установки, обладающие стойкостью предрассудка.

Миф устанавливает вымышленные причинные связи между реальными объектами, порождает ложные объекты, соединяет действительность и вымысел, вносит вымышленные отношения в ткань подлинных отношений или вытесняет их, ибо относительность знания, его неполнота неизбежно оставляет место вымыслу, ложной идеализации, различного рода подменам действительности. Миф, по сути дела, заполняет вакуум реального знания, это его исходное назначение. Его столкновение с действительностью может быть неявным, скрытым в нормальном процессе познания и в подлинной деятельности. Тогда и возникает утопия.

Миф - это идеология утопии, материал, из которого она создается, как, например, миф о всеилии приказа. Приказ и в самом деле обладает притягательной и пугающей силой, он по-своему эмоционален, порождает противоречивые чувства и побуждения - исполнять или не исполнять его. Он ставит человека или коллектив перед проблемами свободы выбора или их отсутствия, он способен вызывать оценки, мнения, разнообразные состояния сознания - доверия и сомнения, согласия и несогласия, реального действия и его имитации. Мифология приказа, распоряжения, постановления порождает иллюзию подлинного решения какой-либо проблемы, к которому только следует приступить - это наполнение утопии ложной эффективностью бюрократического правления.

Миф - это еще не утопия, это предрасположение к ней. Миф облегчает ее появление, он стимулирует утопическое сознание. Различие между подлинным и неподлинным - уязвимая зона для теоретического и обыденного сознания. И так как политика состоит кроме прочего в определении границ возможного, в достижении этих границ, то она постоянно входит в зону, где может возникнуть миф относительно возможности либо невозможности соответствующего политического процесса или действия. Для

политики поэтому всегда актуальна проблема границ между мифом и реальностью. Для нее существует также проблема тенденций. Движение от тенденций к закономерностям и к их познанию проходит через зону, где может возникнуть миф о ключевом, решающем условии реализации политических целей. Миф - это посредник между подлинным знанием и нераспознанным заблуждением. Так, решение современных мировых проблем силой оружия - несомненная утопия, но питается она мифами о спасении от последствий глобального термоядерного конфликта, о возможности изобрести какое-либо новое непобедимое средство нападения или неуязвимую защиту от него.

Научное знание и миф составляют наследуемый и передаваемый общественный опыт, хранящийся в социальной памяти как факт культуры. В общественном сознании они противостоят друг другу, хотя миф сохраняется как своего рода сопутствующее научному знанию явление. Это две противоположности, которые переходят друг в друга. Относительность научного знания облегчает эти переходы. Взаимодействие же мифа и утопии делает такие переходы особенно глубокими, ведущими к ограничению и вытеснению понятийного мышления и научного познания. На мифологической основе утопия закрепляется и становится менее уязвимой для критики. Чтобы преодолеть утопию или даже подойти к ее критике, нужно сначала разрушить миф. На базе одного мифа может возникнуть не одна утопическая теория или идея.

Все сказанное отнюдь не означает, что политический процесс никогда не ведет к желаемым результатам и что политика вообще фатально обречена на утопию. Выше уже не раз подчеркивалось решающее условие ее появления в политической действительности: неразгаданность ее, непознанные истоки утопического, незамеченные и неисправленные промахи в политике. Своевременно распознанный и исправленный промах не порождает сам по себе утопических тенденций в политике. Гарантии успеха в сфере политики - знания и трезвый политический реализм, умение политика критически относиться к себе и своим действиям, вовремя останавливаться и изменять курс.

4. Политический человек как главный инструмент реализации власти

Феномен "политического человека", заключает в себе немало интригующего. С одной стороны, популярность и престижность

профессии политика вызывает завистливые взгляды обычных людей, а с другой - в их адрес часто можно услышать самые не лестные определения, и они чаще, чем кто бы то ни было, имеют "плохую прессу". Именно к ним относятся словосочетания "парламентская марионетка", "флюгер", "политикан", "болтуны", "коррумпированные, продажные личности" и т.п., которые создают достаточно неблагоприятный портрет политического человека в глазах публики. Именно политики являются главными носителями реформаторских инновационных движений в обществе, которые, в конечном счете, задевают интересы всех граждан без исключения.

Среднестатистический облик политика, однако, не существует сам по себе, он является, в сущности, производным от того представления о самой политике, которое вытекает среди избирателей в конкретное время и в конкретной стране.

Типичное описание французского политического деятеля середины XX века выглядит примерно следующим образом: "У политического человека мсье X было трудное или не совсем нормальное детство. Ему очень не хватало родительской ласки (или, напротив, его слишком баловали). Он был сиротой (или находился под давлением сурового отца). Повзрослев же, он попытался компенсировать свой детский невроз стремлением к власти. На стезе политики ему пришлось пройти обязательный для каждого государственного деятеля маршрут: он должен был противостоять давлению с разных сторон, идти на компромиссы, делать то, чего требовала ситуация, а вовсе не то, что он считал действительно справедливым. Успешно миновав все карьерные ловушки и добравшись до вершин власти, он, наконец, почувствовал, что может начать пожирать долгожданные плоды и "пользоваться властью"... Однако жестокость конкуренции сделала свое дело, и конец его жизни прошел в беспрестанном отстаивании своей позиции и своего положения от тех, кто, как и он сам когда-то, стремился теперь сделать карьеру политика и потому изыскивал все возможные способы, чтобы сместить его с занимаемой должности"²².

"Компенсационный" вариант описания политической личности, объясняющий сущность лидера, исходя из детских неврозов и психических отклонений, контрастирует со строго официальными - социально зримыми, "карьерными" характеристиками, которые до недавнего времени были распространены в социали-

---

²² Parodi J.L., Ismal C. L'Homme politique // La Science politique. P., 1971. P. 180-181.

стических странах. Типичным для них был упор на рабоче-крестьянское происхождение кандидата, его заводское прошлое, ступени комсомольской и партийной карьеры, которые в конечном счете приводили к включению его в ряды высшей руководящей прослойки общества - "номенклатуры".

Подобные обобщающие "портреты", однако, не дают возможности выявить подлинные мотивы действий людей политики, которые в противоположность большинству других граждан активно жаждут этой карьеры. Возникает вопрос: существует ли некий особый тип политического человека, который выделяет его среди своих сограждан? И если существует, то в чем его отличительная особенность, его сущность?

Впервые характеристики человека как политического субъекта мы встречаем в греческой философии, и, в частности, у Аристотеля. Широко известно его утверждение о том, что человек по природе своей есть существо политическое²³.

Большой вклад в понимание сущности политического человека внес Н.Макиавелли - один из общепризнанных отцов-основателей современной политики, признававший право на существование только за одной-единственной реальностью - политикой, государством, властью. Единственная проблема, которая волновала его больше всего, - это проблема утверждения и сохранения власти. Отсюда вытекала и концепция политического человека. Акцент с заботы об общем благе, понимаемом в смысле стремления к добродетельной жизни, был перенесен на желание политического человека упрочить свою власть и свое пребывание у власти. Цели, преследуемые им, превратились в узкополитические в современном понимании.

Макиавелли рассматривал человека как существо изначально эгоистическое, лишенное каких бы то ни было высоких предначертаний, а мораль и религию считал всего лишь социальными факторами, из которых нужно уметь извлекать пользу при управлении людьми. Получил распространение лозунг о том, что все хорошо, что ведет к достижению этих целей. Появилась известная формула макиавеллистского имморализма: цели оправдывают средства.

Макиавеллистский взгляд на политику и место человека в обществе внес одно очень важное для понимания политического человека новшество: индивид стал рассматриваться как существо, которое по своей природе не создано для политической добродетели (преданности "общественному благу"). Поскольку человек

---

²³ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 378.

изначально эгоистичен, то необходимы усилия, а главное - особые люди, которые смогут, умело используя социальные средства, трансформировать эгоистов в людей, работающих во славу процветания родины. Тем самым Макиавелли предвосхитил и заложил основу выделения из социума человека политики, политического человека как лидера и реформатора, стоящего *над* остальным обществом.

На место homo politicus древних, тождественного всякому человеку, политическому по самой своей человеческой природе, пришел государственный деятель, "политический человек" в современном его понимании - человек, профессионально причастный к государственным делам, к управлению обществом в целом.

Поскольку, однако, те, кто правит в обществе, сами принадлежат к человеческому роду, и, следовательно, так же как и обычные граждане являются по природе эгоистичными и злыми, то должна существовать некая особая страсть, заставляющая этих людей действовать во имя общего блага. Такой страстью Макиавелли объявил желание славы - того, что позднее трансформировалось в волю, в стремление к власти как отличительных черт политического деятеля ("сверхчеловека" по отношению к обычным людям, не зараженным ею). Именно власть и стремление к власти стали впоследствии рассматриваться как главные специфические признаки собственно "политического человека". Политический человек и власть оказались нераздельными, все мотивы и действия политика изначально стали определяться в терминах власти.

Макиавелли, таким образом, совершил одновременно два действия: с одной стороны, он понизил роль человека и политики, а с другой - повысил ценность политики, освободив ее от подчинения религиозной сверхзадаче и тем самым придав ей самостоятельность. Место античной сверхчувственно понятой добродетели заняла реалистическая политическая добродетель.

Позднее уже марксистская идея "революций" и особых политических людей - революционеров - закрепила разделение на мир "сведущих политиков" (носителей совершенного знания о том, куда движется общество, по каким законам оно развивается, что следует делать для того, чтобы построить "светлое будущее свободы и братства") и на мир людей общества ("гражданского общества"), которые должны и могут быть переделаны в "новых" людей - людей нового мира: свободы, равенства и братства. Революционеры - политические лидеры нового типа - получили статус авангарда человечества, статус просвещенных людей, которые ускоряют прогресс человечества и обладают свободой в вы-

боре средств в борьбе с теми, кто находится во власти предрас-судков и обскурантизма. При этом идея официальной сферы политического - "государства" - фактически ликвидировала поле свободы гражданского общества. Произошло то, что впоследствии было определено как поглощение государством гражданского общества.

Марксистская идея, закрепив разделение людей на ведущих и ведомых, полагала это разделение временным, и подразумевала, что по прошествии некоторого времени должно наступить полное отмирание государства. Марксисты предсказывали наступление эпохи, когда все принудительно властные институты общества станут ненужными в силу возникновения сообщества совершенных людей. Таким образом, в конечном счете предусматривалось придание всем людям одинакового статуса, что в определенном смысле аналогично классическому античному видению в каждом гражданине, принадлежащем к городу, политического человека.

Марксистская концепция политического человека и его будущего, ставя во главу угла равенство всех людей, замыкала круг, возвращая нас к естественному человеку-гражданину античного полиса. Однако в теории Маркса все это происходило в утопической перспективе. Реальностью же стала фактическая сокрытость истинной природы и мотиваций целей, преследуемых политическими государственными деятелями.

Этому в истории политической мысли противостоял радикально иной подход к осмыслению природы политического человека, в котором главную свою задачу теоретики видели в раскрытии бессознательных механизмов, движущих человеком в общественной жизни и политическим человеком в политике.

В 20-х - начале 30-х годов на Западе получила широкое распространение и стала выступать в качестве ведущей теоретической модели и методологии анализа личности и общества философия фрейдизма.

В западной политической философии считается общепризнанным, что одной из поворотных работ в исследовании политического человека явилась работа З.Фрейда "Леонардо да Винчи"²⁴. Этотopus был первым опытом изучения биографии великого человека, выходящим за рамки традиционного подхода, в котором странности характера и поведения рассматривались как естественные, имманентно присущие гению атрибуты, выделяющие его из среды обычных людей.

---

²⁴ Фрейд З. Леонардо да Винчи. М., 1912.

Несмотря на многочисленные недостатки психоаналитического метода изучения политической действительности, которые были позднее вскрыты в постфрейдистских исследованиях, нельзя не отметить, что анализ жизни и деятельности Леонардо, данный Фрейдом, представил прекрасный пример возможности целостного, комплексного объяснения поведения индивида - на первый взгляд, полного противоречий, парадоксов и несовместимостей. Психоаналитическое искусство Фрейда послужило мощным импульсом для дальнейших глубинных исследований природы и сущности великих людей, которые не могли не коснуться также и выдающихся политических деятелей.

Сама природа политики, в которой тесно перешатаются притягательность и отталкивание, заставляет говорить о тайне, сокрытой в ней и в главном ее представителе - политическом человеке, искать разгадки его "особой" природы и сущности. И в этом отношении мифотворческая основа психоаналитического искусства З.Фрейда оказала политической науке неоценимую услугу.

Однако по-настоящему революционной для развития исследований о политическом человеке явилась работа З.Фрейда, написанная в соавторстве с У.Булитом и посвященная анализу личности американского президента Вудро Вильсона. Эта книга стала одним из фундаментальных трудов по психоанализу, который вошел во все учебные циклы по подготовке специалистов в области психологии и политологии в США и во Франции.

Основываясь на главных постулатах своей теории, Фрейд пришел к заключению, что Вильсон относился к разряду религиозных фанатиков. Анализируя природу его фанатизма, коренящегося в его инфантильных отношениях с отцом, младшим братом, матерью и сестрами, перенесенных впоследствии на общественную и политическую деятельность, австрийский психиатр стремился показать, какой вред обществу благу могут нанести действия отчужденной от мира реальности личности. Фанатическая религиозность Вильсона, считал он, была необходимым компенсаторным механизмом его внутренней патологии.

Исследования Фрейда положили начало огромному потоку литературы, в котором возобладала тенденция рассматривать "сильных мира сего" как разного рода невротиков, действия которых на политической сцене обусловлены тем или иным видом психического расстройства их личности. "На протяжении человеческой истории много невротиков внезапно приходило к власти, - писал он. - Часто в жизни гребутся в большей степени те качества, которыми обладает невротик, нежели те, которыми обла-

дают здоровые люди. Поэтому с точки зрения достижения "успеха в жизни" психическое расстройство в действительности может быть преимуществом. Более того, невротический характер Вильсона очень хорошо удовлетворял требованиям его времени - Америка, а затем и весь мир пужались в пророке"²⁵.

Исследование Фрейда позволило по-новому взглянуть на ту огромную реальную роль, которую играет личность политического человека в истории человечества и в судьбах мира.

Именно психоаналитическому направлению в исследовании биографий великих политиков обязано выделение современными исследователями таких генерализованных черт "политического человека", как вкус к власти, связанный с ее мистическими и сакральными качествами; любовь к риску; любовь к игре и близкие к этим чувствам - вкус к схватке, стычке, дискуссии, спору²⁶.

Эти характеристики перекликаются с постулатом Фрейда о перенесении на профессиональную деятельность либидональных черт наслаждения и страха.

Чрезмерное увлечение психоанализом привело, однако, к слишком прямолинейным и грубым толкованиям поведения и действий политиков. Основное внимание в них уделялось психопатологическим сексуально-невротическим особенностям выдающихся личностей, которые выступали в качестве главной детерминанты их исторической неординарности и того особого отпечатка, который они накладывали на исторические события. Классический фрейдовский анализ либо приводил к констатации непреодолимости разрыва между личностью (характер которой - в том числе и социальный характер - был полностью обусловлен конфликтами детства и расстановкой фигур в треугольнике отец-мать-ребенок) и обществом; либо к констатации патологического влияния невротической выдающейся личности на ход общественного развития и на интерпретацию смысла политических действий. Главный недостаток всех классических психоаналитических интерпретаций - тенденция превращать конкретную политическую фигуру в конгломерат "комплексов" и "структур". Однако "универсальность" этих комплексов никак не объясняет своеобразия конкретных социальных действий.

В силу этих обстоятельств ортодоксально-фрейдистские исследования психобиографий, получившие широкое распростра-

---

25 Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. М., 1992. С. 134.

26 См.: Grawitz M., Leca J. L'Homme politique // Traité de science politique. P., 1985. T. 3. P. 43-139.

нение на Западе в 20-х годах, часто получали клеймо "псевдопсихоанализа"²⁷.

Отличительной чертой всех постфрейдистских исследований, несмотря на принятие ими базовых понятий психоанализа, является их радикальная переориентация в сторону социокультурного анализа действий личности, преодоление пансексуализма, биологического детерминизма и постулата неразрешимой заданной конфликтности отношений индивида и общества, характерных для классического психоанализа.

Несмотря на теоретические и методологические различия, все представители постфрейдизма сходятся в одном - в необходимости учета "исторического момента" для разрешения как внутриличностных конфликтов, так и конфликтов личности со средой.

Возникает закономерное сомнение в том, что проблема мегаломании политиков (комплекс мании величия, свойственный политикам) может быть разрешена только через анализ фрустрированного подсознания индивидов, совершенно оставляя в стороне изучение открытого еще Ш.Монтескье знаменитого политического вируса - вируса власти.

Французский философ обнаружил тот факт, что всякий человек, обладающий властью, склонен ею злоупотреблять. Однако масштабы распространения этого вируса находятся в зависимости от множества объективных условий, таких как полнота власти, эффективность ее институциональных сдержек и противовесов, особенность исторической ситуации - наличие кризиса, войны и, наконец, просто от склонности основной массы избирателей к сопротивлению власти, ограничению сферы ее влияния, от глубины принудительного воздействия лидера на массы и т.д.

Новый импульс исследованиям политической личности дало учение Макса Вебера о трех типах власти, среди которых он выделял традиционную, легальную и харизматическую. Именно исследование харизматического лидерства как особого типа "кризисного лидерства" оказалось наиболее продуктивным для последующего изучения *homo politicus*.

Согласно Веберу, под "харизмой" понимается необычное качество личности, которая, так сказать, обладает некоторыми сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, выходящими за рамки повседневности силами и чертами характера, несвойственными простым смертным; в таком человеке ви-

---

²⁷ См., например: *Langer W. The Next Assignment // Psychoanalysis and History. Englewood Cliffs. 1963. P. 92.*

дят посланника бога, или пример для подражания, а следовательно, относятся к нему как к "начальнику" (фюреру)²⁸.

Впоследствии этот термин приобрел более широкое значение, чем то, которое придавал ему автор. Во всяком случае, у Вебера понятие харизмы было морально нейтральным и не содержало никаких элементов оценочного характера. Харизматический лидер понимался у него вовсе не как "святой" или как предмет всеобщего обожания. Это был всего лишь человек, который мог вызвать энтузиазм в народных массах. При этом сам он мог оставаться существом "материально" незаинтересованным, приверженным идее.

Несмотря на позднейшие вариации в трактовке харизматического лидера, это понятие признается важным для политико-философского анализа, поскольку оно помогает более полно осмыслить и определить такую форму власти, в которой большую роль играет аффективный момент. Понятие харизмы, другими словами, способствует более глубокому проникновению в сущность персоналистской стороны власти, а значит, помогает открыть некоторые новые черты политического лидера.

Понятие харизмы у Вебера - это понятие главным образом социологическое, предполагающее скорее раскрытие механизмов формирования отношения народных масс к такому лидеру, нежели исследование харизматических свойств, исходя из самого характера политического деятеля.

Собственно, Вебера не слишком занимали вопросы, касающиеся "персонализации" власти. Его не интересовало, как, при каких обстоятельствах лидеры приходят к власти, и почему они уходят, насколько заметен тот след, который они оставляют в политической жизни, и т.п. личностные характеристики. Иначе говоря, исследование Вебера - это исследование "среды вокруг лидера"²⁹.

Объективистская перспектива исследования харизмы и отношения харизматического героя и народных масс получила дальнейшее развитие в XX веке в работах Р.Тёкера, Д.Каца, Р.Хаммеля и других³⁰. В трудах этих авторов ставятся такие интересные задачи, как поиск признаков "прехаризматического" со-

---

28 *Weber M. Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1947. P. 358.*

29 *Blondel J. Political leadership. L., 1987. P. 57.*

30 *Tucher R.G. The Dictator and Totalitarianism // World Politics. 1965. Vol. 17. No 4. P. 555-583; Katz D. Patterns of Leadership // Knutson J.N. Handbook of Political Psychology. San Francisco. 1973. P. 203-233.; Hummel R. A case for a Biosocial Model of Charisma // 8-th Congress of the International Political Science. Munich, 1970.*

стояния общества. Возникают вопросы о том, какой должна быть степень дисфункциональности социальной системы, чтобы она вступила в "прехаризматическую" стадию развития. Насколько всеобщими и обязательными являются случаи появления на политической сцене харизматического лидера после затяжного и масштабного общественного кризиса?

Современные исследования в этой области показывают, что харизматические лидеры всегда выступают в качестве "спасителей" и символизируют чаяния народа. Личность и программа такого лидера всегда соответствуют тому, чего от него ждет народ, и ожидания эти выступают более в психологической форме, нежели рациональной. Таков был Гитлер, фигура которого явилась ответом на две самые болезненные точки в жизни немецкого народа - безработицу и унижение, которые постигли Германию после поражения в войне. Схожей была роль де Голля, который также как Гитлер немцам вернул французам чувство уверенности в себе в 1944 году. Независимо от качеств лидера и конкретных ситуаций, во всех исследованиях такого рода подчеркивается один главный момент - наличие чувства фрустрации у народа. При этом отмечается, что харизматическое отношение к действительности в конечном счете является ответом на социальную дезорганизацию мира, когда уровень изменения социальной среды начинает превосходить возможности адаптации к ней людских масс.

Новый поворот в исследовании личности политического человека дали работы Гарольда Лассуэлла, которого американская политология считает одним из классиков современной теории политики. Его труды в наибольшей степени способствовали выявлению существования политического человека как особого и основополагающего политического факта.

Подход Лассуэлла к анализу личности, ее сущности и мотиваций участия в политической деятельности, разработанный в 30-40-е годы XX столетия, был определен как "реалистический", а точнее - бихевиорально-функционалистский.

Лассуэлл резюмирует свою теорию политического человека в следующую формулу: $p/d/r = P$. Это означает, что личные и, главным образом, примитивные устремления индивида, набор которых весьма ограничен, и в структуре которых сознательные и бессознательные мотивы неразрывно переплетаются, (p) переносятся на общественно значимые объекты (d) и рационализируются в терминах общего интереса (r), чтобы в конечном счете

получился политический человек (Р)³¹. Другими словами, американский исследователь констатирует тот факт, что политический человек оправдывает свои амбиции и свое стремление к власти, идентифицируя себя с благородной причиной, например, величием страны или триумфом партии.

По сравнению с господствовавшими до начала XX века принципами традиционного политологического анализа, акцентированными значимость социальных институтов как детерминант поведения отдельных людей и социальных групп, заслугой бихевиоралистов, в том числе Лассуэлла, была концентрация внимания на сфере поведения индивидов как точки отсчета в образовании социальных структур и межличностных взаимодействий.

Чрезмерная сосредоточенность на психоаналитических постулатах анализа приводила к тому, что политический человек все же продолжал отождествляться с невротической личностью. Это делало невозможным объяснение природы и поведения всех политиков на всех уровнях. К тому же психологические исследования политиков, проведенные в странах Запада в 50-х годах подтвердили гипотезу об их психологической уравновешенности. При этом оказалось, что они не только в той же степени стабильны в психическом отношении, как и их сограждане, но часто даже оказываются намного более устойчивыми, чем средний член общества³².

Однако надо признать, что биографии многих политических государственных деятелей подтверждают представление о том, что власть и стремление к ней часто выступают в качестве компенсации чувства фрустрации у индивида. Последняя может иметь различную природу, будь то болезнь, препятствия физического или духовного плана, однако все они способствуют развитию волевого характера личности и тех черт, которые совершенно необходимы для достижения власти. Изучение многочисленных биографий государственных деятелей позволило М.Гравицу и Ж.Лека утверждать в "Трактате о политической науке", что высших ступеней власти достигают люди, одаренные выдающимися качествами, сильными побудительными стимулами и потребностями, а также сложными чертами личности.

Несомненной заслугой Лассуэлла является то, что несмотря на наследие фрейдизма, ему удалось отойти от притягательности абстрактной схематизации, которой грешит классический психо-

³¹ *Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. N.Y., 1960. P. 75-76.*

³² *Grawitz M., Leca J. L'Homme politique // Traité de science politique. P., 1985. T. 3. P. 39-41.*

анализ, и продвинулся на пути выявления так называемой "базовой личности". Тем самым он вплотную подошел к постановке проблемы о природе политического человека. По Лассуэлю, для "политической личности" характерно влечение к власти как к первичной ценности, а также стремление ввести санкции или повлиять на других, испытывая страх от своей собственной пассивности и от возможности самой оказаться в положении подчиненности и зависимости.

Так, ощущение малозначительности своей личности человек политики преодолевает, создавая впечатление своей уникальности. Стремясь опровергнуть обвинения в аморальности своего поведения, он нередко прокламирует высшую добродетель как основание и цель своих действий. Чувство обладания высшей силой, которое возникает как следствие пребывания у власти, часто компенсирует ощущение личной слабости, присутствие некоторым людям, стремящимся достичь должностных высот. Жажда власти помогает иным политикам избавиться от чувства собственной посредственности, особенно в тех случаях, когда они доказывают себе и другим свою политическую дееспособность, проявляя чудеса изворотливости и ловкости в политических интригах. Наконец, случается, что политическая деятельность позволяет такому человеку изжить чувство интеллектуальной неполноценности, создавая видимость интеллектуального превосходства над своими подчиненными и окружением.

Лассуэль различал "политическую личность" вообще, под которой он подразумевал любого индивида, включенного в политический процесс, т.е. другими словами, "человека массы", и "политический тип", который представлял у него как особая совокупность личностных характеристик индивида с ярко выраженным стремлением к политической активности, и главным образом, к обладанию властью. "Политический тип" личности, таким образом, выступал как концентрированное выражение существенных особенностей "политического человека" вообще. Политический лидер являлся как бы квинтэссенцией "политического человека" и главной движущей силой политического процесса.

Помимо власти как главной инструментальной ценности Лассуэль предлагал в качестве сопутствующих характеристик "политического типа" ценности "уважения", "привязанности", "нравственности", "достатка", "профессионализма", "просвещенности". По мнению американского ученого, стремление к их достижению лежит в основе всех возможных форм социального и политического поведения.

Лассуэлл предлагал также типологизацию лидерства, опираясь на разнообразие форм, в которых протекает политическая деятельность. Он разделял общественных деятелей на "агитаторов" и "администраторов". Для агитаторов характерен перенос личных мотивов на предельно отдаленные объекты, принятие ограниченного числа принципов и стремление обратить окружающих в свою веру. "Администраторам" свойствен перенос личных мотивов на объекты непосредственного окружения - коллектив или группу³³.

Зная причины политической активности обычного человека, политическому лидеру легко удастся манипулировать психикой и поведением масс, считал американский исследователь. Выдвигая проект оздоровления общества - "социальной или политической психиатрии", Лассуэлл на протяжении многих лет вплоть до конца 60-х годов основные надежды возлагал на "воспитание гражданственности" мерами массовой пропаганды, предлагая фактически один из способов развития массового "политического человека". Одним из главных средств достижения этой цели он считал манипулирование психикой и апелляцию к бессознательному.

Преувеличенное внимание Лассуэлла к "компенсационной" трактовке сущности политического человека оставило в тени ситуацию, в которой действует индивид, - ту объективную основу, социально-политическую среду, которая неотделима от властных влечений политических людей.

Этот пробел в изучении homo politicus заполнил американский психоаналитик Эрик Эриксон, открывший в мировой науке эру "психоисторических" исследований и разработавший психоисторическую методологию социального познания. Суть социального действия выдающейся личности по Эриксону состоит в том, что она умеет удачно разрешить свои личные конфликты через одновременное разрешение культурно-исторических коллизий эпохи. Мировоззренческие поиски творческой личности наиболее адекватно включаются в новую идеологическую парадигму эпохи, выразителем которой эта личность становится в глазах своих сограждан.

В отличие от классического фрейдизма, который интересовался бессознательными аспектами психики гения, психоисторию занимает вопрос о причинах исторического успеха или, напротив, провала новой политической идеологии, выдвигаемой лидером в "переломные эпохи" истории и соответственно успеш-

---

33 *Lasswell H.D. Power and Personality. P. 78-152.*

ности или провала возглавляемого им движения масс. В противоположность тезису психоанализа об антагонизме личности и общества Эриксон подчеркивал биосоциальную природу и адаптивный характер поведения индивида, центральным интегративным качеством которого выступает психосоциальная идентичность.

"Идентичность" представляет собой постоянное стремление индивида к сохранению психологической самотождественности "я", которая тем не менее не есть некое замкнутое, оторванное от реальности и застывшее состояние, а является одновременно процессом самокоррекции личности в зависимости от изменений социокультурных условий.

Конкретизируя это понятие, американский психоаналитик определяет его как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному этой эпохе. Историческая идентичность личности предполагает, таким образом, гармонию присущих ей идей, образов и поступков с доминирующим в данную эпоху социально-психологическим образом человека, принятие им социального бытия как своего³⁴.

В переломные моменты истории, когда на смену одному миропорядку приходит другой с новыми общезначимыми ценностями и социальными установками, в состоянии кризиса оказываются не только отдельные личности, но и целые сообщества. В такие эпохи "кризиса коллективной идентичности" большая часть сообщества испытывает бессознательное ощущение "сжатия" привычного "образа мира", смутное предчувствие грядущих перемен в умонастроениях и социальных представлениях. В эти периоды особая роль принадлежит выдающимся историческим личностям, которые благодаря обостренной чувствительности и абсорбирующей способности становятся выразителями общих проблем. Идеи таких лидеров предстают либо в провидческой форме новых религиозных или светских учений, либо в виде политических программ и воспринимаются людьми как спасительные рецепты.

В периоды коллективных кризисов особую опасность представляет формирование и укрепление "негативной идентичности" отдельных индивидов и целых групп и слоев общества, представляющей собой совокупность тех идентификаций, которые индивиды вынуждены подавлять в себе, поскольку они являются нежелательными с точки зрения группы или общества. В случае за-

---

³⁴ Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964. P. 203-204.

тяжных кризисов индивиды могут отчаяться найти возможность преобразовать элементы отрицательной идентичности в позитивную. И тогда подавленная отрицательная энергия находит выход в поддержке народом психопатических лидеров, социальным основанием существования которых является именно негативная идентичность. Острый затянувшийся кризис идентичности свидетельствует не столько о психическом отклонении в развитии личности, сколько о социальном "нездоровье", о патогенном характере групповой идентичности. "Мы не можем разделить кризис идентичности в индивидуальной жизни и современный ему кризис в историческом развитии, так как оба они определяют друг друга и связаны друг с другом, что может быть сформулировано в терминах "психосоциальной соотносительности", - отмечает Эриксон³⁵.

Смысл психоисторической деятельности харизматического лидера по Эриксону состоит в том, что творческая личность не может найти точки соприкосновения между духовными потенциями своей незаурядной натуры и кризисной социально-психологической реальностью. Поэтому разрешить свои собственные глубоко личностные проблемы харизматический герой может не иначе, как изменив социальную идентичность своих современников. Решение, которое он находит для себя, становится прототипом преодоления исторического кризиса идентичности, рождением нового общественного мировоззрения.

Так в "Правде Ганди" Эриксон стремится показать, что метод сатьяграхи не только хорошо вписывался в современную Ганди общественно-психологическую атмосферу Индии и ее культурно-философскую традицию, но и отражал амбивалентные чувства "эдиновой стадии" будущего Махатмы. Из "эдиновых переживаний" юного Ганди, в душе которого боролись сострадание к больному отцу и желание занять его место, и родился, по мысли американского ученого, "тот образец, который затем был положен в основу такого стиля лидерства, когда победить вышестоящего противника можно лишь не применяя насилия и выражая намерение спасти как его, так и тех, кого он притесняет"³⁶.

Заслуга трудов Эриксона состоит прежде всего в том, что он положил конец фрейдистской трактовке истории как "гигантской психиатрической лечебницы". История жизни выдающейся личности, замечает Эриксон, не должна превращаться в историю его болезни; психоисторик обязан учитывать не только бессозна-

---

35 *Erikson E. Identity. Youth and Crisis. P. 23.*

36 *Ibid. P. 129.*

тельную логику жизненного цикла героя, но и объективную логику "исторического момента", которая влетает в жизнь каждого человека"³⁷.

Следующий этап в развитии концепции политического человека связан с именем американского ученого профессора политических наук Йельского университета в США, Р.Даля. Оценивая общий вклад Даля в эту проблему, можно сказать, что в определенном отношении американский ученый завершает и фиксирует процесс отделения области политического от социального. В своей книге "Кто правит?" Даль исследует политическую жизнь в небольшом городе Нью-Хавене, штат Коннектикут (который сам автор расценивает как хороший прототип других американских городов), на основании тщательных социологических опросов³⁸.

Одним из важнейших результатов его работы является то, что он приходит к выводу о разделении людей на два "рода" - род *homo politicus* и род *homo civicus*.

Отличительная особенность *homo civicus* состоит в том, что политические игры никогда не составляют значительной части его мыслей и времени. Политическая игра оказывается для него не только менее привлекательной, чем многие другие виды деятельности, но и наименее рентабельной по сравнению, например, с непосредственным зарабатыванием денег, страховкой, участием в каком-либо клубе и т.д.

О рождении из "аполитичной глины", каковой является *homo civicus*, нового члена из рода *homo politicus* можно говорить тогда, считает американский ученый, когда главные цели, к которым стремится гражданский человек, оказываются связанными в значительной степени с политическим действием.

Даль вводит понятие "политического предпринимателя" как особой разновидности политического человека, и "политического капитала" как одного из главных его ресурсов.

Политические ресурсы, считает он, можно накапливать подобно тому, как происходит обычное накопление капитала, начиная с малого, через постепенное его инвестирование в выгодные прибыльные дела таким образом, что в конечном счете такой политический предприниматель оказывается обладателем обширной политической холдинговой компании или политической империи.

Даль выделяет также особое понятие "профессионалов" от политики, которые используют свои ресурсы несоизмеримо чаще

---

37 Erikson E. *Insight and Responsibility*. N.Y., 1964. P. 207.

38 Dahl R. *Oui gouverne?* P., 1971.

и эффективнее, чем обычные люди. В противоположность "гражданскому человеку" профессионал видит в политике главный стержень своих интересов и всю свою жизнь организует вокруг нее. Он обычно приобретает такую профессию, которая оставляет ему больше свободного времени для занятия политикой. Коммерсант или промышленник не могут сочетать свои занятия с политической деятельностью, тогда как для юриста или людей общественных специальностей это вполне приемлемо.

Для профессионала политика является его призванием, неким "императивным призывом". Он является политиком все свое время, точно так же, как артист остается артистом даже тогда, когда он просто идет по улице, и точно так же, как ученый, сознательно или нет, разумом постоянно пребывает в своей научной лаборатории, даже возвращаясь вечером к себе домой или находясь за рулем автомашины³⁹.

Касаясь элитистских концепций, Даль считает, что они оставляют слишком мало места политическому человеку. "Он рассматривается в этом случае всего лишь как простой агент воли большинства политических партий, групп интересов или элиты. У него как бы нет собственного влияния. Однако более ранние интерпретации, которые восходят к "Государю" Макиавелли, напротив, делают акцент на огромном политическом потенциале политического лидера, одновременно хитрого, ловкого и властного. Согласно этой интерпретации партии, группы интереса, элиты и даже целые политические системы до определенного момента остаются неподвижными и безжизненными. Лидер же, который умеет хорошо маневрировать в такой системе, является не столько агентом других, сколько другие являются его агентами. Возможно не во всех политических системах найдется активный и талантливый политический лидер, но как только он появляется его присутствие становится сразу же очень заметным"⁴⁰, - пишет американский политолог.

Некоторые современные исследователи полагают, что можно различать политиков по принципам "наследования" ими политических пристрастий. Так Ж.Пароди и К.Исмаль выделяют три типа такого "наследования": наследование по интересу, наследование по призванию, и наследование по ситуации.

Другими важными внешними факторами, влияющими на формирование личности политика, считаются исторические события такие, как, например, сопротивление во Франции, которые

---

³⁹ Dahl R. Qui gouverne? P. 330-335.

⁴⁰ Ibid. P. 12.

способствовали повышенной политической активности людей. Исследование биографий выдающихся деятелей привело некоторых ученых к выводу о том, что немаловажную роль при выборе профессии политика сыграл эмоциональный шок, как это было в случае Ленина (смерть и казнь брата Александра) и у Ганди (забастовка).

Существует целая серия исследований, посвященных окружению президента и степени его влияния на процесс принятия решений. Исследуются способы набора, рекрутирования советников, способы циркулирования информации и распределения ответственности. Окружение - это прежде всего семья. Изучается, какое место она занимает в деятельности президента, осуществляет ли она на него давление и какого порядка.

Большое значение придается изучению влияния жен, особенно в США. Часто будущи более честолюбивыми, чем их мужья, они склоняют своих мужей к баллотированию на выборах. Такую роль играла Элеонора Рузвельт. Кеннеди говорил о себе как о "муже Жаклин". В отличие от США во Франции, например, жены президентов играют куда менее заметную роль. Кроме того, во время выборов в президенты семья часто представляет место разрядки, убежище от политических пересудов.

В исследовании окружения важное место занимают друзья. Помпиду, например, упрекали в его привязанности к художникам и интеллигенции. У Джонсона, напротив, не было никаких интересов вне политики.

Наконец, среди окружения выделяют частных советников и официальных сотрудников. Встает вопрос: на основе каких критериев они рекрутируются - на основе компетентности, степени образованности или дружеских связей, землячества?

Исследуется также стиль руководства, в котором, например, различают модели - формально-иерархическую, конкурентную и коллегиальную.

Формально-иерархическая модель характеризуется приоритетом порядка. В ней отдается предпочтение регулярности административной работы, письменному способу ведения документации в противовес личным контактам. Эта модель, однако, несет в себе риск изоляции президента от действительности.

Конкурентная модель, напротив, дает президенту больше информации, но не обеспечивает его защиту от реальности. Она требует от него много времени, умения поддерживать равновесие в команде, успокаивать страсти, умиротворять разные стороны и мнения.

Коллегиальная модель находится посередине между первыми двумя и представляет собой трудно реализуемый демократический идеал, который зависит одновременно от личных качеств президента и от согласованности его команды.

Однако практика полностью никогда не соответствует никакой чисто теоретической модели. Каждый президент в той или иной степени только приближается к одной из них.

Обращение к социологическим методам исследования в политологии последнего времени свидетельствует о том, что современное изучение политического человека во многом основывается на позитивистской методологии. В XX веке политический анализ стал определяться как поиск "объективной" научной истины, отказываясь отвечать на метафизический вопрос "почему?" и ограничиваясь вопросом "как?" Ограниченность такого подхода не позволяет поставить в центр исследовательской проблематики вопрос о сущности и природе политического человека.

Увлечение социологией политики приводит к замечательному парадоксу - политический человек, являясь центром и мериллом политики, исчезает как объект исследования, превращается в ничто. В этом отношении весьма симптоматичен тот вывод, к которому приходят французские ученые Ж.Пароди и К.Исмаль, которые заключают свой трактат "Политический человек" словами: "В конечном счете политический человек - это функция конкретной политики и социально-политической среды, в которой он существует и действует, и потому ответить на вопрос, кто он таков - это значит ответить на вопрос: что есть политика. А в ней в общем и целом существуют всего лишь различные люди, которые делают разную политику - левую или правую, либеральную или консервативную - и в этом смысле можно сказать, что политического человека как такового, как особого типа, не существует вовсе"⁴¹.

Таким образом, очевидно, что методологические постулаты, лежащие в основе современной политической науки, подрывают сами основы исследования главного политического факта политологии - политического человека - и тем самым оставляют его в качестве главной фигуры для поля исследования, принадлежащего современной политической философии.

---

⁴¹ Parodi J.P., Ismal C. L'Homme politique // La science politique. P., 1971. P. 206.

Глава 3. Методы политического влияния и манипулирования

1. Методы политического влияния

Усиление роли политического влияния в жизни общества, являясь симптомом перехода от тоталитарных форм правления к демократическим, предопределяет интерес к механизмам осуществления влияния. В этом отношении большую роль играют политические партии как основное средство связи между обществом и властью.

Политическую партию можно определить как организацию, соединяющую определенное социальное движение с тем или иным мировоззрением (идеологией) и целевыми установками (программой). В той мере, в какой партия соединена и реально отражает интересы и настроения социального движения, данной социальной группы, она может сохранять или расширять свое влияние. Отрыв партии от социального движения ведет ее к кризису, быстрой утрате популярности и влияния. Особое значение для деятельности партии, ее влияния на население имеют такие факторы, как привлекательность (популярность) ее лидера, умение отстаивать интересы избирателей, сотрудничать с (местной) властью и осуществлять ее конструктивную критику. Очень важен учет партийным руководством преобладающих настроений, способность влиять на них. Сила позиций партий может определяться умелой ориентацией на значительную социальную группу (профессиональную, возрастную), а также выдвижением таких целей и ориентиров, которые могут объединить и консолидировать различные группы (проблемы экологии, здоровья, социальной защищенности, разумного досуга, общественной безопасности и т.д.). С помощью партийной системы правящие круги обеспечивают сохранение в своих руках высшей политической власти, приспособление существующего строя к новым условиям, воздействие на сознание масс в нужном направлении.

Партии имеют первостепенное значение также в деле поддержания жизнеспособности институтов власти - они служат своеобразным буфером, предохраняющим конституционные инсти-

туты от резких потрясений и обеспечивающим им определенную стабильность. Деятельность политической партии неразрывно связана со всей политической жизнью страны, во многом определяя ее. Западные политологи отмечают, что в конечном счете политические партии существуют для того, чтобы заполнять вакантные государственные должности. Так в Великобритании большинство руководителей местных отделений партий согласились с тем, что их главная цель - быть избранными членами парламента. Все многообразные функции местных партийных организаций фактически подчинены их участию в предвыборной борьбе; для успешного ведения этой борьбы необходимо в промежутке между выборами держать избирательный механизм в состоянии готовности, вовремя подбирать парламентского кандидата, выявлять возможных сторонников партии среди избирателей округа и т.д. Это обеспечивается благодаря идентификации избирателей с определенной политической партией. Существуют по крайней мере два вида политической поддержки партии со стороны индивидов - специфическая и диффузная. Первая означает такие отношения между индивидом и партией, когда индивид поддерживает ее лишь постольку, поскольку это дает ему какие-то личные выгоды, и прекращает ее поддерживать, как только чувствует, что это становится для него невыгодно. Вторая же, напротив, основывается на совпадении долговременных интересов индивида и партии, оказывается относительно независимой от эпизодических флуктуаций. Партия, как правило, стремится представить себя как "партия процветания", доказывая, что именно во время ее правления происходит рост благосостояния, подъем промышленного производства, сокращение безработицы, снижение налогов и т.д. Такая линия особенно важное значение имеет при переизбрании на новый срок президента, когда работа будущей администрации представляется избирателям как исправление ошибок в политике пражнего правительства, для чего граждан призывают предоставить президенту возможность закончить начатую работу.

Политические партии - лишь один из механизмов осуществления политического влияния. Наряду с ними большую роль могут играть группы давления, группы интересов, отдельные монополистические объединения и т.д.

Постоянное пребывание у власти одной партии ведет к отождествлению ее с политической системой. Получается так, что замена этой партии другой равнозначна изменению политической системы. Смена власти в таком случае может вылиться в резкие столкновения. Чтобы этого не произошло, в рамках господствующей партии предпринимается перегруппировка сил, которая подчинена задаче урегулирования тех или иных кризисных явлений, повышения устойчивости и маневренности политической системы. Она осуществляется за счет создания эффективного двоякого центра - партий, функционирующих на консенсусно-альтернативной основе. Элита требует от своих партий, чтобы они были настолько "консенсусными" в отношениях друг с другом, чтобы их соперничество не препятствовало нормальному течению политического процесса, и настолько "альтернативными", чтобы своей политикой отвлечь слои, недоброжелательные правящей партией, от влияния оппозиционных сил.

Перегруппировочные процессы - это по преимуществу политическое приспособление к вновь возникающим реалиям общественного развития. Они играют роль временного стабилизирующего фактора. В качестве яркого примера этого процесса можно назвать перегруппировку, осуществленную на Западе неоконсерваторами, которые смогли существенно потеснить левые силы. Причины утраты влияния левыми партиями, когда за короткое время они лишились многих своих бастионов и поддержки значительной части избирателей, являются весьма поучительными с точки зрения рассматриваемой проблемы. Основная причина слабости левых - их ошибки в области экономической и финансовой политики. Экономический кризис, начавшийся с середины 70-х гг., привел к интеллектуальной стагнации левых, которым не удалось предложить убедительную альтернативу предшествующей модели развития. Они не сумели обновить свои концепции государственного регулирования экономики и концепции социальной политики. Вместо того, чтобы давать новые, творческие ответы, они опирались на устаревшие представления, слишком долго занимали оборонительные позиции, слишком слепо верили в то, что государство в состоянии осуществить инновации в масштабе всей экономики.

Идеологические противники левых - неоконсерваторы умело воспользовались их ошибками. Они осуществили перегруппировку сил и переоценку теоретических постулатов, мобилизовав в свою поддержку достижения общественных наук.

Неоконсерваторы адаптировали себя и свои теории к современному уровню развития западных обществ. Поэтому речь шла не просто о возвращении к старым консервативным позициям, а о дальнейшем динамическом развитии общества. Они пытались представить себя той силой, которая способна вывести общество из кризиса и дать ответы на общественные проблемы. Используя конъюнктурные изменения в экономике, неоконсерваторы выступили и как реформаторы, выдавая временные стабилизирующие тенденции как успех неоконсервативной стратегии. Они пришли к выводу, что чисто технократический подход к решению проблем, который долгое время практиковали социал-демократы, совершенно недостаточен. Понадобилось более глубокое видение проблем и для обеспечения необходимого консенсуса, и для определения путей дальнейшего развития в обществе, с чем они успешно справились, перехватывая иногда лозунги своих политических противников.

Важным моментом с точки зрения усиления влияния во властных структурах является развитие процесса иерархизации властных структур и тем самым дробления властных полномочий. Результатом становится то, что власть при этом получает каждое звено иерархии, стремящееся естественно к самостоятельности и обособленности. Отрицательным последствием иерархизации является усиление бюрократического злоупотребления властью в процессах принятия решений.

Бюрократизация, которая неизбежно сопровождает институционализацию политического влияния, часто в значительной степени уничтожает сам смысл влияния как демократического атрибута современного общества. Это порождает реакцию общества в виде появления новых, "нетрадиционных" форм воздействия на власть снизу - от полулегальных, т.е. отчасти признаваемых общественным мнением различных групп давления, основанных на сложившихся экономических, социальных, экологических интересах (профсоюзы, организации женщин, молодежи, общество потребителей, экологические инициативы и т.п.), до случайных, эпизодических (разовые студенческие выступления, "голодные бунты" и т.д.).

Преобразование партий в "партии для всех"

Эволюция партий в западных странах привела к тому, что и буржуазные "элитарные" партии, и массовые левые партии по-

степенно преобразуются в партии нового типа - "партии для всех" или "всенародные партии".

Первостепенной задачей такой партии является успех на выборах, что влечет за собой внутреннюю перестройку партийного механизма. Прежде всего в жертву прагматическому подходу приносится партийная идеология: строгие доктринальные принципы становятся ненужным балластом. Соответственно снижается роль активистов-хранителей и распространителей партийной доктрины, их количество уменьшается. Позиции же партийной верхушки усиливаются, а основным критерием ее успеха становится участие в управлении. Такая партия больше всего стремится избежать идентификации с определенным классом или слоем, напрогив, она пытается предстать объединительницей различных интересов и выразительницей общих интересов.

В качестве образца "партии для всех" называют прежде всего христианско-демократическую и социал-демократическую партии ФРГ. Причастность партий к типу "партии для всех" определяется несколькими основными чертами: апелляцией к избирателям из всех слоев и групп населения; отказом от идеологии, образующей мировоззренческую замкнутую систему; приоритетностью успеха на выборах и реальной возможностью стать правящей партией.

Преобразование партий в "партии для всех" - одно из важных проявлений политической стратегии Запада, направленной на интеграцию всех классов и слоев общества в систему. В связи с этим функции партий усложняются. Партия превращается в постоянно действующую дисциплинарную организацию, которая контролирует действия своих депутатов в парламенте через органы печати, разрабатывает и формулирует политические установки, пропагандирует их среди избирателей.

Еще более сложны функции правящей партии. Это связано с превращением партии из добровольной ассоциации единомышленников в институт представительной демократии, что сопровождается усилением партийного аппарата и его господством над партией, выдвиганием в противовес рабочим партиям программы межклассовой солидарности во имя достижения народного единства. Партия с этой точки зрения должна быть ареной посредничества, урегулирования общественных конфликтов путем дискуссий и компромиссов¹.

---

¹ См.: Политическая стратегия европейской буржуазии в XX в. Ч. 1. М., 1990. С. 97-112.

В ФРГ, например, в целом завершен процесс интеграции наемных работников в обе "народные партии" (СДПГ и ХДС/ХСС). И хотя социальные и политические противоречия сохраняются, они носят менее острый характер, чем в "эпоху Веймара". Во всяком случае, бэннское государство для большинства рабочих не есть нечто "чужое", "враждебное". Партии, представленные в бундестаге, уже не являются "идеологическими партиями" - во всяком случае провозглашается, что они стали "народными". ХДС/ХСС и СДПГ стремятся говорить от имени всего общества и действовать, в первую очередь, в общесоциальных интересах. Они декларируют отказ от ориентации исключительно на те или иные слои и группы общества, и потому становится возможной политика демократического компромисса. Хотя между СДПГ и ХДС/ХСС существуют значительные различия во многих отношениях, непреходимой пропасти между ними нет.

Использование примыкающих специализированных организаций

В современных условиях одной из существенных особенностей функционирования крупных парламентских партий Запада является наличие "фланкирующих", примыкающих к ним организаций, призванных помочь усиливать влияние партий на различные социальные слои и группы. Большим количеством такого рода организаций располагает, например, ХДС в ФРГ.

Специализированные организации очень различны как по своим задачам, так и по статусу. Одни из них являются уставными и носят название объединений. К ним относятся: молодежный союз, женское объединение, социальные комитеты, коммунално-политическое объединение, объединение среднего сословия, экономическое объединение и т.д. Другие организации формально не связаны с партией.

Объединения выполняют две функции - внешнюю и внутреннюю. Внешняя состоит в том, что они связывают партию с различными общественными группами. Внутренняя заключается в защите особых интересов этих групп в политике самой партии. Анализ деятельности специализированных организаций позволяет сделать следующие выводы:

- Наличие специализированных организаций придает внешнему облику партии множество оттенков, помогая ей апеллировать к различным социальным группам избирателей. Они являются связующим звеном между партией и "испартийными" организациями.

- Специализированные организации являются существенным дополнением членской массы партии, вовлекая в орбиту организованного влияния гораздо больше людей.

- Наличие "фланкирующих" организаций обусловлено в первую очередь социальной разнородностью членской массы. Кроме того, канализируя многочисленные требования и протесты снизу в определенное организационное русло, руководство получает возможность ограничивать арену столкновений противоречивых интересов.

- Вместе с тем существование "фланкирующих" организаций создает для лидеров и ряд неудобств, препятствуя курсу на усиление сплоченности и дисциплинированности партийных рядов.

Выборы

Одним из важнейших механизмов, с помощью которого осуществляется политическое влияние, регулируется массовое политическое поведение, являются выборы. Они помогают современным правительствам сохранить свою силу и власть, так как широкое вовлечение масс в избирательные кампании снижает угрозу подрыва существующего порядка. Выборы дают возможность данному правительству говорить о своей легитимности, о поддержке своего политического курса широкими слоями населения.

Однако на деле выборы создают иллюзию принятия гражданами политических решений, так как реально они, во-первых, ничего не требуют от избранных, а всего лишь выражают коллективное согласие, во-вторых, избирают только должностных лиц, не принимая непосредственного участия в формировании их политического курса.

Важная роль парламентских партий в защите интересов господствующих кругов наглядно проявилась в ходе реформы избирательного права (снижение возрастного избирательного ценза до 18 лет), осуществленной на рубеже 70-х гг. в большинстве ведущих западных стран. Расширение избирательного контингента за счет молодежи свелось преимущественно к дополнительному перераспределению голосов между основными парламентскими партиями. Наиболее рельефно значение парламентских партий раскрылось в странах с двухпартийной системой, где четко разработан механизм оттеснения "третьих" партий: не случайно правящие круги именно этих стран (США, Великобритания) раньше

других (в частности, Франции или Италии) пошли на подобную реформу.

Деятельность политических партий, направленную на проведение выборов, можно структурировать следующим образом: 1) деятельность партии в период между выборами; 2) этап выборов на местном уровне, 3) выборы на национальном (общегосударственном) уровне. Необходимо отметить, что различие между первыми двумя этапами чисто количественное - в степени интенсивности воздействия на население. Рассмотрим основные методы политического влияния во время выборов.

1. Большая роль в избирательных кампаниях отводится созданию "имиджа" кандидата, т.е. некоего упрощенного, но очень яркого и привлекательного образа, формируемого на основе эмоционального восприятия. Монополия на средства воздействия на массы повышает значение эмоциональной апелляции, а следовательно, и политической рекламы, обращающейся прежде всего не к разуму, а к чувствам избирателей. Принципиальная схожесть политических платформ кандидатов усиливает роль эмоционального фактора в ходе выборов. Поэтому в период избирательных кампаний политическая платформа кандидата намеренно затупевывается и как бы отходит на второй план, а внимание избирателей фокусируется на личностных характеристиках кандидата. Такой характер социально-психологического воздействия способствует эффективности эмоциональной апелляции. Во Франции, например, во время выборов редакции газет и журналов снабжались большой подборкой фотографий, иллюстрирующих этапы биографии кандидата, проводились специализированные пресс-конференции. Целые группы людей внимательно следили за публикациями о кандидате в прессе, готовя ответы и уточнения. Ф.Миттеран, в частности, признавался, что не любит выступать по телевидению. Тем не менее следуя советам специалистов по политическому маркетингу он тщательно отработывал свои выступления по телевидению и радио. Пропагандистский материал также нес на себе печать персонификации: были выпущены многоцветные плакаты с его изображением, плакат "Изменим жизнь с Ф.Миттераном", портреты разного формата, наклейки, сувениры и т.д.

В Великобритании "неполитический" характер избирательной кампании порой приводит к тому, что кандидат не только не затрагивает проблем национального масштаба, но даже избегает говорить от какой партии он выступает. Преследуется только одна цель - создать члену парламента репутацию человека, радующего о своих избирателях и доступного им. Кроме личных ка-

честв кандидата (энергичность, обходительность, терпеливость и т.д.), большое значение для "имиджа" имеет возраст, профессия и акцент - социальная визитная карточка англичанина. Поэтому кандидаты проходят тщательный отбор в местных отделениях партий, прежде чем их кандидатуры будут выставлены на широкое обсуждение.

2. Деятельность такого политического института как выборы основывается на широком использовании научно-технических достижений, на совершенствовании старых и развитии новых средств массовой информации - особенно телевидения, на применении новых методов анализа социально-политических явлений, новых научных разработок в области психологии. Все эти факторы составляют основу так называемой "новой политики", представляющей собой качественно иную технологию и методологию проведения избирательных кампаний в США. Ее задача - сделать достаточно гибким традиционный партийный механизм, приспособить его к использованию новых возможностей воздействия на массы, которые открывает научно-техническая революция.

Особо важное место в методах "новой политики" занимает "политическая реклама", на которую затрачивается около трети средств, отпущенных на избирательную кампанию. В развитых западных странах реклама стала средством политической борьбы. В ее задачу входит создание у масс определенной системы нравственных ценностей с помощью внедрения в их сознание представлений, построенных на эмоциональных апелляциях. Политическая реклама основывается главным образом на методе внушения и является одной из форм целенаправленного политического и идеологического психопрограммирования людей, воздействия на общественное сознание в заданном направлении. В основе психоэмоционального воздействия лежит обращение к общенациональным ценностям (например, "американская мечта"), патриотизму граждан, традициям и т.д.

Наиболее интенсивно политическая реклама используется в периоды обострения внутрипартийной и межпартийной борьбы - во время предвыборных кампаний, особенно кампаний по выбору верховных органов власти. В остальное время она используется партийными фракциями в сенате и в палате представителей (в США), а также содержится в заявлениях правительства по вопросам внутренней и внешней политики.

Чем больше сфер общественной жизни вовлечено в политическую рекламу, тем выше степень ее эффективности (так в середине 70-х гг. до 95% населения СССР верили в преимущества со-

циалистической системы). Массовость политической рекламы нельзя, однако, отождествлять с "гигантоманией": так множество небольших плакатов обладают гораздо большей степенью воздействия, чем один гигантский, расположенный даже в людном месте - его очень скоро перестают замечать. Здесь действует принцип: "успехи достигаются небольшими, но постоянными усилиями".

3. Что касается конкретных форм политического воздействия, то в первую очередь необходимо обратить внимание на средства массовой информации. Их роль хорошо изучена, поэтому здесь можно упомянуть лишь о некоторых особенностях их использования в настоящее время. Акцент в использовании средств массовой информации сегодня сместился с газет и журналов на телевидение, охватывающее более широкую аудиторию и обладающее особыми способами психологического воздействия.

При использовании журналов предпочтение отдается специализированным изданиям, так как обращение к специализированным аудиториям повышает эффективность воздействия.

Примечательно, что при всем огромном значении общегосударственных средств массовой информации, например, в Великобритании следствием "неполитического" характера местной избирательной кампании является то, что выступления в столичной печати, на радио и телевидении находят на местах лишь слабый отклик. Кроме того, соперничающие местные организации слабо осведомлены о действиях друг друга и почти не реагируют на них.

4. Менее значительными, чем средства массовой информации, но все-таки достаточно эффективными, являются социологические опросы населения, которые используются для психологического давления на избирателей. Особое значение в этом плане имеет апелляция к "мнению большинства", якобы выявленному беспристрастными компьютерами институтов общественного мнения.

Компьютерный анализ данных, полученных в результате опроса общественного мнения, позволяет выявить "колеблющихся" избирателей и обращаться непосредственно к ним, посылая "персонализированные" письма от самого кандидата, что опять же легко достигается при помощи компьютера.

Зачастую в опросах изменяется шкала оценок какого-либо явления общественной жизни: вместо, например, пятибалльной оценки предлагается двухбалльная, альтернативная. Смещается акцент от оценки деятельности правительства к оценке деятель-

ности президента, что в конечном счете сводится к оценке его личности, а человеческие качества традиционно оцениваются более высоко, чем политические акции. Кроме того, большинство так называемых "колеблющихся" избирателей будут в силу разных факторов (например, в силу патриотизма) склоняться к положительной оценке (при альтернативной постановке вопроса). Наконец, монополия на средства массовой информации даст возможность выборочно публиковать результаты опроса, либо не публиковать их вообще, что играет немаловажную роль в формировании общественного мнения.

5. Большое влияние имеют широковенцательные выступления президентов, премьер-министров и политических лидеров, что также требует эффективного использования средств массовых коммуникаций и результатов опросов. В состав администрации включаются искушенные специалисты по опросам населения и по связям с прессой. Особое внимание уделяется подготовке к прямым контактам с народом во время поездок по стране.

6. В последнее время наблюдается тенденция к усилению значения местных партийных организаций. По мнению западных политологов, для того, чтобы добиться выдвижения своего кандидата на ответственный пост члена парламента, сената и т.д., нет необходимости быть партийным лидером или пользоваться его поддержкой. Важно продемонстрировать способность завоевать поддержку значительного, но не обязательно подавляющего числа избирателей. Эту задачу выполняют первичные выборы (в США) или местные выборы (в Великобритании), которые, по мнению ряда политологов, превратились в главный этап выдвижения кандидата. Повышение роли первичных выборов в функционировании партийно-политического механизма еще более увеличило и без того немалое значение средств массовой информации в определении меры популярности того или иного претендента и поведения избирателей. Так, например, сенатор Дж.Кеннеди весной 1960 г. выступил в Западной Вирджинии перед школьниками, причем правом голоса обладал только учитель. Но сколько газет обошла эта трогательная фотография. Великое множество аналогичных выступлений и предопределило в 1961 г. избрание Кеннеди на пост президента США. Очевидно, что на первичных выборах при прочих равных условиях больше шансов имеет тот претендент, который был более известен до начала избирательной кампании.

7. Большое значение имеют предвыборные собрания с обязательным участием представителей прессы. Традиционная

форма укрепления позиций кандидата - выступление на собрании, которое предварительно широко рекламируется (уличные афиши, публикации в местной прессе, листовки в почтовых ящиках). В местной прессе широко освещается ход собрания и его итоги (причем помимо кандидата в собрании участвует еще два-три оратора). И хотя само собрание, как правило, не привлекает большой аудитории (например, в Великобритании), огромное значение имеет сам факт его проведения.

В целях обеспечения популярности кандидаты и политические лидеры с готовностью принимают приглашения участвовать в церемониях открытия выставок, ярмарок, присутствуют на конкурсах красоты, выпускных балах в колледжах и т.д.

В Великобритании большинство членов парламента и некоторые кандидаты имеют постоянные конторы в своих округах, где принимают избирателей и депутации с различными жалобами или требованиями.

8. Кандидаты стремятся встретиться лично с возможно большим числом избирателей, поэтому широко распространены обход кварталов, кваргир, беседы на улицах, в магазинах или у заводских ворот. Активисты партии накануне выборов посещают дома своего округа, беседуя с людьми и выясняя количество голосов, на которые может рассчитывать данная партия. Непосредственно в день выборов сам кандидат разезжает по округу на машине с громкоговорителем, призывая голосовать за него. В это время активисты партии напоминают "медлительным" избирателям, на чьи голоса они рассчитывают, о необходимости принять участие в голосовании. Практикуется также подвоз избирателей к месту голосования.

У входа в избирательный участок избирателя встречают "рассказчики" (в роли которых часто выступают дети активистов), использующие последнюю возможность напомнить о своем кандидате.

9. Одним из методов является (традиционное для Англии) получение "голосов по почте" - особый вид голосования для некоторых категорий населения, которому уделяется огромное внимание и ради которого работают специальные вербовщики, лично беседующие с каждым обладателем такого избирательного голоса.

10. По заимствованным у американцев методам во Франции была проведена кампания по телефону, названная "Сто звонков ради победы", которая проводилась активистами партии во многих департаментах. Обычно телефонный разговор строился по следующей схеме: "Здравствуйте, меня зовут Икс, я живу в

Вашем квартале. Мне хотелось бы зачитать Вам послание Ф.Миттерана. Могли бы Вы выслушать меня?" Далее следовало краткое, в несколько десятков слов послание. Весь разговор не должен был превышать двух минут. На случай отказа выслушать послание была заготовлена фраза: "Я уважаю ваше мнение и не настаиваю".

11. Политические партии и их кандидаты стремятся придать себе респектабельность и поэтому стараются избегать открытых методов давления на избирателей. Тем не менее эти методы, в первую очередь подкуп избирателей, не исчезли из политической практики парламентских партий. Миллионы франков расходуются на ремонт церквей, строительство спортивных сооружений, помощь неимущим в своем избирательном округе, на рождественские подарки, поздравления с Новым годом престарелых жителей столицы, коробки конфет с визитной карточкой кандидата. Исполняются и такие средства как выплата семьям пособий, крестьянам субсидий на необычно льготных условиях, студентам разовых воспомоществований.

12. Сращивание партийного аппарата с государственным во Франции в период до 1981 года позволило оказывать непосредственное административное давление на избирателей. Для этого использовались как официальная пропаганда, так и административные функции кандидатов. Шантаж и давление являлись одним из основных методов психологического воздействия на избирателей. Эксплуатируя чувство инертности и страха определенных категорий избирателей, в том числе избирателей-рабочих, пропаганда постоянно прибегала к запугиванию угрозой "катастрофы" в случае победы левых партий. Еще в годы Народного фронта избирателей устрашали плакатами типа: "Голосование за Народный фронт, поддерживаемый Москвой, означает войну". Двадцать лет спустя голлистская листовка убеждала рабочих голосовать за партию де Голля: "Если вы откажетесь поддерживать де Голля и скажете ему "нет", это будет победой анти-Франции, триумфом анти-Христа и, быть может, концом нашей лучезарной цивилизации". В мае 1968 года использовался шантаж "угрозой диктатуры" и властью "тоталитарного коммунизма" с целью запугать французских избирателей и оказать давление на их политический выбор. В целом главной идеей кампаний политических партий на выборах было стремление любыми способами убедить избирателей в том, что эти партии стремятся к реформам и переменам "без риска", в то время как осуществление программ противников якобы грозило "хаосом" в экономике, политике и социальных отношениях.

13. Среди нетрадиционных средств пропаганды можно отметить такие, которые использовались во Франции во время кампании 1981 года, например, кукольные спектакли, поставленные активистами социартии на площадях маленьких городов. Их персонажи изображали политических противников кандидата, а само действие сопровождалось комментариями, призывавшими голосовать только за Ф.Миттерана.

14. Использование консультативного центра (США). Центр оказывает содействие в нескольких областях. Во-первых, это касается содержательной стороны избирательной кампании. Кандидатам помогают осознать наиболее острые проблемы жизни общества, без чего трудно ориентироваться в выборе тем выступлений. Во-вторых, организуется максимально полный сбор информации об избирателях: возраст, профессиональный состав, политические и человеческие интересы. Постоянно проводится мониторинг общественного мнения. В его задачу входит также сбор средств на избирательную кампанию. В-третьих, осуществляется создание и поддержание имиджа кандидата.

В Центре имеются специалисты разного профиля: одни занимаются техническими вопросами (снабжение кандидата всем необходимым: машинка, бумага, компьютеры), другие - организацией встреч, третьи - анализом.

Штатные организаторы занимаются проведением уличных шествий и маршей по дорогам страны. Организаторы стремятся также привлечь к участию в избирательной кампании как можно больше добровольцев. Политическая машина в период выборов во многом держится на энтузиазме. Сотрудники Центра организуют митинги, после которых число сторонников кандидата увеличивается. Добровольцы привлекаются в избирательные кампании только на уровне штата и ниже. Однако на всех уровнях необходимо управление, осуществляемое одним Центром.

Кандидатам на встрече с избирателями советуют избегать конкретных обещаний, рекомендуя побеседовать о том, что беспокоит, заботит, интересует людей.

Претенденту на депутатское место необходимо проводить некоторую исследовательскую работу, чтобы определить, в чем может возникнуть несогласие нынешнего представителя конгресса с голосовавшими за него жителями, каковы принципы этого несогласия. Зная причины, можно принять различные меры, например, опубликовать обращение к избирателям. В случае падения популярности конгрессмена, можно перевести внимание избирателей от неприятной темы в другое русло.

Негативное восприятие избирателями возраста, пола, иногда профессии кандидата можно обыграть, превратив минус в плюс, подать как сенсацию.

Использование групп давления

В политической структуре общества политическое влияние очень часто осуществляется с помощью так называемых групп давления, которые формируются на основе партий и других социальных институтов общества с целью оказания давления на какие-либо политические институты для проведения желательных решений или предупреждения нежелательных.

К важнейшим группам давления иногда относят самостоятельные государственные структуры - военную власть и власть экономическую. Военная власть есть явная и очевидная физическая власть в государстве, которая часто противостоит гражданской власти, и потому, несомненно, может оказывать влияние на реализацию властных полномочий. Степень влияния военной власти различна в разных государствах и находится часто в прямой зависимости от степени развития демократических процессов. Так, в странах со слабо развитыми демократическими структурами, например, в странах Латинской Америки, влияние власти военных на государственную политику очень сильно и проявляется часто в непосредственном физическом воздействии на правящие структуры в форме государственных переворотов. Понятие военной хунты как влиятельной силы в государстве связывается именно с этими странами. Влияние военных кругов в развитых демократиях также имеет место, но принимает там более цивилизованные формы, известные нам под названием влияния военно-промышленного комплекса.

Что касается экономической власти, которая, в общем, остается внешне анонимной и не имеет такого откровенного воздействия на властные структуры, как военная, то она часто представляет собой единственную фактическую власть в государстве.

Однако чаще под группами давления, или иначе лобби, понимают специфически демократические институты воздействия паравластных структур на формальные структуры власти в демократически устроенном обществе. Само слово "лобби" появилось в англоязычных странах (до сих пор одни исследователи считают, что это произошло в США, другие же указывают в качестве источника Великобританию) и буквально означает "коридор", т.е. место, где встречаются наиболее активные

представители некоторых групп интересов, главным образом, производственных или коммерческих, и часто не входящих в состав лиц, обладающих мандатом на власть и оказывающих влияние на процессы принятия правительственных решений. В США, например, широко известно фермерское движение, которое состоит из экспертов в области предоставления субсидий земельным собственникам. Согласно поздним поправкам к федеральному законодательству, изданному в Вашингтоне и носящему название "Лобби-Акт", группы лоббистов обязаны предоставлять Конгрессу США сведения о средствах своего финансирования и давать список "аккредитованных членов", если они хотят быть допущенными в коридоры власти. Таким образом, наше представление о лоббистских структурах как о теневых или подпольных структурах власти, незаконно оказывающих давление на процессы принятия политических решений, не совсем верно. Лоббистские структуры в развитых демократических обществах легализованы и составляют неотъемлемую часть их сложных властных структур, способствующих, таким образом, развитию процессов влияния и взаимовлияния в современных демократиях.

Однако на практике группы давления часто не содействуют достижению компромисса и канализации требований своих членов. Во многих случаях, как отмечает политолог либеральной ориентации Р.Харрисон, такие группы давления становятся самостоятельными олигархиями, и рядовые члены тем самым отнюдь не участвуют в процедурах разрешения конфликтов. В то же время принцип "уравновешивающей силы", который должен быть присущ действиям таких заинтересованных групп, не срабатывает, поскольку в реальности часто возникают очень могущественные группы, которые подавляют конкуренцию со стороны более слабых образований. На деле нередко возникает ситуация, когда "групповые ассоциации с частичной монополией, усиленные официальным признанием, оказываются склонными совместно с департаментскими бюрократами присваивать право формулировать альтернативные политические решения в рамках их функционального сектора"². По свидетельству политолога Ф.Уильсона, сотрудничество между правительством и руководителями заинтересованных групп настолько тесно и постоянно, что весьма трудно провести линию разграничения между их действиями. Важно к тому же отметить, что подобного рода сотруду-

---

² *Harrison R.J. Pluralism and corporatism: the political evolution of modern democracies. L., 1980. P. 23.*

ничество и координация зачастую вообще осуществляется в обход парламента³.

Группы давления в общепринятом понимании представляют собой организации, предназначенные для оказания влияния на общественные власти в направлении, благоприятствующем реализации именно тех интересов, которые эти группы преследуют. При характеристике групп давления усиленный акцент делается на организационном факторе и это характерно даже для тех случаев, когда речь идет об ассоциациях с очень ограниченной уставной деятельностью, что позволяет выделить несколько типов таких групп давления. Это прежде всего группы, деятельность которых осуществляется в форме спонтанного давления (забастовки случайного характера, импровизированные манифестации) или же в форме чисто индивидуальных поступков: публичная голодовка, открытое письмо, самоубийство как протест. При этом группы давления очень четко отличаются от чисто политических образований в том отношении, что целью их стратегии является не захват государственной власти, не ее осуществление, а стремление оказать на нее давление извне.

Именно поэтому ни сама политическая администрация, ни какая-либо общественная служба не могут рассматриваться как группы давления, несмотря на то, что они оказывают определенное воздействие на принятие политических решений. Однако в рамках общественной администрации могут образовываться ассоциации или группировки, которые ставят своей целью привлечение особого внимания к их специфическим интересам. Таковы, в частности, ассоциации офицеров младшего или старшего составов, профсоюзы служащих какого-либо ведомства и т.д. В таких случаях эти образования тоже рассматриваются как группы давления.

Для осознания сущности того, что представляют собой группы давления, важно прежде всего осмыслить процесс обретения ими определенных интересов. Первый важный шаг на пути формализации данной конкретной группы интересов состоит в четком формулировании ее требований в политически адекватной форме. В этом отношении очень важно разграничить две категории лобби. Первая - это группы давления широкого профиля, основа существования которых базируется на относительной гомогенности какого-либо одного слоя населения, интересы которого они намерены по всем спектрам защищать

---

³ *Wilson Ph. Reagan and the republican revival // Commentary. N.Y., 1980. Vol. 70. № 4. P. 30.*

перед лицом администрации. Некоторые из таких групп имеют социальноэкономическую базу, - например, Национальная федерация профсоюзов аграриев или Движение по защите семейных хозяйств во Франции, которые представляют интересы аграриев; объединения учителей, ассоциации предпринимателей. С определенной натяжкой к подобным объединениям можно отнести союзы потребителей.

Другой тип лобби имеет социокультурную основу и ориентируется на самые разные социальные слои и группы населения. Таковы различные церковные и католические ассоциации, организации женщин, организации бывших фронтовиков; ассоциации бывших этнокультурных меньшинств, студентов или родителей учеников. Общая черта всех групп широкого профиля состоит в том, что у них существует одна и та же стратегия формирования интересов. Это связано с тем, что они прежде всего должны максимально точно соответствовать требованиям своей реальной или вероятной социальной базы. С другой стороны, они должны помочь этой социальной базе по возможности наиболее полно осознать свои интересы, из чего следует необходимость проведения определенной пропаганды. И, наконец, третья задача, которую они должны ставить перед собой и которую должны выполнять - это иерархизация всех многочисленных требований, выдвинутых перед ними представителями их социальной базы, а также выделение приоритетных целей для осуществления давления на общественные власти.

Вторая крупная категория, которую выделяют при классификации групп давления - это группы давления со специфическими интересами. Прежде всего следует отметить, что основа их существования - не в наличии какой-либо реально существующей социальной базы, а в особом Деле, во имя которого и организуется определенное действие. Именно это происходит при формировании различных лиг в защиту окружающей среды, животных; движений в защиту узников совести, политических заключенных, забастовщиков и т.д. Во всех этих случаях группа давления формируется на точной и четкой платформе, формализованные интересы которой можно разделить на три основные категории: приобретение экономических благ в форме заработка или других материальных средств; приобщение к процессу принятия решений; получение вознаграждения или поощрения символического типа, т.е. того, с чем связывается престижность в конкретном обществе - приобретение определенных предметов роскоши, особо ценимых в данном обществе, различных титулов, наград, дипломов, знаков отличия и т.п.

Эти интересы, однако, выражаются не прямо. Всякая группа, чтобы найти себе союзников среди властей предрержащих и нейтрализовать противников в сфере общественного мнения, стремится выразить свои личные интересы в терминах общего интереса - прием, который очень близко примыкает к средствам манипулирования общественным сознанием. Так, например, выражая свои требования через средства массовой информации, врачи никогда не будут формулировать их в терминах доходов или прибыли. На первый план они всегда будут выставлять интересы больного; преподаватели никогда не будут говорить об угрозе потери своей работы, своего места, а будут отстаивать необходимость сохранения культурных традиций, повышения уровня образования населения, одним словом, будут действовать в рамках поддержки общей концепции культуры.

2. Методы политического манипулирования

Между влиянием и манипулированием нет жесткой, резко очерченной границы. И то, и другое направлено на формирование массового сознания в определенном, желательном для правящих кругов направлении. О манипулировании говорят в том случае, когда наблюдается ярко выраженная тенденциозность использования влияния.

В самом общем виде манипулирование - это процесс ограничения и принижения политического сознания, культивирования политического недомыслия, которые руководящие круги могут доводить до самых прочных уровней мышления и самоконтроля, до самых стойких убеждений и привычек, до самых потаенных эмоциональных и чувственных пластов, до самых первичных и инстинктивных идейно-политических реакций. Воздействие оказывается прежде всего на чувства, эмоции, а не на разум, логику, одним словом, на подсознание, а не на сознание⁴.

Особенно широкое распространение политическое манипулирование получает в условиях идейно-политических кризисов, дезинтеграции всех сторон общественной жизни и связанной с ними социальной дезориентации человека. Иными словами, речь идет о ситуации, когда нет реальной картины происходящего, когда отсутствуют обоснованные и убедительные аргументы для

---

⁴ См.: Крайчик В.В. Социально-политический механизм политической власти. Л., 1991. С. 41.

проводимого курса, когда нет удовлетворительной программы на будущее.

Исследуя различные формы и методы современного политического манипулирования, американский ученый Р.Гудин выделяет две главные модели манипулирования - "рациональную" и "психологическую"⁵. Основной характеристикой психологической модели является использование автоматической реакции индивида на те или иные психологические стимулы. Сущность манипулирования заключается в данном случае в выборе наиболее подходящих стимулов для приведения в действие именно тех психологических механизмов, которые способны вызвать желаемую для манипулятора реакцию. При таком подходе человек рассматривается как простой механизм, действующий по принципу стимул - реакция.

В "рациональной" модели манипулирование по Гудину осуществляется не через использование психологических мотивов, а посредством *обмана и вероломства*. Среди форм манипулирования, относимых к этой модели, американский исследователь выделяет следующие:

- сокращение количества доступной для рядового гражданина информации;
- использование секретности, т.е. преднамеренного утаивания информации, которая способна подорвать официальный политический курс;
- использование пропаганды, т.е. предоставление гражданам отчасти верной, но тенденциозной информации;
- информационная перегрузка, т.е. сознательное предоставление чрезмерной информации с целью лишить рядового гражданина возможности адекватно усвоить и верно оценить ее. Смысл такого подхода состоит в затруднении для индивидов фактического доступа к информации, что заставляет их полагаться на ее официальную интерпретацию⁶.

Наиболее очевидным примером политики обмана Гудин считает передачу намеренно неверной информации, такой, например, как "Тонкинская резолюция", которая на основе предложенной ЦРУ версии об атаке вьетнамцами американских военных кораблей, послужила для президента США Джонсона основанием для ведения неограниченной войны против Вьетнама.

Политика обмана имеет свои законы. Во-первых, ложь должна быть определенным образом дозирована и не переходить не-

---

⁵ Goodin R.E. Manipulatory Politics. L., 1980.

⁶ Ibid. P. 39.

которых пределов, чтобы сохранить видимость правдоподобности. Во-вторых, политик должен хорошо знать, что ожидает от него аудитория. Тот факт, что истина выступает порой в менее привлекательной форме, чем фикция, создает для политика определенную почву для маневрирования. Задача политика в этом смысле состоит скорее в поисках выгодных для него иллюзий, на которых он может "сыграть". Третьей составляющей политики манипулирования по Гудину является так называемая "логика коллективного действия", т.е. определенная солидарность политиков, основывающаяся на понимании того психологического явления, что общественность теряет доверие ко всей группе политиков, если раскрывается обман одного из ее членов.

Кроме фактического обмана, важным средством манипулирования Гудин считает *секретность*. Ее суть состоит не в извращении фактов, как это происходит в случае обмана, и не в их фальсификации, а в изъятии и сокрытии информации, которая идет вразрез с установками существующего политического курса. Утаивание истины и соответствующих данных искажает информационную базу принятия решений⁷. При этом принципы, на которых основываются ограничения, нуждаются в определенном обосновании. Наиболее сильным аргументом такого рода Гудин считает распространенную в политике апелляцию к какому-либо "священному принципу". В средние века, например, религиозные доктрины утверждали, что только короли и принцы должны владеть "тайнами государственного правления". Аналогичны доводы Никсона в пользу "привилегий исполнительной власти"⁸, к которым он прибегал при расследовании "утергейтского дела". Они представляют собой ту же "священность" конституционной доктрины, что и "священность" права монарха в средние века, считает автор. Аргументом того же типа является и засекречивание информации под предлогом "национальной безопасности" или "тайн государственного правления"⁹.

Кроме простого утаивания информации, Гудин выделяет как особенно опасную его форму - "более сложную стратегию, которая строится на институализированной секретности". Речь идет о том, что в системе, удерживаемой "официальными секретами", единственным способом эффективно участвовать в процессе принятия решений, является получение информации из рук официальных лиц, наделенных секретами. Таким образом люди оказываются тесно привязанными к своим руководителям, или,

---

⁷ Goodin R.F. Manipulatory Politics. P. 47.

⁸ Ibid. P. 50.

⁹ Ibid. P. 47.

как выражается автор, "кооптированными". Из-за страха потерять доступ к информации они вынуждены мириться с любой формой официальной политики независимо от того, нравится она им или нет. В этой стратегии, пишет Гудин, секретность играет решающую роль, поскольку предоставление информации, которую нельзя получить иным путем, становится взяткой, вовлекающей несогласных в отношении кооптации. Другими словами, секретность служит средством "умиротворения кооптируемых групп"¹⁰. Тем самым подрывается главный принцип успешного функционирования демократического общества - открытость, гласность. Обратной стороной секретности Гудин считает пропаганду, под которой он понимает передачу и распространение выгодных манипулятору сообщений. Пропаганда отличается от обмана тем, что передаваемая ею информация правдива, но очень неполна и отличается крайней тенденциозностью¹¹.

Еще одним способом манипулирования общественным мнением является *предоставление слишком обширной информации*, которая способствует запутыванию проблемы и тем самым подрывает доверие к информации, отвечающей реальности. Таким образом, информационную базу принятия решений можно исказить только через утаивание необходимой информации. Система перегрузки чрезмерной информацией предполагает прямо противоположное тому, что требуется при использовании вышесказанных методов манипулирования. Вместо секретности здесь используется максимальное раскрытие информации, а вместо обмана - полное и точное изложение фактов. При этой стратегии возможности для манипулирования лежат не в сфере фактов, а в сфере их интерпретации. В такой ситуации рядовой гражданин "теряется" от обилия фактов и не может интегрировать их в сколько-нибудь рациональную систему. Именно этим и пользуется обычно политик, предлагая концептуальные рамки, соответствующие его собственным политическим интересам.

В процессе концептуализации информации происходит отбрасывание ненужных фактов, сокращение "негативной" для манипулятора информации, "фильтрация" информации. Такая фильтрация информации осуществляется не только в направлении сверху вниз, т.е. от правящих кругов к массам, но и наоборот, от нижестоящих эшелонов власти к вышестоящим в случае, когда определенные группы общественных деятелей или отдельные лица заинтересованы в том, чтобы вышестоящий

---

¹⁰ Gouldin R.E. Manipulatory Politics. P. 53.

¹¹ Ibid. P. 56.

политический деятель принял решение определенного рода. Таким образом, при стратегии перегрузки информацией с последующей ее фильтрацией конечный результат оказывается таким же, как и при использовании стратегии секретности, поскольку манипуляторы могут выбрать из всей массы информации необходимые им факты, которые вкладываются в концептуальные рамки.

Особую роль в политике манипулирования, считает Гудин, играют особенности языка, поскольку язык не является нейтральным средством, одинаково пригодным для передачи любого сообщения. Предпосылкой манипулирования поведением людей с помощью языка по Гудину является то, что язык ограничивает мысль. Поскольку язык способен ограничивать мысль, он способен в такой же мере ограничивать намерения и тем самым ограничивать само поведение¹².

Важным средством политического манипулирования Гудин считает так называемые "лингвистические ловушки". С помощью языка можно выделить значимые вопросы и соответствующие им ответы. Политик-манипулятор предлагает слушателям те или иные слова и выражения, которые становятся своеобразными "клетками" или "ловушками", в рамках которых простой гражданин оценивает происходящие в мире события. Эффективность подобных слов-"ловушек" Гудин демонстрирует на примере политической демагогии президента США Джонсона, который для оправдания войны во Вьетнаме широко использовал такие доводы, как "обязательства", "долг", "ответственность" США перед Южным Вьетнамом, который в такой интерпретации подвергался агрессии со стороны Северного Вьетнама.

Одной из разновидностей "лингвистических ловушек" является метод "лингвистической депривации" - опущения, игнорирования тех или иных слов и выражений. Исключая из политического лексикона некоторые слова и выражения, можно придавать политическим заявлениям и решениям определенную тенденциозность, которую трудно обнаружить. В качестве типичного примера принципа "лингвистической депривации" Гудин приводит коммуникационный код, используемый элитой для сокрытия своих намерений от простых людей. Этот код оказывается понятным только избранному кругу людей или групп¹³. Очень похожая ситуация долгое время существовала, например, в советской действительности, где в официальном политическом языке от-

---

¹² Goodin R.E. Manipulatory Politics. P. 65.

¹³ Ibid. P. 80.

существовало слово "номенклатура". Тем самым вроде бы и не существовал целый слой людей со всеми их структурами, привилегиями и особыми законами жизни и карьеры.

Значение *политической номинации*, т.е. выбора слов для описания того или иного события, очень велико в политике. Она предоставляет возможность тому, кто даст определение каким-то фактам и явлениям, манипулировать представлениями и реакциями людей в отношении этих фактов и явлений, формировать оценки и тем самым оправдывать свои политические действия. По этому поводу известный американский лингвист Чарльз Осгуд, например, писал: «Точно так же, как один и тот же запах может быть назван "ароматом" или "вошью" в зависимости от того, как хотят, чтобы к нему относились, так же одни и те же партизаны могут называться "борцами за свободу", "мятежниками" или "террористами"»¹⁴.

Анализируя риторику американских политических лидеров во времена войны во Вьетнаме, многие исследователи приводят интересные факты использования политической лексики и политических метафор для воздействия на общественное сознание. Для обозначения ситуации во Вьетнаме в американской литературе широкое распространение получила метафора, называвшаяся *"теорией домино"*. Впервые она была сформулирована президентом Эйзенхауэром 7 апреля 1954 года, который сказал: "У нас имеются костяшки домино, поставленные вертикально и тесно соприкасающиеся друг с другом; вы опрокидываете первую, за ней обязательно упадет последняя, итак, палицо начало распада, который может иметь самые глубокие последствия".

В отношении войны во Вьетнаме "теория домино" признана была создать ощущение того, что периферийная со стратегической точки зрения война может занимать центральное место. Вырисовывалась альтернатива: "все или ничего" - либо первая костяшка домино спасена, либо все обречены. Такая метафора имеет преимущества яркости и наглядности. Образность метафоры, ее связь с реальным обывательским физическим миром дает возможность подменить объяснение готовыми выводами, причем сделать это наглядно и убедительно, снимая возможные вопросы и подчеркивая неизбежность предсказываемого исхода¹⁵. Сходные манипуляции предпринимались в то время различ-

---

¹⁴ Osgood Ch.E. Conservative Words and Radical sentences in the Semantics of International Politics // Social Psychology and Political Behavior. Columbus, 1971. P. 106.

¹⁵ Пароятникова А.Д. Конденсированные символы в буржуазной пропаганде // Язык и стиль буржуазной пропаганды. М., 1988. С. 80.

ными американскими политическими деятелями со словами "агрессия", "коммунизм", "свобода".

Одним из важных инструментов политического манипулирования является *красноречие и ораторское искусство*. "Ораторы, увлекавшие своим красноречьем аудиторию, начиная от Перикла до Гитлера, - пишет Гудин, - оказывали маниакальное воздействие на своих слушателей"¹⁶. Посредством риторических ухищрений ораторы заставляют людей действовать против их воли и совершать поступки, которые в нормальном состоянии вызывают у них сожаление. При этом недомолвки и незаконченный характер риторических аргументов умело "играют на предрассудках аудитории"¹⁷. Классическим примером риторического манипулирования является переименование военного министерства в "министерство обороны". Слово "оборона" уже само по себе предполагает наличие угрозы: обороняться можно лишь от какой-то опасности. Имплицированная посылка в названии "министерство обороны" состоит в том, что кто-то угрожает стране, но, будучи имплицитной, эта посылка снимает вопросы о том, насколько реальна угроза и т.д. Та же ситуация характерна и для разговоров о программе по переподготовке безработных под предлогом того, что страна испытывает потребность в квалифицированных кадрах. Здесь также присутствует имплицитная посылка, что причина безработицы - в отсутствии у безработных квалификации, а не в структурных недостатках самой общественной системы. Таким образом, главная цель, которую преследуют риторические ухищрения, состоит в том, чтобы отвлечь внимание от действительных проблем. В конечном счете они стремятся достичь эффекта подтверждения со стороны слушателей тех взглядов, которые хочет им навязать говорящий.

Кроме скрытых посылок, существует еще и *скрытый подтекст*, который доказывает безо всяких доказательств то, что порой доказать просто невозможно. Например, в отношении войны во Вьетнаме американские политики предпочитали употреблять такие термины, как "умиротворение", "сдерживание", "эскалация", что создавало моральное оправдание предпринимаемых действий.

Для успешного манипулирования аудиторией важен также и выбор соответствующего стиля разговора. Одним из наиболее распространенных приемов в этом отношении является "язык участия", когда оратор как бы стремится разделить позицию ау-

---

¹⁶ Goodin R.E. Op. cit. P. 94.

¹⁷ Goodin R.E. Manipulatory Politics. Ibid. P. 100.

дитории. Ожидаемый эффект часто достигается через использование слова "мы", предполагающего "единство между говорящим и аудиторией"¹⁸. При этом за слушателем как бы остается активная позиция и считается, что он сам должен заполнить отсутствующие блоки аргументов. Кроме того, оказывается, что предмет разговора является не только делом говорящего, но и делом всех присутствующих. Такой способ риторической аргументации помимо прочего имеет еще и то преимущество, что, отвлекая энергию слушателя на самоаргументацию, не оставляет ему времени для критической оценки содержания сообщения.

Важное место в политическом манипулировании занимает *использование символики*. Возникло даже специфическое название - "символическая политика", которая функционирует благодаря комплексу "имиджей", имеющихся у людей. Имидж - такое отображение воспринимаемого явления, при котором ракурс умышленно смещается с помощью акцентирования внимания на определенных сторонах явления. Создание имиджа, некоторого идеализированного, упрощенного, но достаточно яркого образа как нельзя лучше отвечает задаче оказания влияния на сознание, а впоследствии и на поведение широких масс, в результате чего достигается одобрение политического явления.

Поскольку подавляющее большинство населения не может осознавать политические явления во всем их многообразии, у каждого человека складывается некоторый упрощенный образ этой действительности, который является критерием отношения человека к жизни общества и одним из отправных пунктов для его поведения и ориентации. Этот образ складывается постепенно, дополняясь и меняясь на протяжении всей жизни человека. Именно здесь власть (власть в широком смысле - не обязательно легальная, осуществляющая властные функции, а также и потенциальная, только приступившая к борьбе за право управления обществом) "помогает" человеку или группе людей, а в идеале - всему населению данного региона сформировать этот самый образ, для чего человеку и дается готовый имидж. Для осуществления властных функций нет никакой необходимости в формировании у населения целостного представления о многообразии политических процессов. В конечном счете смысл имиджа сводится к двум четким аксиологическим категориям - "хорошо" и "плохо". Именно в такой форме происходит первоначальная "закладка" имиджа в детском и отчасти в подростковом и юношеском возрасте. Воспитание ребенка, его социализация

---

18 Goulin R.E. Manipulatory Politics. P.105.

происходит, главным образом, в императивной форме (достаточно вспомнить классику детской советской литературы - "Что такое хорошо и что такое плохо?" В.Маяковского). Ребенку предлагается набор идеализированных и абсолютизированных клише-шаблонов, которые по замыслу должны впоследствии стать его общесоциальными и политическими ориентирами. На деле, разумеется, все обстоит гораздо сложнее. Не вдаваясь в область компетенции психологии, отметим лишь, что в процессе преобразования первоначальных положений в имидж (который формируется не только в процессе целенаправленного воспитания, но и в достаточной мере спонтанно), происходит некоторое смещение ориентировок под воздействием социума. Поэтому на данном этапе для власти особенно важно обеспечить целостное воздействие на формирующееся сознание.

В более зрелом возрасте, когда эффективность императивного способа образования политических ориентировок сводится практически к нулю (за исключением, пожалуй, ситуации, описанной в романе Дж.Оруэлла "1984"), власть формирует имидж на основе психоэмоционального восприятия, обращаясь прежде всего не к разуму, а к чувствам населения.

В этой связи особое значение приобретает альтернативное, дихотомическое восприятие мира, разделение его на *своих и чужих, на друзей и врагов*. Такое черно-белое мировоззрение создает благоприятные условия для сплочения общества (от малой социальной группы до населения целой страны). Образ врага всегда был таким мобилизующим фактором, объединявшим разрозненные группировки в единую силу. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что на каком-то этапе Соединенные Штаты просто не могли обойтись без СССР, на убеждений в злонамеренности и враждебности которого сформировалось не одно поколение в Америке. Вообще, имидж врага в любом государстве помогает решить массу проблем, касающихся собственной легитимации. "Враг" не обязательно должен быть реальным, он может быть и мифическим, символическим. Задача политического манипулирования - внедрить этот образ в массовое сознание.

Образ врага удобен еще и тем, что на него можно перенести какие-то собственные отрицательные черты и тем самым "обелить" себя. Так, долгое время Советский Союз характеризовался как страна дикости, варварства, отсутствия цивилизованности, низкого интеллектуального и культурного уровня, т.е. теми чертами, которые европейцы долго приписывали самим США. В Англии и Франции до сих пор в ходу представления о том, что американцы в массе своей грубы и неотесаны, слабо образованы,

самопадеянны и нахальны. Этот пример наглядно показывает, как образ врага помогает вытеснить комплекс неполноценности и преодолеть собственную ущербность.

Подчеркивая какую-нибудь наиболее характерную для желаемого стереотипа черту, политический деятель может достичь достаточно устойчивой позитивной оценки своей политики, в реальности не только не соответствуя, но часто и вовсе от нее отступая. Например, президент Кеннеди в свое время провозгласил своей целью "заставить Америку снова двигаться вперед". При этом имидж человека, который преследовал данную цель, поддерживался больше с помощью многочисленных торжественных церемоний и игры в футбол на лужайке Белого дома, чем с помощью законодательных побед в конгрессе. При упоминании этого факта сразу же вспоминаются "показательные" ныряния в прорубь мэра Москвы, должеживавшие явить миру символ новой политики и нового образа жизни. Подобным же образом Картер в течение долгого времени пребывания своей администрации у власти сохранял имидж "человека из народа" с помощью такого простого символического жеста, как прибытие на церемонию инаугурации не на официальном лимузине, а пешком¹⁹. Именно такие поступки позволяют на какое-то время продлить процесс признания популярности лидера среди народа, когда нет средств в реальной политике сделать что-то действительно осязаемое.

Сходную роль при воздействии на общественное сознание играют и различного рода политические *ритуалы и символы - флаги, гербы, лозунги*. Всякая нация, конечно, нуждается в консолидации и соответствующей общественно-исторической символике, способной воздействовать на коллективное бессознательное, которое порождает такие чувства, как патриотизм, желание коллективных действий и т.п., тем не менее существует опасность спекуляции на подобных символах и маскировки истинной сути политических институтов. Они могут оказаться всего лишь ширмой, за которой политики беспретственно принимают решения в своих интересах. Как верно замечает Гудин, политические символы - это своего рода "символический капитал", позволяющий их обладателю добиться определенных "материальных выгод". К этому можно добавить, что такой капитал может в некоторых случаях авансировать мероприятия с непредсказуемым исходом, как это происходит, например, в России, где заявление о ее "Возрождении" составляет определен-

---

¹⁹ Goodin R.E. Manipulatory Politics. P. 136-137.

ного рода игру на воспоминаниях о былом богатстве страны и часто маскирует бесконтрольное разграбление ее наличных природных ресурсов, вывоз за границу ценного сырья и обеднение нации.

Особое внимание Гудин уделяет так называемой "политике самоочевидного". Она состоит в таком воздействии на поведение людей, которое убеждает их в самоочевидности чего-либо при помощи фактов. При этом в действительности часто происходит подмена или фальсификация информации. Предоставляя людям самим делать выводы из "самоочевидной" ситуации, политик предлагает факты, отобранные по своему усмотрению. Этому, как правило, предшествует ненавязчивая подача нужных фактов и интерпретация их в определенном направлении. Данный подход имеет то преимущество, что самоочевидные решения особенно глубоко внедряются в общественное сознание вследствие их кажущейся нейтральности. Они выглядят как продиктованные "логикой ситуации", а не как навязанные тем или иным лицом с целью извлечения из них пользы. Психология же выбора такова, что когда нечто рассматривается как само собой разумеющееся решение проблемы, то люди вполне естественно останавливают свой выбор именно на нем.

Как отмечает Гудин, особенно часто "самоочевидное" решение используется в случае, когда социально-политическая система подвергается серьезной внутренней или внешней опасности. В таких ситуациях противоречия отодвигаются на задний план и все члены нации или отдельные группы выступают единым фронтом против общего врага. Так во время обеих мировых войн в Англии были образованы правительства национального единства. Манипулирующая роль "самоочевидных" решений состоит в том, что они выдаются за логически неизбежные и единственно возможные. Тем самым они используются для сохранения стабильности существующей системы²⁰.

Еще одним важным современным средством манипулирования общественным мнением являются *социологические опросы*. Они не могут проходить бесследно для опрашиваемых и в реальности особым образом воздействуют на людей. Общеизвестно, что мнение избирателя формируется как по отношению к самому себе, так и по отношению к той группе, к которой он принадлежит социально или профессионально. А опросы ему как раз и дают информацию о поведении членов таких референтных групп. Однако несмотря на признаваемый факт влияния на

---

²⁰ Goodin R.E. Manipulatory Politics. P. 209.

общественное мнение результатов опросов, в каждом конкретном случае трудно бывает предсказать, в каком направлении оно будет происходить: присоединится ли колеблющийся индивид к мнению большинства или, напротив, захочет прийти на помощь другому кандидату, который оказался в затруднительном положении. Нельзя также с полной определенностью сказать, какой силы должно быть влияние этих опросов - достаточно ли одного опроса, чтобы изменить процентное соотношение в мнениях, или же необходимо совпадение результатов нескольких опросов, с определенной долей постоянства предсказывающих гражданам их выбор. И наконец, совсем уже трудно предвидеть перспективу устойчивости этого воздействия во времени.

Но самое существенное в изучении воздействия опросов на общественное мнение, как считает известный исследователь средств массовой информации во Франции Ж.-П. Гуревич, - это влияние не ответа, а самого вопроса²¹. Такое влияние имеет место, во-первых, в силу того, что вопрос намеренно или нет, но моделирует, "создает" поведение. Это можно видеть на примере использования отдельными партиями механизма опросов в ходе избирательных кампаний. Их цель в таких случаях заключается не столько в прощупывании общественных настроений, сколько в расстановке индикаторов, "наблюдателей", которые снабдили бы партии информацией относительно обоснованности их последующих действий. Именно поэтому проводятся предварительные опросы общественного мнения, предшествующие президентским выборам. Хотя существует определенная доля искусственности в организации таких предвыборных кампаний, тем не менее они были бы и вовсе невозможны без предваряющих опросов общественного мнения. Помимо "прощупывания" стратегии действия для политических партий опросы оказывают влияние на настроения людей в том смысле, что "подогревают" общественное мнение. Кроме того, по логике снежного кома результаты опросов подхватываются другими средствами массовой информации, что увеличивает количество комментариев и порождает волну новых опросов, уточняющих первые варианты. Изменения в общественном мнении происходят и по такой малозаметной причине, как подмена непосредственного противостояния избирателя какой-либо партии или какому-либо конкретному претенденту противостоянием посредникам в лице интервьюеров. И наконец, влияние опросов проявляется в том, что в конечном счете они

---

²¹ *Gourevitch J.-P. La propagande dans tous ses états. P., 1981.*

приводят к смещению событий и псевдособытий, факта и мнения, обещаний и действий.

Конкретизируя вышесказанное, следует отметить, что вопрос, предлагаемый в опросах, несколько изменяет траекторию естественного образования мнения. Это происходит по многим и совершенно разным причинам. В одном случае такой вопрос оказывается как бы "перпендикулярным", а не "параллельным" реальному мнению, в другом случае он привлекает внимание к такой составляющей, которая до того занимала в общем мнении совершенно мизерную долю. Тем самым он фокусирует на ней общий интерес и в конечном счете делает ее ведущей тенденцией развития. Такова, в частности, роль вопросов типа: "что бы вы сделали, если...", которые вызывают к жизни сценарии из области политических фикций, политического вымысла. Эти вопросы заставляют опрашиваемых задуматься и включить в поле возможного выбора такие цели и намерения, к которым они вовсе не стремились, которых не предполагали и не имели в виду. Такие вопросы к тому же "раскачивают" у них под ногами почву, выводят из равновесия, а в случае, если их мнение расходится с "общепринятым", дискредитируют их в его глазах. В качестве классического примера использования подобной стратегии можно привести действия новых партий или сил, которые хотят утвердить себя на политической арене. Они изыскивают какое-нибудь слабое место, "чувствительную точку", например, проблему ядерного вооружения, иммиграции и т.д., затем с помощью опросов устанавливают те слои населения, которые особенно остро реагируют на эти проблемы. Через запросы в парламенте или другие средства они показывают, что традиционные институты не способны взять на себя их решение, что они погрязли в нескончаемых дискуссиях. Это дает им возможность начать игру по "расчистке" для себя завоеванной политической территории.

Содержание вопроса также оказывает скрытое влияние на получаемый ответ, поскольку вопросы ограничивают поле выбора и предопределяют поведение индивида на выборах. Дело в том, что в опросах редко предлагаются так называемые "открытые" вопросы (которые на самом деле отражают истинное мнение избирателей), ввиду того, что они трудно поддаются расшифровке и машинной обработке. Обычно используемые вопросы предлагают весь выбор, который не только определяет распределение общественного мнения, но и моделирует поведение избирателей.

К влиянию, которое оказывают содержание и формы вопросов, прибавляется воздействие публикаций результатов опросов. Официальное изложение итогов, по словам Ж.-П.Гуревича, "...одновременно удовлетворяет чувство нарциссизма и чувство любопытства, а кроме того, создает у индивида ощущение реванша над сильными мира сего. Здесь, как в новомодных школах, ученик выставляет отметку учителю и одобряет или нет его переход в следующий класс. Опросы, таким образом, - это своего рода пробные экзамены перед настоящими экзаменами в конце года"²².

В современном обществе опросы принимают регулярный характер, проводятся ежемесячно и еженедельно, в отличие от тех времен, когда они носили целенаправленный, конкретный характер. В такой ситуации даже малозаметные изменения общественного мнения как бы попадают под увеличительное стекло прессы.

Ко всему этому прибавляется то, что часто, намеренно или нет, но результаты опросов используются политическими лидерами совершенно не по назначению. Обычно происходит подмена подлинного осознания индивидуальных мнений моделированием общественного мнения. Опросы создают искусственный персонаж политической жизни, которому предоставляется право выразить свое индивидуальное мнение для того, чтобы создать на его основе коллективное высказывание, которое произносится в какой-то абстрактной среде и не принадлежит никому.

Эффективным методом манипулирования является *заявление об отставке*, если оно не выражение слабости или нежелания занимать данный пост. В таком случае оно чаще всего средство сохранения, обеспечения и укрепления власти. К использованию этого средства нередко прибегали руководители крупных политических организаций, хорошо понимая, что превентивность в отношении к якобы более сильному сопернику оказывает на последнего обезоруживающее действие. Сам же руководитель, использующий это средство в определенный момент, приобретает в сознании народа ореол незаменимости (макиавеллистский ход). И только в исключительных случаях такие руководители оказываются в состоянии признать, что, угрожая сложением полномочий, они преследуют цель удержаться у власти. При этом свою позицию они объясняют часто как проявление уважительного отношения к народу, хотя по своим последствиям их действия яв-

---

²² Gourevitch J.-P. La propagande dans tous ses états. P. 153-154.

ляются всего лишь переложением ответственности на волю масс²³.

В манипулятивных целях нередко используется и такое мероприятие как *референдум*. В истории демократического развития общества референдумы применялись не часто и во многих случаях давали неудовлетворительные результаты. Референдум также уязвим для критики, как и любая другая форма прямого правления народа. Как и при социологических опросах, во время проведения референдума путем искусно составленных вопросов и их казуистических формулировок нетрудно ввести массы в заблуждение. Вследствие того абсолютного характера, который носят результаты референдума, может возникнуть соблазн использования этих результатов людьми, находящимися у власти, в своих личных корыстных целях. Очевидно, нечто похожее подразумевала Ж.Санд, когда называла плебисцит покушением на свободу народа, если ему не противостоит компетенция масс. И действительно, в истории часто господство бонапартизма возникало именно на основе референдума. История выборов показывает, насколько легко можно фальсифицировать их итоги. Однако и при нормальном ходе событий результат референдума часто не внушает доверия, поскольку в нем нет той убедительности, которая присуща дискуссии. Опыт свидетельствует также о том, что референдум чаще всего не способен существенно повлиять на действия исполнительной власти²⁴.

В современную эпоху главным орудием воздействия на массы стало *телевидение*. Как заявил в 1972 году директор французского ведомства по радио и телевидению, "...в умелых руках телевидение превращается в невиданное ранее оружие. Тот, кто владеет им, может направлять общественное мнение в любую нужную сторону. Это касается прежде всего голосования на выборах, к которому избиратель приходит уже в заигнотизированном состоянии"²⁵.

Существует много способов целенаправленного воздействия на рядового обывателя с целью формирования нужного общественного мнения по какому-либо вопросу. Очень важен такой прием, как *"подготовка поестки дня"*, или иначе, распределение приоритетов. В зависимости от того, как СМИ изо дня в день планируют подачу социально-политических новостей, какой акцент делается на той или иной теме, у аудитории формируется определенное представление об относительной важности этой

23 Michels R. Zur Soziologie in der modernen Demokratie. Leipzig, 1911.

24 Ibid.

25 Rochi J., Bussonet C. Informer. Pourquoi? Comment? P., 1979. P. 136.

темы. Для "идеологического усыпления", например, из телепрограмм преднамеренно исключаются передачи, которые могут обострить у зрителей ощущение социального неравенства, вызвать протест против существующего порядка. Для этого специально подбирается время передач. Информационные программы, например, умышленно транслируются в те часы, когда большинство людей, возвратившись с работы, ужинает, т.е. пребывает в состоянии определенной эмоциональной расслабленности.

Важные новости социально-экономического характера (забастовки, демонстрации) обычно оказываются на втором плане. Много внимания уделяется отвлекающим сенсациям - катастрофам, ограблениям и т.д. В периоды, когда, напротив, необходимо добиться эффекта смятения умов, паники, чтобы вызвать естественное желание укрепить структуры существующей власти, возвратить старый крешкий порядок, - в такие эпохи программы строятся в прямо противоположном духе: на первое место выдвигаются последствия забастовок, угрозы беспорядков от демонстраций, митингов и т.п.

Один из весьма распространенных приемов, используемых СМИ, - *организация "псевдособытий"*, ведь характерная черта масс медиа - это стремление к сенсационности. Обычный прием, который применяется в таких случаях, - запугивание зрителя. С этой целью тележурналисты буквально "охотятся" за сценами насилия с участием демонстрантов и забастовщиков, которые, таким образом, изображаются как "обычные хулиганы" или "смутьяны", движимые инстинктом агрессивности. Вопрос о справедливости их требований отодвигается как бы на второй план. Особую роль в таких ситуациях играет выбор терминов²⁶.

Как уже отмечалось, особое положение среди СМИ занимает ТВ и другие средства аудиовизуальной информации. Естественное лидерство аудиовизуальных средств связано с их оперативностью. Кроме того, особая значимость ТВ с политической точки зрения определяется тем, что телевизионная аудитория обладает уникальным качеством - она в значительной степени социально нераздельна по сравнению с газетной и особенно с журнальной читательской аудиторией.

Телевидение сегодня превращается в своеобразную разновидность политической коммуникации, которая, с одной стороны, способствует более широкому вовлечению масс в политику, повышению политической культуры и политического образования населения, а с другой - позволяет осуществлять иллю-

---

26 Rocchi J., Bussonet C. Informer. Pourquoi? Comment? P. 50.

зию контакта и быстрой обратной связи между политиками и народом.

Превращение телевидения в одно из средств политического манипулирования изменяет саму сущность политического воздействия, которое приобретает черты театрализации и смешения с шоу-бизнесом. Получает все более широкое распространение термин "политический театр", который в неслабой степени обязан своим закреплением в области политической коммуникации именно телевидению. Сближение политики с шоу-бизнесом нельзя считать случайным. Дело в том, что сами политические деятели в условиях развивающегося и совершенствующегося демократического процесса стремятся или делают вид, что стремятся, к установлению прямого контакта с избирателями, минуя официальные органы представительства. Но именно телевидение и является тем идеальным средством, которое может создать возможность непосредственного контакта с избирателями. Однако сама сущность шоу-бизнеса при этом изменяет роль политического лидера: из глашатая определенных идей партии он превращается в политическую "звезду" со всеми сопутствующими этому статусу атрибутами. На первый план выходит уже не столько программа, которую он выдвигает, сколько интерес к его вкусам и пристрастиям в семейной жизни. Как замечает Ж.-П. Гуревич, "...внимание обращается на домашних животных и их родословную, на семью, обстановку в доме, любимые блюда и т.п."²⁷. Все это приводит к тому, что политическая жизнь превращается в специально организуемый и тщательно подготавливаемый спектакль.

Политические передачи на телевидении часто монтируются так, что могут использоваться для рекламы одного лидера и для дискредитации другого. Одним из весьма распространенных приемов в таких случаях является монтаж противоречивых высказываний какого-либо политического лидера таким образом, что у аудитории после просмотра "спота" (такое название получили особого рода политические видеоклипы) создается впечатление, что этот лидер ведет двойную игру.

Влияние ТВ очень важно в связи с двумя особенностями, которыми оно обладает. Первая - это особый статус телеаудитории в политическом процессе. Телезритель перед экраном телевизионного приемника не чувствует себя одиноким. Он ощущает себя членом того сообщества, которое в данный момент смотрит ту же программу. Участвуя в этом воображаемом форуме, он реагирует

---

²⁷ Gourevitch J.-P. La politique et ses images. P., 1986. P. 38.

в большей степени как составная часть этого сообщества, а не просто как отдельный индивид. Все это вызывает у политического лидера желание заниматься поисками взаимопонимания со зрителями - для того, чтобы привлечь на свою сторону аудиторию всей страны. Второй особенностью является то, что ТВ, располагая колоссальной по численности аудиторией, фактически ставит лицом к лицу власть и страну в целом. Электронные СМИ при этом выполняют роль, которая раньше выпадала на долю органов представительства. Политическая власть реализуется в таком случае через СМИ.

К числу наиболее современных изобретений политической игры можно причислить и так называемые "политические клипы". Все чаще можно слышать утверждение, что Запад уже вступил в эпоху "политических клипов". Это утверждение многим может показаться спорным, однако бесспорно одно - синтетические имиджи, которыми и являются клипы, обладают колоссальными потенциальными возможностями. Искусство видео, электронный монтаж и политический язык повышают эффект воздействия на аудиторию²⁸. Существенным препятствием пока остается лишь то обстоятельство, что 1 сек. "политического клипа" обходится в среднем в 5 тыс. долларов.

Один из ведущих приемов, который используется СМИ для формирования у аудитории целенаправленного выбора - концентрация внимания на определенных людях, фактах, проблемах. Это - один из главных способов оказания поддержки кандидатам на выборах. Более того, до тех пор пока кандидат в президенты не привлек к себе внимания СМИ, он вообще - не кандидат²⁹.

Как уже отмечалось, ТВ превращается во влиятельную политическую силу, а телевизионное действие - в особый вид реальности - в "телевизионную политическую реальность", которая замещает настоящую реальность. При этом на предпочтение избирателей в ходе предвыборной кампании зачастую оказывают влияние специфически кинематографические, а не реально политические характеристики претендентов. Сотрудник Института исследований общественной политики, бывший президент Американской ассоциации политических наук Остин Рэнни приводит пример большого расхождения в оценке дебатов, которые одновременно транслировались по радио и по телевидению между кандидатом на пост президента в 1960 году Дж.Кеннеди и Р.Никсоном. Большинство телезрителей отдали предпочтение

28 *Gourevitch J.-P. La politique et ses images. P. 173.*

29 *Kraus S., Davis D. The Effect of mass communication on political behavior. L., 1978.*

Дж.Кеннеди, тогда как основная масса радиослушателей склонялась к мнению, что победу в дебатах одержал Р.Никсон. Разницу во мнениях О.Рэнни объясняет большей "телегеничностью" Дж.Кеннеди по сравнению с его соперником. Этот факт сыграл, как полагает американский политолог, немалую роль в победе на выборах кандидата от демократической партии, поскольку к этому времени телеаудитория в США в количественном отношении уже намного превосходила радиослушателей. По его свидетельству, сходные победы на президентских выборах 1976 года Дж.Картера и Р.Рейгана в известной степени связаны с тем, что оба одержали верх над соперниками в теледебатах, предшествовавших выборам³⁰.

Понятно, что факт превращения телевидения в политическую реальность или в особую ее разновидность делает весьма значимой расстановку акцентов в подаче новостей и комментариев к ним, поскольку такой акцент приобретает роль фактора определенного политического ориентирования массового сознания и общественного мнения. В связи с этим на американском телевидении, например, существует обязанность соблюдения телекомпаниями так называемой "доктрины справедливости", которая является одним из условий получения лицензий на право вещания от Федеральной комиссии по связям. Смысл этой доктрины заключается в обязательстве освещать вопросы политики с различных точек зрения. Правда, как считают американские авторы, опасность заранее заданной идеологической направленности левого или правого толка американскому ТВ не грозит хотя бы потому, что в составе тележурналистов преобладают люди с либеральной ориентацией. Для них характерен подход к политической реальности, свойственный "прогрессивной" журналистике США конца XIX - начала XX веков, который отличается независимым стилем, недоверием к истеблишменту и т.п.³¹. "Старое и глубокое убеждение журналистов (как, впрочем, и многих американцев) состоит в том, что одна из их главных профессиональных задач и само их существование в свободном обществе заключается в охране общества от правительства", - пишет О.Рэнни³².

Изменение характера политической игры, привносимое средствами массовой информации, в частности, телевидением, оказывает обратное воздействие и на самих политиков, заставляя их учитывать, например, то, что с точки зрения "телегеничности"

---

30 *Ranney A. The Impact of Television on American Politics. N.Y., 1983. P. 28.*

31 *Ibid. P. 50-54.*

32 *Ibid. P. 60-61.*

на экранах выгоднее "смотрятся" и импонируют более широкому кругу зрителей "спокойные" личности, умещающиеся в обстановку непринужденной беседы, а не политики-ораторы, способные своей властной яркой манерой увлечь аудиторию на предвыборном митинге.

Аналогичное воздействие ТВ отмечается и на систему политической власти. В качестве примера можно отметить то обстоятельство, что политическая администрация оказывается иногда вынужденной сокращать сроки претворения в жизнь той или иной конкретной стратегии. Это происходит, в частности, потому, что возрастают экспектации телеаудитории по отношению к политикам, поскольку в соответствии с законами телевизионного жанра зритель ожидает от "героев политических шоу" (депутатов, президента) быстрой реализации их обещаний, программ. Та же ситуация возникает из-за невозможности выбора "жестких" вариантов практического воплощения политических решений в связи с широкой оглаской и шумной реакцией в прессе и на ТВ. Таким образом, приходится говорить об обоюдостром влиянии, о двухстороннем воздействии средств массовой информации на обе стороны политического взаимодействия - как на политиков, так и на аудиторию.

Именно в связи с этой двухсторонностью возникают такие разновидности воздействия, как запретительные меры, которые принимаются даже в развитых демократических обществах. Так, например, успех "ограниченной" войны Великобритании против Аргентины в противоположность провалу американской войны во Вьетнаме некоторые авторы объясняют среди прочего и тем, что правительство М.Тэтчер запретило репортажи ТВ с театра военных действий. В отличие от этого трансляция репортажей знаменитого американского телеобозревателя У.Кронкайта, в которых американская война во Вьетнаме была представлена проигранной, сформировали отрицательное отношение американцев к этой войне, что заставило администрацию Джонсона прекратить ее.

3. Субъект и объект политического влияния и манипулирования

Субъект - источник практическо-политической активности, направленной на объект. Это лицо или группа лиц, имеющие широкие возможности для реализации своей воли, в интересах которых осуществляется политическое влияние и манипулирование.

По расчетам американских ученых Д.Палеца и Р.Эйтмана, лица, определяющие политику страны, составляют менее 1%. Сюда входят государственные деятели, руководители корпораций, лидеры общепризнанных общественных движений, ряд известных профессоров, маститые журналисты. К ним примыкает еще 10-15% населения, так называемые благонамеренные люди с относительно высокой степенью политической информированности, следящие за политическими событиями. Их участие в политической жизни выходит за рамки простого участия в голосовании на выборах. Эта категория представлена управляющими, врачами, адвокатами и т.д., а также членами их семей. Именно они создают добровольные общества, группы давления и объединяются в поддержку того или иного кандидата. Многие конгрессмены опираются на эти группы и прислушиваются к их рекомендациям.

Судьба общества во многом зависит от взглядов и характера политических деятелей, особенно в переходный период от тоталитарных режимов к демократическим. Личностные характеристики, качества и свойства сменяющих друг друга политических руководителей существенно определяют основные циклы, методы, характер и содержание политического правления, политического функционирования и развития общества. В демократических режимах роль политических лидеров особенно заметна тогда, когда проявляется тенденция к политической персонификации, т.е. к выдвижению политических руководителей, самых высших из них, в центр функционирования и развития общественно-политического механизма.

Особое положение политических деятелей в общественно-политической системе вызывает повышенный интерес к их личности, поведению и деятельности. Это заставляет политиков заботиться о своем авторитете, престиже, стремиться к известности, популярности, привлекательности, добиваться уважения и одобрения своей деятельности. Политические деятели нуждаются в том, чтобы граждане верили им, выражали свои симпатии, голосовали за них, оказывали поддержку. Доверие к себе они сочетают с признанием себя в качестве функционеров, наделенных соответствующей властью и могуществом³³. Одним из важных условий влияния вождя, особенно в начальном периоде политической деятельности, является наличие ораторского таланта. Никакая масса не может противостоять эстетическому и эмоци-

---

³³ См.: Крамник В.В. Социально-политические механизмы политической власти. Л., 1991. С. 37-38.

ональному воздействию слова. Сила слова завораживает людей и в результате они становятся покорными воле оратора. В демократической системе ораторы и журналисты являются естественными вождями. Авторитет, который оратор завоевывает у масс, безграничен. При этом масса больше ценит ораторские способности как таковые: приятный тембр голоса, находчивость, остроумие. На содержание самого выступления, его серьезность и аргументированность она в целом обращает мало внимания. Крикливый оратор, появляющийся то в одном, то в другом месте, добивается большей популярности, чем создающий за письменным столом реальные ценности член партии, который мало говорит, но больше работает.

Значимость роли оратора и самого красноречия в жизни общества в процессе его демократизации подтверждается и историческими примерами. Известно, что наибольшего развития искусство красноречия достигло в таких странах Древнего мира, как Греция и Римская империя. В условиях расцвета греческой демократии выступления ораторов собирали до 20 тыс. слушателей. В Риме своего пика ораторское искусство достигло в республиканскую эпоху. Красноречие было одной из трех важнейших частей системы подготовки политических деятелей наряду с искусством управления государством и правоведением. Две основные добродетели считались необходимыми для каждого гражданина: военное искусство и красноречие.

Значение слова и его влияние на жизнь демократических обществ было связано со стремлением воздействовать на процесс принятия решений индивидом и на его поступки с помощью убеждения, а не через использование силы - метода, характерного для всех тиранических структур. Исторически это хорошо иллюстрируется на примере Древнего Рима, в котором по мере установления императорской власти ораторское искусство приходит в упадок. Место убеждающего слова занимает воля императора. Свободные речи пресекаются, разрешаются лишь речи по поводу того или иного торжественного события или "славословия". Отсутствие демократии делает красноречие практически ненужным. И напротив, именно развитие общества по пути демократизации, когда необходимым становится не манипулирование слушателем, а развитие его мыслительных и критических навыков, способностей к собственному суждению, выдвигает на одно из первых мест значение оратора как политической фигуры и ораторского искусства как одного из средств политического влияния. Именно в такие эпохи существенным становится различие между настоящим оратором и так называемым "ритором",

"демагогом". В то время как оратор стремится к истине, демагог довольствуется достижением внешнего эффекта, применяя для этой цели все возможные средства манипулирования слушателями. Именно повышением роли оратора в формировании убеждающего воздействия на аудиторию объясняется необычное оживление интереса к риторике в развитых демократиях Запада. Так библиография работ по проблемам риторики и красноречия, вышедших в США, насчитывает более 10 тысяч названий. Почти во всех крупных университетах США имеются институты, в которых представители влиятельных политических и экономических слоев обучаются приемам ведения дискуссий и проведения совещаний.

Большое внимание анализу качеств политических деятелей (вождей) уделял крупный немецкий социолог Р. Михельс в работе "Социология партий в условиях демократий" (1911)³⁴. Многие его выводы сохранили свое принципиальное значение и для современной политической практики. Михельс выделяет такие личные качества, которые помогают отдельным индивидам управлять массами. Они многообразны, но главное из них - это энергичная воля, подчиняющая себе более слабую. Большое впечатление производят и превосходство в знаниях, и непреклонная убежденность, нередко граничащая с фанатизмом и своим напором внушающая уважение массам. Прочная вера в самого себя, даже если порой она сочетается с высокомерием, передается и массам. Но больше всего массы подвластны знаменитостям. Знаменитому человеку стоит только пошвырнуть пальцем, чтобы получить для себя политическую роль. Массы считают для себя большой честью, если могут предложить знаменитому человеку почетное место: они всегда преклоняются перед славой. Человек, увенчанный лавровым венком, заранее воспринимается массами как полубожество.

Ну а как обстоит дело с вождями - выходцами из рабочей среды? Вождь из рабочих в короткое время приобретает вначале лишь формальные, а затем и конкретные знания, которые на перспективу обеспечивают ему все большее превосходство по сравнению с рядовыми членами партии. Чем больше усложняется деятельность политика, требующая профессиональных знаний и опыта для ориентации в общественной жизни, чем более необозримыми становятся основоположения социального зако-

---

³⁴ См.: *Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie.* Leipzig, 1911. S. 67.

подательства, тем больше увеличивается дистанция между вождями и рядовыми членами партии, в результате чего первые утрачивают чувство общности со своим классом. Кроме того, возникают настоящие классовые различия между вождями из бывших пролетариев и пролетарскими массами. Так рабочие собственными усилиями создают себе новых господ, у которых более высокий уровень образования становится мощным орудием в борьбе за господство.

Все партии стремятся попасть в парламент. Но работа в парламенте, которой вожди занимаются вначале неохотно, а затем со все большим рвением, еще более отдаляет их от своих избирателей. Массы в конце концов оказываются в зависимости от вождей, постоянно подрывающих демократический принцип. Самая сильная претензия вождей - претензия на незаменимость.

Наиболее прочную опору власти вождей создает некомпетентность массы, проявляющаяся повсюду, за исключением отдельных немногих принципиальных вопросов, по которым она к тому же не в состоянии сформулировать решения, а сформулированные - проанализировать. Одновременно масса дает как практическо-политическое, так и до определенной степени моральное оправдание этой власти. Объективная неспособность масс самостоятельно решать свои вопросы делает необходимым существование поверенных, т.е. избранных представителей.

Понимание незрелости массы и невозможности полного осуществления принципа суверенитета заставляет даже возвышенные умы высказывать предложения об ограничении демократии самой демократией.

В конечном счете демократия превращается в форму господства лучших, в аристократию. Вожди - это лучшие из лучших, профессионально и нравственно более зрелые, стало быть они не только в праве, но и просто обязаны упрочивать свое положение. Вожди, пишет Михельс, живут в партии, стареют на ее службе и умирают. Долговременное пребывание вождей на посту опасно для демократии. Поэтому осмотрительные демократические корпорации стремятся к тому, чтобы раздавать все руководящие посты только на короткий срок.

Возникающие в результате выборов внутри властных структур высшие партийные инстанции - демократические по своей природе - настойчиво добиваются, чтобы пожизненно продлить полученные ими "полномочия". Их необходимое по уставу утверждение становится формальным делом, пустой банальностью. Полномочия становятся должностью, а должность постоянным местом работы. Верхушка превращается в неизменный и непри-

косновенный институт как любая аристократическая корпорация. Время пребывания на высших государственных постах значительно превышает средний срок пребывания в должности министров в монархическом государстве.

Сильным средством завоевания масс, сохранения и усиления над ними господства является пресса. Она более всего способна прославить отдельных вождей и популяризировать их имена. В отдельных странах вожди пользуются прессой как средством господства над массой, учитывая и используя при этом национальные традиции. Пресса всегда находится в руках вождей и никогда не принадлежит руководимым.

Концентрация власти в руках немногих с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению властью. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами - это истина, которую познал еще Гёте, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Массы терпят от выдвинутых ими вождями много несправедливости, которую не потерпели бы от правительства. Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается формирование касты.

Современная партия, как и современное государство, стремится к тому, чтобы создать возможно более широкую базу, привязать к себе большее число приверженцев, а отсюда возникает необходимость в единой бюрократии. Дух бюрократизма губит характеры и в худшую сторону меняет, портит взгляды людей. В любой бюрократии господствует карьеризм, расчет на повышение в должности и тем самым на милость начальников, помыкание низами, смиренное пресмыкательство перед теми, кто наверху. В качестве иллюстрации Михельс приводит следующий пример: Генеральный совет социал-демократической партии в важнейших теоретических и организационно-практических вопросах фактически в течение нескольких лет подчинялся воле одного К.Маркса. Этот совет, и особенно Маркс, обвинялись членами партии в отрицании принципов социализма, поскольку из-за своей неутомимой жадности господства вносили в рабочую политику принципы авторитаризма. На гаагском конгрессе (1872) авторитаристы одержали полную победу над антиавторитаристами с помощью авторитарных методов (охота за мандатами, проведение партийного съезда в недоступном или труднодоступном месте). Но вскоре обвинения Маркса во властолюбии раздались уже со стороны самих членов Генерального совета. Он оказался поочередно покинутым французскими поборниками революции,

вождями английских профсоюзов и немецкими эмигрантами в Англии. Олигархи, по словам Михельса, отбросили вуаль, маскировавшую монархию.

Борьба вождей друг с другом

Считается, замечает Михельс, что народные революции пожирали своих вождей. Это утверждение основано на неверном наблюдении. Не массы пожирали вождей, а вожди сами пожирали друг друга: Дантон пал от руки Робеспьера, Робеспьер - от остальных уцелевших сторонников Дантона. Наиболее часто расхождения между группами вождей происходят по двум причинам. Во-первых, в силу объективных, принципиальных различий в мировоззрении или в понимании стратегии и тактики. Во-вторых, по личным мотивам: антипатия, зависть, недоброжелательность, беззащитная борьба за лидерство, демагогия или, образно выражаясь, потому, что двум петухам в одном курятнике слишком тесно. Обычно эти причины проявляются в неявной, смешанной форме. Со временем первая порождает вторую, а вторая всегда стыдливо пытается выдать себя за первую.

Существованию олигархии, порождаемой демократией, угрожают две враждебные силы: демократические выступления масс и тесно связанный с ними, а, может быть, и являющийся их следствием - переход к монархии, совершаемый путем завоевания власти одним из олигархов. Возмутители спокойствия - с одной стороны, и узурпаторы - с другой. Отсюда в партиях наблюдается тот глубокий недостаток подлинного братства, то есть доверия между людьми, который стал одним из источников взаимного отчуждения и одним из самых существенных признаков демократии. Недоверие направлено прежде всего против претендентов на роль вождя в собственных рядах.

Если вожди не нажили состояния с самого начала или не имеют иных источников дохода, то за свои посты они держатся по экономическим мотивам, срастаясь с ними отнюдь не только в силу психологических причин. Утрата постов была бы для них равнозначна банкротству. Возврат в первоначальное состояние, из которого они вышли, был бы в большинстве случаев невозможным. Психологически они как вожди, пользующиеся славой и привилегиями своего незначительного господствующего положения, не смогли бы вписаться в старую среду. Если брать профессиональный аспект, то свои прежние навыки они утратили и стали непригодными к любой иной работе, кроме партийной

агитации. На их руках уже нет мозолей, а суставы болят от чрезмерной писанины.

Видные ученые, развернувшие активную деятельность в партии в качестве журналистов, агитаторов или депутатов, постепенно утрачивают свои способности, ибо, поглощенные повседневными политическими буднями, они не имеют времени для совершенствования и углубленной научной работы.

Объект политического влияния и манипуляции - широкие массы, различные социальные слои, т.е. ведомое большинство, возглавляемое ведущим меньшинством. Усложнение общественной жизни, усиление ее противоречивости, неравномерное распределение образования, культуры и информации среди населения неизбежно ведут к образованию познавательных барьеров, сохранению и увеличению препятствий, затрудняющих осмысление индивидами основ общественно-политической жизни. Человеку становится все труднее разбираться в происходящем, охватывать общественно-политический процесс в целом, быть компетентным в его главных вопросах, отражать его в виде единого, системного образа, оценивать общий характер общественных событий и проблем. Поэтому происходит выработка бессознательного отношения к общественно-политической действительности (бессознательного - в смысле непонимания до конца сущности общественно-политических явлений).

В современном обществе, несмотря на широкую информированность населения, такое отношение к общественной жизни совсем не исчезло и в принципе не может исчезнуть. Это объясняется в значительной степени особенностями психологии и мировосприятия масс. Не секрет, что большинство испытывает удовольствие, когда находятся люди, готовые вести за них дела. Потребность в руководстве, чаще связанная с активным культом героя, проявляется в массах, в том числе и в организованных рабочих партиях, неограниченно. Часто политические партии настолько отождествляют себя с вождем, что получают свое название от его имени, как будто являются принадлежащей ему вещью. Господство партийных вождей над партийными массами основывается, кроме всего прочего, на широко распространенном суеверном почитании, которое оказывается вождям из-за их формального статуса. Массы испытывают глубокую потребность в почитании личности. В своем примитивном идеализме они нуждаются в земных божествах, которым следуют со слепой верой тем больше, чем сильнее их захватывает грубая жизнь. Б.Шоу в своей парадоксальной манере называл демократию

скоплением идолопоклонников в противоположность аристократии, являющейся скоплением идолов.

По данным Палеса и Энтмана, приблизительно 60% населения (масса) мало интересуется политикой. Представители этой группы в основном просматривают местные газеты, эпизодически смотрят телепрограммы новостей и весьма редко читают престижные издания. Их политические приверженности и взгляды изменчивы, понимание политической жизни ограничено, однако их многочисленность влияет на результаты выборов.

Наконец, еще 25% аполитичны. У этих людей примитивное представление о политике, они практически не пользуются услугами "масс медиа". В выборах участвуют чрезвычайно редко.

Политические взгляды, порождаемые элитой, подхватываются "благонамеренными", затем достигают урзния масс и определяют их взгляды. Аполитичные исключаются из этого процесса, так как их внимание привлекают лишь исключительно коллизии и происшествия.

Вырисовывается картина, которая позволяет понять, на чем основывается отрицательная оценка "влияния" в современных обществах, считающихся демократическими. Из вышеприведенных данных ясно, что реальное влияние на принятие государственно важных решений в стране оказывают не более 16% всего населения США. Основная же масса - около 60% - сама является тем потенциальным "материалом", который подвергается политическому воздействию. Его результаты наиболее заметны во время президентских выборов, определяющих общий курс развития страны. Именно такое положение дел позволяет говорить о влиянии в отрицательном смысле и часто отождествлять его с прямым манипулированием общественным мнением. Этот акцент еще более усиливается тем фактом, что влияние основной массы населения на кардинальное принятие решений происходит в течение очень ограниченных отрезков политического времени - только во время выборов и референдумов. Во всех остальных случаях доступными для граждан остаются только такие меры политического воздействия, как митинги, демонстрации, протесты и т.п., которые относят к мерам ненасильственного сопротивления политическому режиму.

Развитие той составляющей политического влияния, которая идет снизу вверх, - то есть собственно "демократической" составляющей, - непосредственно связано с общими проблемами развития политической культуры в стране. Она предполагает прежде

всего способность масс разбираться в сути политических решений, определяющих стратегию развития данного общества. Она подразумевает также определенную степень гражданской зрелости и гражданской активности масс, необходимых для демократического воздействия на руководящие слои общества.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но эта проблема актуальна для всех стран - и для высокоразвитых государств западного мира, и для слаборазвитых регионов так называемого "третьего мира". Различна только сама постановка проблемы.

Для европейских стран эта проблема формулируется как проблема разрыва между культурным уровнем народных масс и интеллектуальной элитой. Ситуация выглядит таким образом, что "...существует как бы две нации с совершенно несхожими социально-культурными установками"³⁵. Возникает как бы "...двойная социальная коммуникация, в одном случае - высокого качества, предназначенная для незначительного меньшинства, во втором - развлекательного характера, рассчитанная на потребу широких слоев населения"³⁶. По оценкам социологов, различного рода развлекательные программы собирают массовую аудиторию, насчитывающую не менее 15-20% общего количества зрителей, а передачи "высокого интеллектуального уровня" (которые на профессиональном жаргоне работников телевидения Франции обозначаются аббревиатурой "ЭПМ", составленной из начальных букв французского выражения "et puis merde" - "А затем дерьмо") привлекают внимание не более 2-3% телезрителей.

Среди причин столь резкого различия в популярности развлекательных и серьезных программ называют объективные и субъективные факторы. Важнейшим среди объективных факторов является общий разрыв между народной и элитарной культурами. Главный субъективный фактор, - по мнению Франсуа де Клозе, автора ряда работ, посвященных социально-политическим аспектам НТР, - роль творческой интеллигенции в обществе. "Именно интеллигенция вызвала полную деградацию культурной жизни в развитых странах, где элита производит культуру исключительно для самой себя, а народ вынужден удовлетворяться низкопробной, коммерческой культурной продукцией"³⁷.

По-иному выглядит эта проблема в странах "третьего мира". По свидетельству французского исследователя Э.Буржа, главное зло в политике СМИ в слаборазвитых странах представляет мо-

35 *Closets F. De Le systeme R.P.M. Paris, 1980. P. 16.*

36 *Ibid. P. 14.*

37 *Ibid. P. 14.*

нополия в области международной информации крупнейших западных агентств, распространяющих в остальном мире "информационное сырье". Развитые страны, обладая технологическими преимуществами, оказывают на развивающиеся страны не только экономическое и технологическое влияние, но также большое психологическое и социальное воздействие. Ведущая роль в этом принадлежит современным СМИ, которые способствуют распространению господствующих в западных странах идеологий и культур. Как подчеркивает Э.Бурж, в коммуникационном плане, как и в области экономических отношений, появляется новая диалектика хозяина и раба, которая культивирует недопонимание, неравенство и несправедливость.

В Азии формирование общественного мнения находится полностью в руках транснациональных корпораций. Сходное положение наблюдается в Африке, где широко распространены газеты, журналы, фильмы, теле- и радиопродукция западных стран. Ситуация такова, что даже информацию о "третьем мире" эти страны вынуждены получать через западные СМК - радиостанции "Би-Би-Си", "Голос Америки", "Немецкую волну" и другие. Что касается Латинской Америки, то здесь, по признанию Буржа, можно говорить о настоящем американском засилье - настолько информационное пространство этих стран наводнено американскими фильмами и программами. Очевидно, что западные информационные агентства в настоящее время являются проводниками западной цивилизации, западных ценностей. Американские фильмы в значительной мере способствуют ассимиляции моделей и идеологических форм европейского общества. Разный уровень развития в этих странах ведет и к разным последствиям при проведении одной и той же информационной политики. Для западных стран информация - это всего лишь распространение новостей и обмен ими, независимо от их содержания. Даже в том случае, когда журналист высказывает собственное мнение, оно не оказывает большого политического влияния на события и на мнение аудитории. Совсем по-другому обстоит дело в развивающихся странах, вступивших на путь модернизации. В них информация - средство построения общества, а журналист - это борец и партийный деятель. Здесь воздействие передаваемых фактов может иметь намного большее значение для ориентации населения, чем в странах с устойчивой организационно-политической структурой.

Немаловажно и влияние самой структуры информации. Для западной системы информации характерна концентрация внимания на недостатках, поскольку достижения считаются само со-

бой разумеющимися. Акцент в информационном потоке на катастрофах, беспорядках, государственных переворотах и т.д. в развивающихся странах порождает совершенно иную реакцию аудитории, нежели в развитых странах. В странах "третьего мира" такая информация вызывает страх, пессимизм, апатию и гражданскую пассивность. Как подчеркивает Бурж, "свободный поток информации" как принцип, по которому действуют западные агентства, имеет все пороки экономического либерализма, т.е. идет на пользу сильному в ущерб слабому при официальном провозглашении принципа одинаковых шансов для всех.

Особенностью СМИ является то, что любое влияние "масс медиа" есть влияние на индивида. Даже когда речь идет о влиянии СМИ на институты, подразумевается их влияние на индивидов. Так влияние СМИ на парламент означает способность вызывать изменения в политических отношениях членов парламента между собой или с другими influentialными лицами.

Определенной заслугой "демократического" видения мира является то, что именно демократический настрой привлек внимание исследователей к изучению психологии "объекта воздействия", т.е. индивида. Долгое время полагали, что успех воздействия целиком и полностью зависит от "умелости" и изобретности воздействующего, и почти совершенно не принимали во внимание самостоятельную и активную роль реципиента информации.

Однако подавляющее большинство взрослых людей, как указывает, например, Ф. де Клозе, обладает уже сформированной системой духовных ценностей, обусловленной прежде всего семейным воспитанием и социальным опытом. Вступая в контакт с СМИ, индивид с присутствием ему "естественным консерватизмом" подсознательно ищет подтверждения своих взглядов и отвергает все, что им противоречит. По словам другого французского исследователя Ж.Казенева, "...если "масс медиа"... и утверждают людей в их уже сформированных убеждениях, то это происходит потому, что люди имеют естественную склонность искать информацию там, где она подается в соответствии с их представлениями и верованиями. Индивид обычно любит слушать и смотреть лишь то, что ему нравится. В конечном счете только это он и запоминает. Напротив, он быстро забывает информацию, которая идет вразрез с его убеждениями"³⁸. Этот тезис, подчеркивает автор, подтверждается работами американского ученого Лазарсфельда, изучавшего воздействие

---

³⁸ Closets F. De Le systeme R.P.M. P. 16.

радио на массовое сознание. Лазерфельд пришел к выводу, что в целом общественное мнение формируется преимущественно на уровне межличностных контактов, а радиопередачи играют в этом процессе второстепенную роль. Он установил также, что в рамках каждой социальной группы существует своего рода "создатели общественного мнения", высказывания которых имеют весьма важное значение для идеологических и поведенческих установок окружающих. "Подобное взаимодействие между людьми может повторяться на различных иерархических уровнях, вызывая ценную реакцию. Последняя, таким образом, всегда исходит от человека, а не непосредственно от масс медиа"³⁹.

Следовательно, любая информация, прежде чем будет воспринята индивидом и окажет влияние на его поведение, проходит через сложный фильтр социального опыта и социальных связей, в хитросплетении которых взаимодействуют люди. Это взаимодействие в рамках непосредственных контактов оказывается более эффективным, нежели широкомасштабное воздействие при помощи радиоволн⁴⁰. Данный вывод, по мнению Буржа, подтверждает случай с электоратом Французской коммунистической партии. Как показывают опросы общественного мнения, избиратели ФКП уделяют достаточно много времени просмотру политических теленеделяч и при этом без особых усилий противостоят влиянию ведущих политических обозревателей, которые, как правило, не высказывают симпатий к коммунизму. Здесь особенно примечательно то, что как бы не менялись методы и приемы антикоммунистической пропаганды на французском телевидении за последние годы, удельный вес избирателей ФКП во Французском электорате фактически оставался неизменным.

Ту же самостоятельность в формировании личного мнения индивида и сложный характер восприятия внешнего воздействия отмечает американский психолог и социолог М.Смит⁴¹, который делает особый акцент на активной роли реципиента. Теория и практика политического влияния, постоянно имея в качестве объекта изучения и воздействия индивида или "человеческий фактор", долгое время упускали из вида одно существенное обстоятельство - активный характер реципиента в процессе восприятия информации. Делался акцент на разработку способов и методов убеждения, которые фактически интерпретировались как

---

³⁹ *Closets F. De Le systeme R.P.M. P. 108.*

⁴⁰ *Ibid. P. 108.*

⁴¹ *Smith M.J. Persuasion and human action: a review and critique of the social influence theories. Belmont, 1982.*

принуждение. Увлечение "манипулированием" информацией совершенно игнорировало тот факт, что люди по своей природе активны, что они способны к самоопределению и что в конечном счете всякий акт влияния и убеждающего воздействия проходит обязательно стадию индивидуальной интерпретации.

Многие современные теории убеждения недооценивают, а иногда и полностью игнорируют активную роль убеждаемых, что на практике приводит к получению результатов, обратных ожидаемым от конкретного процесса убеждения. Имеет место недооценка возможностей "модификации" поведения и мышления людей независимо от их воли, убеждений и интересов. В связи с этим в западных работах в последние годы выделяют приверженцев механистической и деятельностной моделей воздействия на личность. Если первые больше полагаются на внешние убеждающие манипуляции с пассивными реципиентами, то сторонники второй модели делают упор на управление человеческим поведением посредством манипулирования определенными качествами индивида.

Активность убеждаемых состоит прежде всего в том, что они самостоятельно интерпретируют смысл обращенных к ним символических сообщений в соответствии с комплексами личных убеждений и чувств. В конечном счете успешность убеждения зависит от способности убеждающего изменять эти "познавательные схемы" убеждаемых. Но поскольку до сих пор действительные способы изменения таких схем не найдены, то подлинное убеждение является, по сути дела, "самоубеждением", "самоубеждением". А поэтому главная задача субъекта влияния состоит в правильном понимании реципиентов и способов их классификации, а также в поиске механизмов "вписывания" в конкретные "познавательные схемы"⁴².

М.Смит различает в этой связи два типа познавательных схем - "схему-я" и "схему-другого". Первая представляет собой "познавательные обобщения" самой воспринимаемой личности и имеет вербальное выражение, вторая относится к обобщенному знанию индивида о других людях и идеях и предстает в основном в зрительных образах. Важным следствием для процесса воздействия и убеждения является вывод автора о том, что убеждают не слова, а чисто внешние приметы. Именно эти или сходные выводы, возможно, лежат в основе получившей на Западе в последние десятилетия теории имиджа, если можно

---

⁴² *Smith M.J. Persuasion and human action: a review and critique of the social influence theories.* P. 7.

говорить об этом как о теории. В самом деле, политические кандидаты все чаще обращаются к специалистам, определяющим наиболее выигрышные для них стиль, прическу, одежду, манеры, которые соответствуют представлениям о политике в кругу людей среднего класса. Именно таким образом был выработан, как известно, стиль Маргарет Тэтчер, стиль деловой английской женщины-политика. В связи с этим существенным оказывается обстоятельство, что в современной политической игре, главным образом в ее предвыборной стадии, решающее значение имеют не программные установки кандидатов, а их соответствие стереотипам конкретных групп избирателей.

Важным моментом в процессе активного изменения реципиентом своей позиции является поиск позитивных оснований для принятия новой точки зрения. Другими словами, в процессе изменения внутренней установки индивид стремится отыскать в новой для него ситуации желательные аспекты и перспективы. Возможно, именно здесь и скрыты потенциалы убеждающего воздействия, которые должны "рисовать" положительные стороны желаемого будущего. Этот момент должен быть в достаточной мере учтен в случае резких и кардинальных социальных изменений в обществе, к которым большинство населения может оказаться совершенно не готовым из-за элементарного отсутствия позитивной убеждающей информации об этом новом будущем. Здесь же коренятся причины реакций сопротивления и привязанности к прошлому и его ценностям. Важно, однако, постоянно отдавать себе отчет в том, что люди даже в процессе получения необходимой или новой информации все же остаются активными реципиентами, и всегда преобразуют и интерпретируют ее самостоятельно. Так что никогда не следует ожидать стопроцентного соответствия убеждающего воздействия результатам убеждения. С другой стороны, нужно отметить и несомненную ценность убеждения, основанного в конечном счете на самоубеждении. Выработанная на основе такого убеждения установка гораздо более эффективна и прочна по сравнению с чисто механическим, внешним, даже принудительным и репрессивным воздействием. Именно на такого рода "стимулировании сознания" убеждаемых строится, в частности, идея "прививок" против манипулирования сознанием. С этой целью для закрепления внушаемых идеалов последние подвергаются легкой критике в духе враждебной пропаганды, и затем убеждаемому самому предоставляют возможность опровергнуть эту критику, обеспечивая его при этом необходимой информацией.

Учет активности процесса формирования убеждений позволяет определить некоторые психологические принципы воздействия. М.Смит выделяет, например, такую модель убеждения, которую иронически определяет расхожим изречением "протыни палец - всю руку отхватит". Суть ее состоит в том, что если человека удалось вовлечь в ту или иную ситуацию хотя бы в незначительной степени, то уже намного проще убедить его окончательно. Другую модель убеждения он определяет выражением "широта притяжения" того или иного отношения. Смысл ее в том, что если индивид допускает нечто для себя в порядке исключения, то имеется большая вероятность того, что он одобрит и более крайние позиции⁴³.

Для формирования новых убеждений и подготовки социальных изменений в обществе нужно учитывать и такой общезвестный, но оттого не теряющий своей важности факт, как конформизм. Он способствует стабилизации группы и предполагает подчинение индивида групповым нормам - правилам, регулирующим отношения и поведение членов группы в интересах группы в целом.

Фактором, благоприятствующим изменениям и, следовательно, возможностям влияния и убеждения индивидов, является наличие различия между подлинной и мнимой конформностью. Именно феномен мнимой конформности оставляет место для реализации убеждающего воздействия на индивидов, если цель убеждающего - принятие реципиентом новой позиции. В теории групп отмечается феномен, когда именно группа провоцирует поведение, которое индивид никогда бы не продемонстрировал в случае одиночных действий. Этот феномен "заражающего" поведения осуществляется в результате снятия внутренних запретов примерами желаемого поведения отдельных членов группы. Данное замечание особенно важно для процесса реализации социальных практик нового типа хозяйствования, на которые средний индивид никогда бы не решился сам, если бы не "заражающий" пример наиболее активных и рискованных членов группы, к которой он принадлежит.

Более углубленные исследования средств воздействия на реципиента в современных обществах на практике привели к тому, что "манипулирование" общественным мнением стало более утонченным и изощренным. Стали учитываться особенности восприятия и переработки информации реципиентом. Это, в

---

⁴³ *Smith M.J. Persuasion and human action: a review and critique of the social influence theories. P. 149-151.*

частности, проявилось и в тех рекомендациях, которые вырабатывались соответствующими службами при проведении избирательных кампаний, при выступлениях по телесвидению и т.п. Так, например, известно, что телезрители предпочитают выступления профессионального политика развлекательным программам только в том случае, если они рассчитывают услышать что-либо необычайное. Это обстоятельство привело к тому, что появились целые телевизионные шоу.

Было подмечено также, что основная масса телезрителей смотрит политические программы только тогда, когда получает при этом значительное количество информации. Политические деятели должны учитывать это обстоятельство, если хотят привлечь к себе внимание аудитории. Для оказания влияния на зрителей они должны стремиться к сообщению информации, а не к коммуникации через различного рода ритуальные заклинания. Ошибка представителей некоторых политических партий, заключается в том, что "они тяготеют к тому, чтобы одни и те же, повторяемые сотни раз, сообщения разнообразились с помощью ритуала. Именно тогда они ощущают себя членами единой общности, борцами за общее дело... Представители партий хотели бы, чтобы выступления перед телевизионной камерой были своего рода митингами"⁴⁴. Выход из этой ситуации может быть только один - информационное обогащение содержания передач политического характера. Специальные исследования показывают, что "богатые" в содержательном отношении передачи оставляют глубокий след в сознании телезрителей даже при их политической неангажированности - "нейтральности".

---

⁴⁴ Closets... P. 123.

Отношения человека и власти в политической философии Т.Гоббса

Гоббс открыл и исследовал немало "вечных" проблем власти и политики и поэтому не случаен "ренессанс" Гоббса во второй половине XX в. Одни исследователи, как, например, Ж.Арендт, видят в абсолютизме Гоббса, в его "Левиафане" преддверие современного тоталитаризма. Другие - со времен Локка - считают его создателем и исследователем основ либерализма и демократии со специфической для них техникой изживания и предупреждения конфликтов, организации внутреннего мира и концентрации внимания на человеке и человеческой, чувственной природе власти. Но как бы то ни было, философские размышления Гоббса об отношениях человека и государства, о механизмах этих отношений представляют собой глубокий анализ универсальных политических ситуаций. Он всегда современен и даже весьма злободневен, особенно для этапов переходных периодов в истории любого государства.

В чем же состоит суть его концепции? Власть государства представлялась Гоббсу чудовищем - Левиафаном, наделенным особыми качествами, характерным поведением, орудиями господства, приемами, которые определяли отношения этого политического организма с обществом и отдельным человеком. Вслед за Н.Макиавелли и Ж.Боденом он стремился объяснить механизм формирования европейского государства Нового времени, новую технику власти, ее новый статус.

Гоббс обнаружил понимание сложных взаимодействий, обеспечивающих функционирование власти формирующегося государства. Если естественное право как неограниченная свобода является причиной постоянной войны всех против всех, то от него, как и от подобной свободы, по мнению Гоббса, необходимо отказаться. "Право всех на все не должно сохраняться, некоторые же отдельные права следует либо перенести на других, либо отказаться от них"¹. Фактически ни один человек не может передать

---

¹ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 295.

другому никаких прав, которыми тот не обладал бы до заключения соглашения, поскольку в естественном состоянии каждому уже принадлежит право на все. То же можно сказать и о договоре (взаимном перенесении прав), заключенном как внутри группы, так и между группой и одним лицом. Поэтому единственной возможностью заменить естественное право законом будет именно отказ группы от своих прав в пользу одного лица. При этом тот, в чью пользу отчуждаются права, на деле никаких новых прав не получает: у него просто появляется возможность реализовывать уже имеющееся у него право без каких-либо помех со стороны остальных людей, которые, в свою очередь, при заключении соглашения обязуются не противиться его воле. Поэтому государство для Гоббса является одним лицом, "искусственным человеком", единой личностью, "чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех, с тем чтобы оно имело возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира"². Так образуется гражданское общество (которое Гоббс отождествляет с политическим обществом, с государством). Основным его признаком является наличие суверена (носителя власти) и граждан (подданных), объединившихся в государство.

Гоббс открывает принципиальный смысл техники соглашений, договорных отношений в политике, которые стали основой сформировавшегося впоследствии демократического общества и власти. Особое внимание философ уделяет такому важному элементу демократической процедуры, как отношения большинства и меньшинства.

Для создания государства требуется добровольное согласие всех членов общества. Однако при определенных условиях достаточно, чтобы соглашение заключили не все люди, а их подавляющее большинство. В этом случае государство будет образовано независимо от той позиции, которую занимают несогласные, после чего вновь образованное государство, пользуясь своей силой, сможет применить против них, как против врагов, свое исконное право на поддержание мира.

Верховной властью в государстве, как было сказано, обладает тот человек (или собрание), воле которого подчинили свою волю "естественные лица", отказавшись от права на сопротивление. Но при этом право на самосохранение (и как следствие - право на самооборону), остается неотъемлемым правом человека, оно остается за ним даже после полной передачи всех его прав вер-

---

² Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 331.

ховной власти. В случае нарушения закона провинившийся должен быть наказан, но и в случае наказания, налагаемого законной властью, у человека сохраняется право на самооборону. Лояльность остальных членов общества в этой ситуации выражается именно в несопротивлении действиям власти и неоказании помощи провинившемуся. Вообще говоря, лояльность в отношении власти, как ее понимает Гоббс, означает полную пассивность: граждане обязуются не пользоваться переданными правами, не нарушать изданных властью законов и не оказывать власти сопротивления (кроме самообороны). Государство не является единственным гражданским лицом: им может считаться любое собрание людей, заключивших определенное соглашение. Например, это может быть купеческий союз, объединившийся для совместного ведения дела. Однако такой союз не может считаться государством, поскольку его члены не отказались от всех своих прав (а лишь от части их) в пользу сообщества и потому всегда могут предъявить к нему свои претензии или разорвать договор, что невозможно в государстве: полный отказ от своих прав подразумевает и отказ от претензий к государству, и отказ от права заключать или расторгать договор.

Естественный закон сам по себе, даже будучи осознанным, не несет никаких гарантий его исполнения: его соблюдение - условие необходимое, но далеко не достаточное. Более того, естественный закон, по мнению Гоббса, не является законом в строгом смысле этого слова. Естественный закон, как и законы природы, есть лишь вывод нашего разума. Поэтому, чтобы представить естественный закон именно в виде юридического закона, то есть повеления, Гоббс обращается к теологии. Он указывает на то, что содержание всех выводов из естественного закона (а их Гоббс перечисляет около двадцати) так или иначе отражено в Священном писании, что дает возможность говорить о них именно как о высказанных законах. Однако в естественном состоянии люди, обладающие свободой воли, то есть действующие согласно своему мнению (основывающемуся как на разуме, так и на страстях, стремлениях, надеждах и т.д.) о целях и средствах их достижения, не могут просто следовать требованиям естественного закона, поскольку будут от этого лишь в проигрыше: те, кто поступал бы в соответствии с естественным законом, "готовили бы себе не мир, но более скорый конец и, соблюдая закон, становились бы добычей не соблюдающих его"³. Поэтому, обосновывая необходимость

---

³ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 317, 328.

сильной власти, Гоббс рассуждает следующим образом: для сохранения мира необходимо соблюдение естественного закона, а для этого, в свою очередь, нужна безопасность, которая возможна лишь в том случае, если нападение на другого будет более опасным, чем соблюдение условий естественного закона. Стремление многих волей к единой цели должно быть заменено единой волей всех людей - что и достигается посредством образования власти.

Беря на себя функцию защитника мира, власть тем не менее не может гарантировать гражданам безопасность в самом полном смысле этого слова - всегда сохраняется вероятность внезапного нападения или причинения ущерба со стороны других людей. Но поскольку именно безопасность является той целью, ради которой люди организуют верховную власть, то ее задача в первую очередь состоит в том, чтобы устранить страх перед опасностью. Это не может быть достигнуто простым соглашением граждан не совершать определенные поступки. Поэтому выполнение соглашения должно подкрепляться наказанием нарушителей, задача которого - сделать нарушение соглашения столь невыгодным, чтобы отсутствие наказания со стороны власти показалось бы большим благом, нежели те блага, которые приобретаются в случае нарушения закона. Для выполнения этой задачи власть должна не просто обладать всеми правами, но и иметь возможность их реализовывать, а значит, быть властью прочной и сильной, что дает ей возможность держать подданных в страхе. Гоббс считает, что это возможно, когда вся полнота власти находится в одних руках (человека или собрания). Суверен обладает сильной властью в том случае, если в его руках находится, в первую очередь, "меч справедливости", под которым Гоббс подразумевает возможность наказания подданных при полном непротивлении последних (за исключением, как было указано, самого наказуемого), и именно обладание таким "мечом" делает его обладателем верховной власти.

Гоббс сразу и недвусмысленно заявляет о своем неприятии концепции разделения властей. Но меч справедливости, находящийся в руках верховной власти для обеспечения внутреннего мира, - не единственный "меч". Невозможно обеспечить внутренний мир, не обеспечив мир внешний, - внешние враги у государства всегда были и будут, ибо государства всегда находятся в естественном состоянии, то есть в состоянии перманентной войны друг с другом. Защищаться от внешних врагов государство может только своими силами, состоящими из сил отдельных граждан, переданных государству в момент заключения соглашения в форме обязательства подчиняться воле

суверена по его требованию. Если же лицо, обладающее правом ведения войны и заключения мира, не обладает возможностью заставить подданных путем наказания нести тяготы войны и участвовать в военных действиях (то есть если власть обладает "мечом войны", не имея в то же время "меча справедливости"), то его права становятся не более чем простой декларацией. То же относится и к судебной власти: обладающий правом наказания должен по собственному усмотрению решать вопрос о правильном его применении.

Что касается законодательной власти, то из вышесказанного ясно, что право издавать законы должно также находиться в руках верховной власти. Мир в государстве устанавливается не только принуждением, но и предупреждением возникновения несогласия между отдельными гражданами. Поскольку все столкновения порождаются противоречивыми представлениями людей о том, что есть справедливое и несправедливое, добро и зло, правильное и неправильное, то обязанность государства - дать гражданам общую для всех норму поведения, согласно которой они могли бы строить взаимоотношения. Это делается с помощью гражданских законов, которые являются "требованиями, касающимися действий граждан в будущем, предъявляемыми им тем, кто обладает высшей властью"⁴.

В соответствии с двумя задачами законодателя (судить и заставить подчиняться) гражданский закон должен состоять из двух частей - дистрибутивной (распределяющей) и имплицитивной (карающей). Первая часть является тем критерием демаркации, ради которого и происходит установление государства: в ней фиксируется естественная справедливость и распределяются права собственности, предписания поведения и т.д. А поскольку закон, по сути своей, предполагает наказание, то и оно должно быть зафиксировано в гражданском законе. Виндикативная часть закона выполняет двойную задачу - это не только предписание должностным лицам, определяющее меру наказания в случае нарушения того или иного закона, но и необходимый элемент стабильности государства, благодаря которому каждый гражданин четко знает, когда и что именно его ожидает. Тем самым "человек политический" в отличие от "человека естественного" практически избавляется от страха неожиданного и непредсказуемого нападения.

До принятия гражданского закона люди сами для себя решали, что правильно и что справедливо, а поэтому в естествен-

---

⁴ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 338.

ном состоянии, несмотря на всю его жестокость, не было ни несправедливости, ни проступка, ни преступления. В условиях гражданского общества существуют уже два вида разума - естественный разум людей и разум государства. Поскольку каждый человек имеет свое собственное, не совпадающее с другими, мнение относительно того, что считать злом или благом, хорошим или дурным, то гражданские законы не могут приниматься с согласия всех людей. Только государство имеет право определять, какое деяние составляет проступок (преступление) и какое за него должно быть наказание. В то же время наличие гражданских законов не исключает действия естественного закона. Если некоторые из естественных законов могут опровергаться гражданскими законами, то вводить в качестве гражданского закона, например, требование "не сопротивляться законной власти", не имеет смысла, поскольку это основное требование государства, которое было выдвинуто всеми гражданами в момент заключения соглашения об образовании государства. Если же какой-либо подданный выступит против самой власти или против государства (с требованием свержения, изменения и т.д.), то тем самым он нарушает все гражданские законы и должен рассматриваться как нарушивший именно не гражданский, а естественный закон, и наказываться соответственно как враг государства, то есть не по праву власти, а по праву войны⁵.

Человек, от которого требуется исполнение закона, должен знать как содержание самого закона, так и его автора (то есть гражданин должен быть уверен в том, что лицо, от которого исходят законы, имеет на то право). Из этого следует, что закон должен быть опубликован и обнародован, причем таким образом, чтобы стало дополнительно известно, что он исходит именно от законодателя. Поэтому Гоббс, говоря о писанных законах, подчеркивает, что такими законами являются не те, которые написаны философами, законоведами и юристами, но только ясно выраженные (устно или письменно) верховным правителем. В то же время нет необходимости, чтобы власть сама писала законы, обнародовала и толковала их и сама же производила наказание и вершила суд. Все эти функции можно поручить доверенным лицам с одним лишь условием: граждане должны знать, что их полномочия исходят от власти и именно ею дано право на толкование и исполнение закона.

Возвращаясь к соотношению права и закона в философии Гоббса, следует отметить, что гражданский закон является сле-

---

⁵ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 425-426.

дующим шагом последовательного ограничения естественного права: естественный закон ограничивает полную свободу, а оставшиеся права последовательно ограничиваются сначала законами гражданскими (общегосударственными), а затем законами отдельных городов и обществ. Такое последовательное ограничение уже, казалось бы, переданных прав не вполне понятно, для выяснения этого вопроса надо обратиться к учению Гоббса о свободе и необходимости.

С точки зрения философа, свобода и необходимость в политике совместимы. Первоначально люди создают ряд искусственных цепей, т.е. гражданские законы, существующие и удерживающие их в рамках определенных правил благодаря наличию сильной власти. Такова необходимость. Но в то же время нет ни одного государства, законы которого предписывали бы абсолютно все действия и слова людей. Поэтому свобода подданных состоит в свободе делать то, что не указано в соглашениях. Власть осуществляет, таким образом, управление государством не только с помощью введения законов, но и с помощью умолчания: в государстве подданным разрешается все, что не запрещено законом⁶. Таким образом, даже после передачи прав у человека остается еще определенное количество "свобод". Поэтому можно констатировать, что хотя высшей власти передаются все права, на практике она принимает лишь те, которыми считает необходимым воспользоваться для обеспечения безопасности государства. Это даст возможность в дальнейшем последовательно ограничить эти права местными, региональными законами, необходимыми для обеспечения безопасности в данном городе или ином сообществе. Поэтому нельзя говорить о том, что закон (как естественный, так и гражданский) занимает место права и вытесняет его.

Из факта существования у подданного неотчуждаемых прав вытекает еще один важный вывод: власть обладает неограниченными правами и является таковой лишь до тех пор, пока выполняет свою обязанность защищать подданных, "ибо людям дано природой право защищать себя, когда никто другой не в состоянии их защитить, что не может быть отчуждено никаким договором"⁷. Договор, по Гоббсу, заключается между людьми (а не между людьми и властью, как это было в более поздних теориях Дж.Локка и Ж.-Ж.Руссо). В результате достигнутого соглашения люди (а теперь уже граждане или подданные) отказываются от

---

⁶ Гоббс Т. Соч. Т. 2. С. 165.

⁷ Там же. С. 172.

всех своих прав, в том числе и от права заключать соглашения. Взамен власть обязуется обеспечить безопасность подданных, защищая их от внутренних и внешних врагов государства. При невыполнении властью своих обязательств⁸ подданные автоматически освобождаются от повиновения данной власти. Это происходит в следующих ситуациях: в случае естественной "смерти" данной власти или насильственного ее свержения (извне или изнутри), в случае пленения гражданина одного государства другим государством (когда он под страхом смерти или по иным соображениям вынужден стать подданным победителя, связав себя соответствующим договором), а также в ряде других случаев, общим для которых является неспособность власти выполнять свои обязанности по обеспечению безопасности подданных.

Обеспечение безопасности - не единственная обязанность государственной власти. В общем виде ее обязанности выглядят так: "Благо народа - высший закон"⁹. Поэтому власть, действующая не во благо народа, наносит себе вред, ибо притесняя граждан и не выполняя своих основных задач, ослабляет мощь государства и ставит под вопрос само свое существование. Во избежание этого власть не только обязана обеспечить гражданам внутренний и внешний мир, но также дать им как можно большее благосостояние и свободу в рамках, не угрожающих общественной безопасности.

Внешний мир и внешняя безопасность - весьма серьезная проблема для любого государства, ибо все они находятся в состоянии постоянной войны друг с другом. Поэтому представители верховной власти должны уметь сами или через посредников предугадывать повеление другого государства, иметь наготове вооружение, армию, оборонительные сооружения, а также обладать необходимыми денежными средствами для ведения войны. Не менее сложна задача по поддержанию внутреннего мира. Власть в обществе может "умереть" по причине внутреннего мятежа или восстания, возникающих вследствие неверных представлений о природе власти, о правах и обязанностях граждан и власти, об их взаимоотношениях и т.д. Поэтому одна из обязанностей власти - "вытравить" из сознания граждан пагубные для государства и власти заблуждения, заменив их на противоположные. Для этого

---

⁸ Термин "обязательство" в данном случае употребляется не совсем точно, поскольку власть не берет на себя никаких обязательств, а просто соглашается принять передаваемые ей права. Это, по существу, уже намеченная формулировка более поздней (конец XVIII - начало XIX вв. у Гегеля и др.) концепции двух видов права: права-закона и права-обязательства.

⁹ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 401.

в государстве должна быть организована система образования, дающая подданным "истинное учение", согласное с разумом и с самой природой вещей"¹⁰. Кроме того, к восстанию может побудить и чрезмерная бедность граждан государства, причем основной причиной будет не столько степень общественных повинностей (что само по себе имеет большое значение), сколько неравномерное их распределение. Поэтому следующей задачей власти должно быть установление такого налогообложения, тяготы которого лягут на всех граждан равномерно, то есть пропорционально пользованию ими общественными благами. Не меньшим источником бед для государства является и такое естественное человеческое свойство как честолюбие. Для изживания последнего государство должно разработать систему наград и поощрений добродетельных граждан и наказания непослушных, с тем, чтобы честолюбие (которое, по определению, до конца уничтожить в человеке невозможно) проявлялось в повиновении, а не в сопротивлении власти. Что же касается общего благосостояния граждан, то оно достигается поощрением со стороны власти труда и бережливости с одновременным запрещением безделья.

Таковы основные обязанности власти, соблюдение которых - в интересах самой власти. Для наиболее эффективной их реализации власть должна в то же время предоставить подданным свободу в необходимых пределах. Эти "пределы" определяются возможностью для граждан без страха пользоваться оставленными им правами. Страх, будучи доминирующим чувством естественного состояния и основной причиной объединения людей в гражданское общество, с образованием государства не уничтожается, а преобразуется в иную ипостась: в страх перед властью, когда исчезает наиболее губительный элемент страха - неожиданность. Гражданин в отличие от естественного человека всегда знает, что определенный проступок повлечет за собой соответствующее наказание.

Описанное изменение общества невозможно без изменения самого человека. Гоббс подчеркивает, что "естественное" не тождественно "разумному" - человек может и должен развиваться; естественный разум даст ему возможность осознать, какой путь развития общества является наиболее предпочтительным для получения наибольшего блага и каковы необходимые для этого условия. Одним из таких условий является сильная власть, но власть не сама по себе (как это было у Н.Макиавелли), а возникающая одновременно с сознательным актом установления государства.

---

¹⁰ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 405.

Человек естественный соотносится с гражданином так же, как соотносятся друг с другом естественное состояние и гражданское общество: как дикое - одно, и разумное, цивилизованное - другое. Люди к моменту заключения договора об образовании власти должны пройти определенный этап развития, осознав естественный закон не как разрешающий, а как запрещающий те действия, которые могут принести вред другому.

Несмотря на то, что Гоббс отождествляет гражданское общество и государство, последнее в его политической философии сильно отличается от государств, описанных его предшественниками. Между народом и властью Гоббс устанавливает своего рода равенство, при котором определяющим фактором их взаимоотношений становится не взаимное подавление, а взаимная свобода, право же на репрессии со стороны власти направлено, главным образом, на сохранение в государстве мира - той фундаментальной ценности, которая дает человеку возможность развиваться в соответствии со своими естественными, природными способностями по естественному пути, соответствующему его природе.

Технология власти - это диалектика отношений многих факторов, обеспечивающих ее реализацию. Гоббс намного опередил свое время, обнаружив ряд фундаментальных закономерностей функционирования власти.

Особенности политической власти в современном Китае

Знание системы политической власти современного Китая имеет чрезвычайно важное значение не меньшей мере по трем причинам: во-первых, благодаря удельному весу данного государства в мировой политике; во-вторых, в силу характера его социально-экономического строя; в-третьих, из-за возможности расширения представлений о мировом политическом процессе.

Китайскую Народную Республику по традиции продолжают называть социалистической страной, тем более, что подобная квалификация принята во всех официальных документах данной страны. Однако подобная оценка все более вступает в противоречие с социально-экономическими процессами, произошедшими в Китае после решений декабрьского Пленума ЦК КПК 1978 г. Введение различных форм собственности в народном хозяйстве, отказ от государственной, общественной собственности в деревне, внедрение рыночных отношений, широкое заимствование иностранной техники и технологии, приглашение зарубежных специалистов, создание совместных предприятий и свободных экономических зон, посылка большого количества людей на учебу и стажировку за границу - таковы основные моменты этих изменений. Постепенная замена плановой экономики - рыночной, централизованного распределения продуктов - товарно-денежными отношениями потребовали соответствующей корректировки в теории. На смену учению о закономерностях переходного периода от феодализма или капитализма к социализму пришла концепция "социализма с китайской спецификой", которая по своему концептуальному содержанию принципиально расходится с догматическим марксизмом. Достаточно упомянуть положение, согласно которому интеллигенция входила в состав рабочего класса. Тем самым фактически отбрасывался тезис о ее подчиненной роли в социальной структуре.

Что же касается политической системы, то здесь не произошло каких-либо принципиальных изменений. Как и до начала

экономической реформы ядром, центром этой системы по-прежнему являлась Коммунистическая партия Китая, которая продолжала осуществлять всеобъемлющий контроль за всей общественной жизнью, подчинение членов общества коллективным целям и официальной идеологии. Контроль этот осуществлялся прежде всего путем закрепленного в Конституции страны положения о руководящей роли партии. Партийные решения и до сих пор являются обязательными для любого органа власти - законодательной, исполнительной и судебной, любых учреждений и предприятий, независимо от их ведомственной принадлежности. Исполнение партийных решений контролируется ее полномочными представителями в лице партийных комитетов, присутствующими на любом уровне в обязательном порядке. Они несут ответственность за подбор кадров. Секретари парткомов и поныне имеют в Китае большую власть в отличие от аналогичных лиц в бывшем Советском Союзе, ибо они приравниваются по своему рангу в иерархической системе должностей к руководителям учреждений или предприятий. Например, одинаковым рангом обладают секретарь парткома министерства и министр, секретарь парткома института и его директор, секретарь парткома завода и его директор и т.д. Во многих случаях допускается совмещение должностей, причем не только в отношении предприятий народного хозяйства, высших учебных заведений, но и министерств и даже органов власти. Министр может быть одновременно секретарем парткома министерства, а мэр города - секретарем парткома. О сращивании партийного и государственного аппарата красноречиво свидетельствует такой факт, как оплата всей деятельности партии из государственного бюджета.

Существование в современном Китае подобной системы политической власти объясняется целым рядом причин. Прежде всего традициями политической системы. В Китае практически никогда не существовало демократического общества. В течение многих столетий в стране господствовал императорский строй, который затем сменился тоталитарным режимом буржуазно-феодалных кругов. С приходом к власти коммунистов произошла лишь смена правящего слоя. Что же касается организации системы власти, то она лишь в деталях отличается от гоминьдановской¹. В течение столетий в традиционном Китае культивировали представления, исходящие из безусловного приоритета коллектива над индивидом, отрицавшие право последнего на автоном-

¹ В период 50-70-х годов политические режимы в материковом Китае и на Тайване, куда переселено гоминьдановское правительство, были во многом похожи.

ное существование. Сознание масс носило общинно-коллективистский характер. Член китайского социума привык чувствовать себя песчинкой в огромном море житейских бурь, поэтому он просто не может представить себя вне дома, семьи, коллектива, общины. Следует также учитывать огромное воздействие на умы миллионов китайцев стереотипов конфуцианства.

Это учение играло громадную роль в формировании всего китайского образа жизни, начиная от социальных институтов и кончая семейными отношениями. Культ конфуцианской традиции, заложенный в эпоху Хань и подновленный при Сунах, стал альфой и омегой всей китайской культуры, основным базисным элементом культурного и соответственно политико-философского наследия. Принципы конфуцианской этико-политической доктрины играли определяющую роль в формировании мировоззрения каждого члена китайского социума - не только интеллигента, но и обычного крестьянина. Каждый китаец вольно или невольно соразмерял свои поступки и мысли с предписаниями конфуцианства. Поэтому можно говорить о том, что каждый китаец был в известном смысле конфуцианцем.

Принципы этико-политической доктрины конфуцианства, кратко говоря, состояли в следующем: это культ отца и старших в семье, культ семьи и клана, культ чиновников-ученых, оборачивающиеся в конечном счете культом идущей от Неба власти императора, культом старших вообще, приверженностью к консерватизму и традициям. В течение многих столетий китайское общество было обществом патерналистского толка, что легко объясняет систематическое появление тоталитарных режимов. Император, будучи наместником Неба, выступал в роли Отца своих подданных, поэтому неповиновение его установлениям не допускалось и жестоко каралось. Конфуцианство не могло не оказать своего влияния на формирование мировоззрения первых руководителей Коммунистической партии Китая, ибо все они получили обычное китайское воспитание.

Вторая причина, объясняющая существование в Китае тоталитарного режима, связана с коммунистическими убеждениями китайских лидеров. Их представления о политической системе социализма были почерпнуты не из сочинений Маркса или даже Ленина, а скорее из работ Сталина, которые не только в 30-40-е годы, но и позже были достаточно хорошо знакомы партийным кадрам китайской компартии.

Наконец, нельзя не учитывать, что к моменту взятия власти имелся лишь опыт длительной вооруженной борьбы за власть.

Симбиоз конфуцианства и марксизма (в его догматической версии) объясняет приверженность руководства КПК идеям централизованной бюрократической власти, их неприязнь к принципам демократии. В июне 1984 г., т.е. уже в период разгара экономической реформы, говоря о политической реформе, Дэн Сяопин решительно отвергает саму возможность заимствования каких-либо элементов западной политической системы: "Когда говорят о политической реформе вообще, то говорят о демократизации. Но что имеется в виду под демократизацией, не очень ясно. Демократия, которая осуществляется в капиталистическом обществе, является буржуазной, а фактически демократией монополистического капитала. Это не что иное, как борьба партий во время предвыборной кампании, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. Допустимо ли для нас разделение власти? У нас институт собраний народных представителей, народная демократия, осуществляемая под руководством компартии... Нам нельзя перенимать у Запада так называемую демократию и разделение власти, нам нужно осуществлять социалистическую демократию и гарантировать преимущества социализма. Я говорю не об эффективности хозяйственного и административного управления, а об общей эффективности. В общей эффективности наше преимущество, и мы должны его сохранять.. Поэтому мы считаем, что при перестройке нельзя идти на заимствование западной системы, нельзя перетаскивать к себе капиталистическую систему Запада"².

Дэн Сяопин считает невозможным проведение прямых выборов в парламент - Всекитайское собрание народных представителей, поэтому они до сих пор косвенны, т.е. парламентариев общекитайского уровня избирают не избиратели, а депутаты местных народных собраний, т.е. парламентов, по определенной квоте.

Содержание политической реформы состоит, по мнению Дэн Сяопина, во-первых, в децентрализации властных полномочий Центра в области экономики, но не в принятии политических решений, а, во-вторых, в улучшении системы подбора кадров, которое он понимает как постепенное их омоложение.

В течение последних пятнадцати лет в Китае создана довольно стройная система обновления работников партийного, государственного и хозяйственного аппарата, получившая метафорическое название ухода с линии "первой" на "вторую" и

---

² См.: Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 230-232.

"третью"³. Речь идет о постепенной замене кадров преклонного и пожилого возраста более молодыми работниками. С этой целью была продумана целая система мер - от создания на всех уровнях в партийных комитетах комиссий советников до издания соответствующих постановлений, регламентирующих возрастные рамки выхода на пенсию различных категорий служащих и рабочих⁴.

При существующей в современном Китае системе политической власти подобные нововведения в известной степени позволяют повысить эффективность государственного и хозяйственного управления. В стране существует своя, китайская специфика принятия политических решений. В течение десятилетий сложился довольно многочисленный слой политической элиты, состоящий из партийных, государственных и хозяйственных чиновников, связанных корпоративными интересами. Все ее члены исповедуют одну и ту же идеологию, преследуют одну и ту же цель, хотя у них может быть и различное представление о методах ее реализации. Самый верный слой элиты составляет узкий круг лиц, занимающих либо занимавших высшие должности в партии и государстве. На вершине своеобразной политической пирамиды находится Дэн Сяопин, которому принадлежит особая социальная роль. Считается, что Дэн Сяопин так же как и Мао Цзэдун относится к харизматическим типам личности.

В период "культурной революции" он дважды подвергался опале, последняя из которых закончилась только со смертью Мао Цзэдуна. Учитывая его опыт, профессиональные данные, эрудицию, Дэн Сяопин был возвращен в состав руководства. И здесь оказалось, что только он смог предложить конкретную и реалистическую программу реформы китайского общества, получившую впоследствии название "социализма с китайской спецификой". Однако новаторский дух этой программы не смог бы при-

---

3 Под "второй линией" понимается перевод кадровых работников в ранг советников, т.е. освобождение их от повседневной практической работы. "Третья линия" означает отход кадровых работников вообще от активной политической деятельности.

4 Так, например, рядовой профессор вуза или академического института, не имеющий революционных заслуг, т.е. не вступивший в партию до 1-го октября 1949 г., к моменту образования КНР или не имеющий выдающихся заслуг в своей области, в 60 лет в обязательном порядке уходит на пенсию. В то же время 60-летний возраст не является ограничением для работников партийного и государственного аппарата, имеющих особые заслуги. Подобная практика регламентируется подробными инструкциями, не публикующимися в открытой печати, но они достаточно широко известны в кругах китайской общественности.

нести ему политического капитала, если бы он не обладал особым даром убеждать своих коллег по руководству, членов партии, массы в том, что предлагаемый им необычный, неординарный, расходившийся с общепризнанными принципами социальный проект обречен на успех. Важную роль сыграло то, что Дэн Сяопин делал акцент на национальных чувствах китайцев, их национальном достоинстве, неповторимости предложенного им курса. В результате Дэн Сяопин постепенно из числа высшего политического руководства, имеющего одинаковые права с другими своими коллегами, превратился в первое лицо в стране. Самое удивительное, что он, не будучи формально ни Председателем ЦК КПК, ни Генеральным Секретарем ЦК партии, тем не менее стал высшим арбитром последней инстанции в принятии ответственных политических решений. После XIV съезда КПК, состоявшегося в 1992 г., Дэн Сяопин формально отошел на "третью линию", сложил с себя последние должностные обязанности Председателя Центрального Военного Совета КНР, однако его политический авторитет по-прежнему непрекращаем. В последние годы официальная китайская пропаганда усиленно создает культ Дэн Сяопина. Практически с середины 80-х годов Дэн Сяопин, как и в свое время Мао Цзэдун, стал своего рода императором. Мы говорим - своего рода, - ибо в том и в другом случае власть, равную власти императора, оба человека получили благодаря своим личным качествам, харизматическому дару. Завоеванный им политический авторитет во многом объясняется тремя качествами: во-первых, умением следовать конфуцианскому принципу "золотой середины", согласно которому необходимо избегать крайностей при принятии решений, учитывать все, даже противоположные мнения, подходить к решению вопросов, исходя из принципа: с одной стороны и с другой стороны; во-вторых, - прагматизмом, т.е. умением во время отказываться от устаревших догм и стереотипов и, наконец, в-третьих, - смелостью и твердостью при реализации принятых решений. Дэн Сяопин - последний китайский реформатор, принадлежащий к старшему поколению коммунистических лидеров. Дэн Сяопин отлично сознает, что то общество, которое он хочет построить в Китае, не будет социалистическим, скорее оно будет капиталистическим, но с китайской спецификой. Для его обозначения он использует традиционное китайское понятие "общество благоденствия". Вместе с тем Дэн Сяопин считает, что отказ от лозунга - "строим социалистическое общество" (не от идеи - от идеи он внутренне уже отказался) поставит под удар саму реформу. (Решения последнего ноябрьского пленума ЦК КПК

1993 г. в случае их реализации неизбежно приведут к дальнейшей "капитализации" страны). Он не раз говорил об особых условиях Китая - размерах территории и населения, региональных различиях, особенностях истории, многонациональном составе, сюда же можно добавить и факт низкой политической культуры народа, двадцать процентов которого просто неграмотно. Эти условия, по его мнению, не позволяют реализовать в стране атрибуты западной демократии. Дэн Сяопин полагает, что в случае их переноса на китайскую почву возникнет реальная опасность возникновения политической нестабильности, анархии и хаоса. Именно этими соображениями были продиктованы решения о смещении Ху Яобана с поста Генерального секретаря ЦК КПК в январе 1987 г. после первых студенческих демонстраций и о подавлении студенческого движения, имевшего место в мае-июне 1987 г.

По мнению Дэн Сяопина и других китайских лидеров, в условиях современного Китая политическая реформа необходима, но она должна быть подчинена экономической реформе и носить ограниченный характер. Ее основные принципы были сформулированы в Отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду партии (октябрь 1987 г.) Их семь - разграничение функций партийных и правительственных органов, децентрализация управления; улучшение работы правительственных органов; перестройка системы подбора кадров; введение системы общественных консультаций и диалога; совершенствование системы политической демократии; усиление законопослушательской деятельности. Под совершенствованием системы политической демократии понимается не введение системы разделения властей, а повышение роли общественных организаций, улучшение работы центрального и местных представительных органов; под разграничением функций партийных и государственных органов - не подчеркивание первостепенной роли государства, а лишь отказ от ненужного дублирования в работе этих органов; под системой общественных консультаций - не согласие с принципом многопартийности, а признание социальной роли других партий. В сущности, речь идет о повышении эффективности функционирования политической системы в интересах осуществления экономической реформы. Перефразируя слова Дэн Сяопина, можно сказать: цель политической реформы - добиться, чтобы вся страна сразу же приступила к решению хозяйственных вопросов, как только последует соответствующий призыв.

Собственно, в настоящее время в Китае существует авторитарная система. Это проявляется в следующем. Власть коммуни-

стической партии Китая носит неограниченный характер, опирается в значительной степени на силу. Вместе с тем нельзя отрицать того, что режим имеет до сих пор массовую поддержку. Для современного китайского общества характерна также монополизация власти и политики, политической оппозиции в общепринятом смысле этого слова не существует, если не считать не признаваемых властями и, по существу, нелегальных небольших групп правозащитников. Носителями власти выступает узкий круг лиц.

Вместе с тем в этом обществе имеется определенный плюрализм прежде всего в экономике и, как это ни парадоксально, в идеологии. Власть в лице руководящего слоя политической элиты занята прежде всего вопросами обеспечения внутреннего порядка и внешней безопасности. Что касается экономики, то здесь ее интересуют вопросы стратегического характера, она не осуществляет тотальный контроль над сферой реальных товарно-денежных отношений. Функционирование механизмов рыночного саморегулирования обеспечивает существование определенной экономической свободы, автономии личности в этой сфере.

Появившийся в ходе осуществления экономической реформы экономический плюрализм находит свое отражение в социальной структуре и политической жизни Китая. Социальная дифференциация, пришедшая на смену ранее монолитному обществу, проявляется прежде всего в появлении нового среднего класса в лице как партийно-государственных кадров, их коллег, "пересброшенных" в коммерцию и предпринимательство, и лиц, не имевших ранее никаких связей с номенклатурой. За годы реформы в Китае, как в центре, так и на местах, выросло новое поколение людей - бизнесменов, предпринимателей, в том числе и не членов КПК в возрасте 30-55 лет, предприимчивых, инициативных, лишенных догматических представлений, пекущихся более о рентабельности, прибылях, зарабатывании денег, нежели о, соблюдении идеологических принципов. Эти люди, естественно, стремятся к тому, чтобы их экономические и политические интересы были представлены в органах государственной власти, в партийном аппарате. В условиях авторитарного режима другой возможности для защиты своих интересов у них нет. Поэтому в коммунистической партии появились две различных группы интересов - одна, выступавшая за продолжение экономической реформы, другая - за их замедление или даже приостановление. Прямое институциональное оформление этих групп интересов в китайском обществе на данном этапе затруднено, хотя консервативные силы объективно составляли большинство в

комиссиях советников при парткомах. Однако борьба между двумя группами интересов шла постоянно. Она выражалась в форме дискуссий на страницах научной и партийной печати, в столкновении мнений на различных совещаниях, в характере и содержании партийных решений и указаний. На рубеже 90-х годов консервативные силы, явно под влиянием событий в Советском Союзе и Восточной Европе, консолидировались и предприняли попытки остановить экономическую реформу. В частности, они заявили, что необходимо закрыть специальные экономические зоны, поскольку они являются рассадником капитализма и всех негативных явлений, связанных с ними. В этих условиях Дэн Сяопин в начале 1992 г. предпринял поездку на юг страны, где, по существу, выступил с призывом продолжать реформу. Его указания были оформлены в виде "Документа № 2", который был, как обычно в таких случаях, объявлен обязательным для внутрипартийной проработки.

Сложные реалии политической жизни Китая нашли свое отражение в ряде теоретических дискуссий. Так во второй половине 1988 г. - первой половине 1989 г. в китайской политической науке прошла оживленная дискуссия о природе авторитаризма и демократии и их судьбах в современном Китае. В ходе дискуссии выявились две точки зрения. Сторонники одной точки зрения подчеркивали необходимость следования западным, демократическим моделям развития. Другие, признавая в принципе необходимость проведения в Китае демократизации, в то же время говорили о необходимости учитывать специфику социокультурных условий страны. Их исходная позиция вкратце состояла в следующем. В Китае отсутствуют демократические традиции, поэтому для осуществления модернизации в настоящее время нельзя использовать западный опыт в виде парламентской демократии. Власть должна быть сосредоточена в руках политической элиты или просвещенного лидера. По их словам, именно такой путь политического развития прошли Южная Корея, Тайвань, Япония. В поисках теоретического обоснования сторонники этой точки зрения обратились к концепциям политической модернизации консервативного толка, в частности, к работам С.Хантингтона. Как известно, он ставил модернизированность политических институтов в зависимость не от степени их демократизации, а от их прочности и организованности. Модернизация требует жесткой, централизованной, по сути дела, тоталитарной власти, ибо только она может обеспечить переход к рынку и национальному единству в ранее отсталых странах. Поэтому в процессе модернизации государство преследует две

цели: политическую демократию и политическую стабильность, причем в условиях отсутствия политической стабильности не может быть реализована политическая демократия. Иначе говоря, человечество может не иметь свободы, но иметь порядок, однако оно не может, не имея стабильности, иметь свободу.

Приверженцы этой позиции выдвинули концепцию "нового авторитаризма", согласно которой развитие современного китайского общества требует сочетания авторитарного режима власти, т.е. централизованной системы управления, со свободой, т.е. определенной степенью демократии, причем критерием демократичности тех или иных свобод является их "способность развивать рынок". Современный Китай переживает переходный период от нерыночной экономики к рыночной, поэтому на первый план выдвигаются проблемы обеспечения экономической свободы, а не развития демократической системы. По мнению одного из участников дискуссии, демократия как строй не обязательно должна существовать одновременно со свободой. Если есть демократия, то обязательно есть свобода, однако, если есть свобода, то не всегда есть демократия. Примером тому - Гонконг. В данном случае под свободой понимается экономическая свобода, т.е. автономия личности в экономической сфере. Сторонники концепции "нового авторитаризма" постулировали тезис о том, что рыночная экономика по своей природе предполагает экономическую свободу, поскольку основывается на свободе выбора каждого человека и его ясно выраженном праве участия в производстве. Для развивающихся стран, к которым относится Китай, крайне важно, что экономические свободы обеспечивают не только устойчивость экономического развития, но и политическую стабильность. В этих странах парламентская демократическая система не может служить поэтому средством введения рыночных отношений, напротив, последние в конечном счете приводят к появлению системы парламентаризма.

Дискуссия о судьбах авторитаризма и демократии в Китае носила многоаспектный характер. Мы затронули здесь лишь один из моментов, который имеет прямое отношение к рассматриваемой теме. После известных событий на площади Тяньаньмэнь обсуждение данной проблематики на страницах китайской печати прекратилось, поскольку оно в случае его продолжения стало бы затрагивать важнейшие вопросы государственной жизни.

• • •

Существующий в современном Китае авторитарный режим имеет не только свои достоинства, но и недостатки. Неминуемый в ближайшее время уход из политической жизни Дэн Сяопина (в 1994 г. ему исполняется 90 лет) неизбежно ставит вопрос о политических гарантиях продолжения курса, начатого в конце 1978 г. Никто из нынешних китайских руководителей не имеет такого авторитета, каким обладает Дэн Сяопин, никто из них не может претендовать на освобождающийся "трон императора". И хотя силы консерваторов ослаблены⁵, их влияние в партии и в обществе еще очень велико. При любом серьезном осложнении социальной и особенно экономической обстановки они имеют серьезные шансы на успех. Можно предположить, что конфуцианская терпимость, следование принципу "золотой середины" возьмет верх над идеологическими догмами. Однако пример современного Китая лишний раз свидетельствует, что магистральный путь развития политической истории лежит во введении демократических институтов власти, что, естественно, не исключает неуклонного учета социально-культурного и исторического контекста.

---

⁵ На XIV съезде КПК были, в частности, упразднены комиссии советников.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Понятие власти	5
1. О трудностях определения понятия власти.....	6
2. Современные концепции власти	14
3. Власть и влияние	27
Глава 2. Некоторые особенности функционирования власти	34
1. Ценностная легитимация власти.....	34
2. Власть и информация.....	43
3. Власть и утопия	53
4. Политический человек как главный инструмент реализации власти.....	69
Глава 3. Методы политического влияния и манипулирования	88
1. Методы политического влияния	88
2. Методы политического манипулирования.....	106
3. Субъект и объект политического влияния и манипулирования	125
Приложение 1. Отношения человека и власти в политической философии Т.Гоббса.....	142
Приложение 2. Особенности политической власти в современном Китае.....	152